

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Сергей ШВЕДОВ

ШАТУН

Издательство Асфалт-книга

Сергей Шведов
Шатун
Серия «Рождение империи», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124598

*Шведов С.В. Шатун: Фантастический роман: М.:АРМАДА: «Издательство Альфа-книга»; М.; 2004
ISBN 5-93556-445-9*

Аннотация

Боги редко ладят друг с другом, но еще чаще спорят меж собою их печальники. Языческая Русь восстала прочив новой веры, что так пришлось по сердцу кагану Битюсу. А в центре этой круговерти из интриг, кровавых схваток, заговоров и мятежей возвышается фигура ведуна Драгутина, про которого даже близкие к нему люди не могут сказать с уверенностью – оборотень он или человек...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	45
Глава 8	50
Глава 9	55
Глава 10	61
Глава 11	68
Глава 12	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Сергей Шведов Шатун

Часть первая СХРОНЫ КОЛДУНА

Глава 1 СЛЕД

Знатно погулял Стрибог в эту зиму по земле радимичей, наметав сугробы чуть ли не в рост человеческий. Веселая зелень елей если и радовала глаз, то словно бы исподтишка, проказливо выглядывая в прорехи белых шуб, которыми укрыл пушистых красавиц вечный бродяга. Все знают, что Стрибог к елям равнодушен, особенно зимой, когда отгулявший на хмельном Даджбоговом пиру лес предается отдохновению. Не погружаются в спячку только ели, отрада Стрибогова сердца, веселые шалуни, норовящие стряхнуть с зеленых лап на голову путника целый ворох снега.

Искару не повезло, именно так веселая красавица и приветила его, чем изрядно порадовала шедшего за ним след в след Осташа. Смеялся Осташ так заливисто, что торивший путь Данбор обернулся и погрозил отроку кулаком. Хорошо хоть, смеялся братан на пути обратном, когда взятая у леса добыча приятно оттягивала плечи, а то Данбор не ограничился бы пустой угрозой, а отвесил неслуху хорошего леща.

Искар, недовольно косясь на зловредную ель, стряхнул с бобровой шапки сомнительный подарок. Заигрывает еще, зеленая колдунья, словно перед нею несмышлениш, первый раз выскочивший за ограду выселок. Искар, между прочим, уже девятнадцатую зиму землю топчет, а по силе ежели брать, то разве что Данбор против него один в один устоит. Осташ на полгода Искара моложе и мог бы не смеяться над старшим, Даже если тот совершил оплошность.

– Увалень ты, Искар, – хмыкнул Осташ братану в спину, – медвежья твоя порода.

Другому эти слова Искар не спустил бы, но с Осташа спрашивать не стал. Не чужой ему Осташ, а меж своими шутка – не обида. Искар и сам не знал, почему его в селе шатуненком зовут. Плохо только, что не в глаза кличут, а за спиной. Кто с усмешкой кривой, кто даже будто бы с испугом. А ведь Искар в сельце свой, Данборовой породы, хотя и не отцом к этой семье прислонен, а матерью.

Отца своего Искар не знает, гостем он, видимо, был на этой земле, а гость – он, как известно, от бога: пришел, обронил семя – и нет его. Мать Искара умерла родами, а более он ничего о ней не знает, но, видно, хороша она была собой, коли славянские боги забрали ее к себе в страну Вырай до срока.

В воздухе запахло дымом, хотя до сельца еще шагать и шагать. Места здесь глухие, и, кроме охотников, никто сюда в эту пору не наведывается. Разве что шалопуга-изгой, коих ныне немало по белу свету бродит, вздумал погреться у костра. Данбор замер на месте. Искар тоже остановился, не доходя трех шагов до широкой дядькиной спины. Добытая в лесу свежатиная изрядно давила отроку на плечи немалым весом. Хороший был одинец, и взяли охотники его удачно, не потратив даром ни одной стрелы.

– След, – тихо сказал Данбор, не поворачивая головы. Искару мешала еловая ветка, и он присел, чтобы лучше видеть. След на слежавшемся снегу был виден отчетливо, но из-за дальности расстояния трудно было определить, кому он принадлежит.

– Медвежий, – просипел заинтересованный не менее братана Осташ.

Данбор почему-то молчал, хотя обычно не давал говорливому сыну разгуляться языком, тем более что неслух опять поперед старших полез. Вот ведь завелся говорун под Данборовым кровом! И ведь с младых ногтей он такой. Сколько его Искар помнит, столько он и живет с открытым ртом. Даром что из рода Молчунов. Даже во сне иной раз разговаривает Осташ, видно, его язык не успеваешь устать за день.

– Человек прошел, – сердито огрызнулся Искар.

– А я говорю – шатун, – стоял на своем Осташ. – Где это видано, чтобы человек шастал босиком по такому морозу. А когти, посмотри, какие.

Вообще-то, конечно, странно. След был медвежий, но рядом отчетливо отпечаталась ступня человека. И далее, насколько Искар мог дотянуться взглядом, были только человечесьи следы, а медведь пропал куда-то, словно его и не было.

– Похоже, человек с медведем рядом шли, – сказал Осташ.

– И оба одноногие, – хмыкнул Искар.

Выходила полная несуразица. Это даже Осташ понимал, потому и примолк. А Данбор все смурнел и смурнел ликом, словно он по этим на первый взгляд безобидным отметинам на снегу постиг нечто недоступное отрокам.

– Пошли, – наконец произнес Данбор и круто отвернул в сторону от загадочных следов.

– А как же... – начал было неугомонный Осташ, но отец бросил в его сторону такой взгляд, что отрок мигом осекся. И молчал потом всю дорогу до сельца к большому удовольствию Искара, которому торопливый братанов разговор мешал думать. А подумать было о чем. Следы-то явно вели к месту проклятому и запретному. Во всяком случае, Искар точно знал, что человеческого жилья в той стороне нет. Да и какой добрый человек в здравом уме поселится на болоте, где по лету и шагу ступить невозможно, чтобы не угодить в трясину. У Серка в прошлом году корова в том месте заблудилась, так кузнец ее даже искать не стал, а лишь безнадежно махнул рукой. Осташ не раз подбивал братана наведаться в те запретные места, но Искар его уговорам не поддавался. Ежели каждый начнет где ни попадя торить тропу, то никакого порядка на земле не будет. Да и страшновато было Искар. Дело-то не в болоте. Хаживал он по топям. Но одно дело – простое болото, и совсем другое – проклятое место. Искар слышал краем уха, что в том месте Хозяин живет. А кто он такой и почему его назвали Хозяином – про это допытаться ему не удалось.

– Оборотень это был! – шепнул в спину Искар Осташ. – Попомни мое слово.

Данбор, успевший оторваться от отроков на добрые два десятка шагов, шипение Осташа не слышал, а у Искара внутри все похолодело. Конечно, Осташев язык – не било, чтобы ему все вече внимало, но тут ничего иного даже Искар на ум не идет. Опять же Данбор встревожился и заспешил прочь, а ведь дядьку не испугает ни медведь, ни человек. Но оборотень – это совсем другое дело. От оборотня сулицей¹ не отмахнешься. Наговором разве что? Но тут ведь и не каждый наговор поможет. По наговорам Серку в сельце равных нет, но справится ли кузнец с оборотнем? Искар не был в этом уверен.

– Волхвов надо звать, – стоял на своем Осташ. – Велесовы, говорят, могут с оборотнями совладать. А Серок не справится, тут и спорить не о чем.

– Поживем – увидим, – возразил Искар из чистого упрямства. – Серок не менее волхва сведущ.

¹ Сулица – метательное копьё. – Здесь и далее примеч. ред.

Наверное, он зря затеял этот спор с Осташем. Кузнец, конечно, много знает и многое умеет, и если бы речь шла о леших и домовых, то о волхвах и помину бы не было. Но оборотень – это совсем другое дело.

Все-таки до чего же легок на ногу Данбор, хотя и годы его немалые и ноша на спине увесистая, а по сугробам шагает хоть бы что. Конечно, плетни на ногах помогают держаться на податливом насте, но все равно Искар, поспешая за дядькой, пыхтел как загнанный выжлецами кабан.

К сельцу вышли, когда начало смеркаться. Давно известно, что зимний день короток. Оглянуться не успеешь, а вмиг почерневшее небо уже покрылось солью. В сельце злобно и вразнобой залаяли собаки. Не признали, видимо, своих, а чужих в этих глухих местах встречают с опаской. Натужно закрипели насквозь замороженные ворота. Искар привычно подумал, что изгородь вокруг сельца пора бы обновить, да и плахи на воротах тоже. А еще лучше – соорудить на месте изгороди тын из толстенных бревен, такой же высокий, как в городе Берестене. Но последнее вряд ли удастся. Мужей, годных для столь тяжелой работы, в сельце слишком мало. А изгородь хоть и защищает селян от набегов лесных хищников, но от врагов, конечно, не спасет. Надежда в этом случае только на хазарский меч, который еще оплатить надо, да на собственные ноги, если враги мимо застав проскочат. А такое, по слухам, в последнее время бывает все чаще. Жирох обронил как-то, что каган² Битюс коварно дает степнякам дорогу, чтобы те пощипали неуступчивых князей, которые взяли большую силу в городах. Право суда князьям дано славянскими богами, а каган и ближние к нему ганы³ ныне пришлому богу кланяются, а потому и стали они славянам чужими. Искар таким словам Жироха дивился, а Серок молчал и только привычно шурился на огонь. А отрок-то раньше думал, что кузнец с каганом Битюсом в большой дружбе.

– Несмышлениш ты еще, Искар, чудо лесное, – усмехнулся в бороду Жирох. – Ныне не только каган смерду не брат, но и простые хазары нас за людей не держат. А дань плати. Тивун⁴ гана Митуса проезжал по осени сельцами и грозил расправой тем, кто с платой тянуть будет.

Серок так тогда ничего Жироху и не ответил, но Искар показалось, что кузнец чем-то сильно опечален. Отрока больше всего огорчило то, что Серок с каганом не в дружбе. А ведь большую часть жизни кузнец провел в стольном кагановом граде. Была у Искара мыслишка, заручившись поддержкой Серка, напроситься на хазарскую службу, благо и сила у него в руках есть, и мечом обучил его владеть Данбор. В сельце же скучно было Искар, хотелось белый свет повидать и своей удалью перед людьми покрасоваться.

Данбор перебросил на плечи Осташа свою нелегкую ношу и направился к кузнице, где и в эту позднюю пору слышался тяжелый стук молота.

– Совет держать отправился, – негромко сказал Осташ, глядя в спину удаляющемуся отцу. – Послушать бы, о чем говорить будут.

– Шагай, – подтолкнул его в спину Искар. – Без тебя старшины управятся. И язык не распускай в сельце-то, не пугай женок понапрасну.

Нет, не удержится Осташ, обязательно разболтает обо всем не только ближним, но и дальним. Шутка сказать – оборотень. Да не просто оборотень, а шатун. От таких вестей дрогнет любое сердце.

Кроме Серка в кузнице были Жирох и Туча, что Данбора не удивило. Среди зимы в сельце больше пойти некуда. Вот и спасаются почтенные мужи от бабьего крика да ребячьего визга у наковальни старого Серка. И не без пользы для общины время проводят.

² Каган – хан ханов.

³ Ган – хан.

⁴ Тивун – приказчик, управляющий.

– С добычей тебя, Данбор? – спросил Жирох, глянув на вошедшего из-под седой шапки волос.

– С добычей, – вздохнул Данбор, присаживаясь на стоящую у входа лавку.

Закончивший работу Серок мыл руки в большом чане, на прокопченном лице его мелькнуло недоумение.

– Неужто поскупились лесные духи?

– Одинца взяли, еле-еле донесли.

Туча завистливо прицокнул языком – везет Молчунам. Зимой не каждая охота заканчивается удачей, но Данбор добрый добытчик и отроков своих рукастыми воспитал. А под кровом у Тучи хороших лесовиков никогда не было. Тучин удел – пашня, ячмень да просо, и за каждую мерку приходится не одну сотню раз земле поясню поклониться. А тут пошастал по лесу с двумя несмышленишками, и нате вам – одинец. Ну как тут не цокать Туче языком.

– След видел у Поганого болота, – сказал глухо Данбор. – Его след.

Туча испуганно охнул, Жирох досадливо крикнул, и только Серок на слова Данбора никак не отозвался. Присел на чурку у наковальни и уронил тяжелые руки на колени. Может, не дошло до кузнеца, о ком идет речь? Не было его в сельце двадцать зим тому назад, когда Хозяин первый раз в округе объявился.

– Пожадничали наши отцы, – закручинился Туча, – а нам сейчас их бережливость боком выходит.

Судить отцов дело последнее, но была в словах Тучи своя правда. Взять землю у Хозяина взяли, а положенной виры не заплатили. Конечно, люди они были в этих местах пришлые, выделенные из своих родов без большого достатка, а потому и решили, что, прежде чем делиться, надо бы жиром обрасти. С выселок даже хазары по первым годам дани не берут.

– Уплачено ведь ему было, – сказал Жирох, не глядя на Данбора. – Чего же теперь ему надо?

А уплачено было самой красивой девкой в сельце – сестрой Данбора. Сгинула она без следа, а приплод остался. Говорил же Туча тогда Данбору: не бери малого в сельцо, не наша это забота. А тот, видишь, заартачился, родной крови ему стало жалко. И не взял в расчет того, с чьей кровью она смешана.

– Коли бы младенец пропал, то еще хуже было бы, – покачал головой Жирох. – В том небрежении Хозяину смертная обида.

– Жирох прав, – сказал хрипловатым баском Серок. – Коли кровь Хозяина с нашей смешалась, то мы этой земле уже не чужие. И гнать нас с земли у него права нет.

– Ты судишь по Велесовой правде, Серок, – не сдавался Туча, – а Хозяин этой землей владел, когда слова Велеса здесь никто не слышал. У него правда своя.

– Нет такой правды на земле, чтобы детеныша, чей бы он ни был, бросать на голодную смерть, – хмуро сказал Данбор.

Туча возражать Данбору не стал, но мнения своего не изменил. Это если человеческим разумением судить – тогда конечно. Но у Хозяина разумение другое. Его разумение от самой матери-земли идет. Поднимет неведомая сила косолапого среди зимы и гоняет его по лесу в самую бескормицу, пока он с голодухи не сделается лютым врагом человеку. И хорошо, если найдется в округе удалец, который шатун завалит. Но уж коли шатун человека одолеет – тогда держись. Всем солоно придется. Умом шатун не по дням, а по часам начинает расти, и этому уму в звериной шкуре тесно становится, вот и меняет он медвежье обличье на человеческое. И сколько людей он заломал, столько и личин на себя напялить может. Нет существа свирепее его, а в человеческом обличье он даже свирепее, чем в медвежьем. Может, шатун и совсем бы в человека обернулся, но Мать Сыра Земля не отпускает свое детище и время от времени вновь его в звериную шкуру вгоняет. Вот с каким существом Данбор породнился и вот чье чадо под свой кров принес. За то, что породнился, Туча его не винил. Всем сельцом

тогда они просили Данбора и его сестру Милицу, потому как по-иному унять Хозяина было нельзя. А скот падал, живность из округи ушла, дело уже к весне шло, у иных запасы кончались. Вызвался было Веско с тем шатуном потягаться, да и пропал ни за куну. Данбор тоже рвался в драку, да не пустили его старшины. Веско тоже из рода Молчунов был, а коли еще и Данбор бы пропал, то их родовичам солоно бы пришлось в этой жизни. Малых и старых кормить стало бы некому. Да и молод тогда был Данбор, еще и борода у него не росла.

– В Искаре наше спасение, – сказал негромко Серок, – он Хозяину не чужой.

– А коли вместе колобродить начнут? – усомнился Жирох. – Тогда хоть с сельца беги, а бежать некуда.

Данбор в Искаре почти не сомневался, но именно – почти. Глубоко под этой уверенностью пряталась опаска. Все эти годы Данбору мешало жить чувство вины за случившееся много лет тому назад. Сестру он не защитил и, самое страшное, не мог защитить. И не молодые годы были тому виной, ибо и в годы зрелые далеко не все мог в этом мире Данбор, несмотря на свою силу и смелость. За себя он не боялся ни тогда, ни сейчас, но его смерть непременно бы аукнулась не только семье, но и соседям, среди которых он имел немалый вес. Хочешь или не хочешь, но приходится жить в ладу не только с богами славянскими, но и с их ближниками. И с каганом тоже. И с ганами, и с князьями, и даже с силою нечистой, от которой ни в том, ни в этом мире никуда не деться. А почему мир устроен так, что человек несвободен в своих поступках, Данбор не знал. Ему жаль было отдавать Искара, прикипел к нему сердцем за эти годы. Сам бы пошел вместо отрока, если бы была хоть малая надежда на удачу. Но надежды у Данбора не было. Он слишком хорошо помнил искаженное смертью лицо Веско. А храбрее Веско Молчуна не было человека в округе. Не раз показывал он свою силу и удаль что в битве, что в ловитве, что в потехе, но все-таки сгинул, не устояв против посланца мира, чужого как людям, так и богам. Милицей пришлось пожертвовать Данбору, чтобы те силы ублажить, а более страшной цены он себе и представить не мог. В один день они с Милицей родились, в один час вышли из материнского чрева, а значит, и в жизни должны были идти сходными тропами. Но путь Милицы прервался Поганым болотом. Остался, правда, Искар, но была и опаска, что потеряет он качества, унаследованные от матери, и тем самым оборвет связи с родовичами и миром людей. Данбор твердо верил, что пока Искар живет среди людей, путь Милицы из Страны Забвения в Страну Света не закрыт. А если отрок поддастся темной силе, унаследованной от отца, то пропадет тогда его мать безвозвратно. Эту мысль Данбор очень хотел донести до Искара, но нужных слов не находил. Разве что повидавший мир Серок поможет соседу?

– С Искарком я поговорю, – кивнул головой кузнец, – но большого толку от этого не будет. Что ты в него, Данбор, вложил за эти годы, с тем он и пойдет против нечистых. Да помогут ему славянские боги!

Серок проводил озабоченных гостей, но сам на покой не торопился. Было о чем подумать старому кузнецу, глядя на покрывающиеся пеплом угли. Серок много чего повидал в этой жизни, гораздо больше, чем односельчане. Мысли его сейчас уносились далеко за хрупкую изгородь. И выходило так, что неспроста Хозяин объявился в этих местах. И первый раз это было неспроста, и сейчас тоже. Зван он был в наш мир! И Серок догадывался, кем он был зван. Каган Битнос, ища свою выгоду, поклонился чужому богу и окружил себя его жуковатыми печальниками. А те оплели славянские города и веси липкой паутиной. Никогда среди славян не было обычая в рост давать. Взял куну – отдал куну. Взял гривну – отдал гривну. А такого, чтобы, дав гривну, в отдачу требовать три, такого прежде не бывало. Брать более чем дал – это против правды славянских богов! Но у жуковатых этих своя кривда, и держится эта кривда на мечях хазарских ганов, которые предали не только богов, но и вскормившие их племена. Насосались золота и серебра, раздулись спесью, каждый норовит своей кривдой жить и брать не только то, что положено по праву, но и много сверх того. И

не только обманом стали они разорять города, но и силой, предавая мечу и огню тех, кто не хотел с их своеволием соглашаться. Многие были не согласны, и Серок в их числе. А более всех противились кагану ближники славянских богов и ставленные на грады князья, которые суд по божьей правде вершили. Сил у ближников славянских богов было мало, да и жили они меж собой не в ладу. И князья грызлись меж собою, и грады ополчались друг против друга, словно мало им было крови, пролитой чужими мечами. Не из того ли бессилия и появилось у иных божьих ближников желание черпнуть из нечистого источника? О шатунах Серок слышал много, но что в тех слухах было истиной, он судить не брался. За шатунами была сила, которая обосновалась в этих местах раньше славянских богов. Урсы, беспокойные соседи радимичей, этим шатунам кланялись. И, наверное, кланялись неспроста. По раскладу Серка получалось, что Искар в любом случае не должен пропасть. Не просто так шатун свое семя вбросил в род Молчунов, а с прицелом дальним и, возможно, не злым. Появившийся на пороге Искар снял шапку, хотя вошел не в жилище, которое щуры⁵ стерегут, а в кузню. Но поклонился он не четырем углам, а огню, который слабо тлел сейчас в горне. Огня отрок не боялся, а значит, человеческого в нем было больше, чем темного.

– Здрав будь, Серок.

Лицо Искара не омрачалось думами, отрок смотрел на Серка с любопытством, словно ждал от него занимательного рассказа. Данбор, похоже, ничего не сказал сестричаду,⁶ переложив заботы на плечи кузнеца. Серок его не осуждал, знал, как тяжело пережил Данбор смерть сестры Милицы и дядьки Веско Молчуна.

– Отец твой пожаловал, – начал с главного кузнец.

Искар по этому поводу не выразил ни радости, ни огорчения, даже бровью не повел. Серок уже не в первый раз вглядывался в это отроческое лицо, но ничего чужого в нем не находил. Ростом и статью Искар пошел в Молчунову породу и грозил перерасти своего дядьку Мологу, самого высокого и плечистого мужа в селе. Разве что ликом Искар отличался от своих родовичей да глазами, большими, быстрыми и поразительно синими.

– Кровник он твоему роду, – продолжал Серок. – Двадцать лет назад твой отец убил на Поганом болоте Веско Молчуна.

Искар нахмурился, соболиные брови сошлись у переносицы.

– Тогда почему он мой отец?

– Это было решение общины. Твоя мать решению подчинилась. Иначе нам пришлось бы уйти из этих мест. Он в здешних лесах хозяин.

– Шатун?! – с ненавистью выдохнул Искар.

– Шатун, – подтвердил Серок. – И не просто шатун, а оборотень. Это его следы вы видели сегодня на снегу.

Мало кто из знакомых кузнецу людей выдержал бы такую весть, не дрогнув ликом, но Искар оправдал его надежды, хотя и ударил его Серок не щадя, под самое сердце. Но ведь у сына оборотня сердце должно быть покрепче человеческого.

– Я его убью! – твердо сказал Искар.

– Нет, – возразил Серок. – Нам всем эта смерть может дорого стоить.

– Но ведь он погубил мою мать?! – сверкнул глазами Искар. – А кровь матери ближе крови отца!

– Никто не знает, что случилось с твоей матерью. Женщины порой гибнут при родах. А как погиб Веско Молчун, тоже не знает никто. Есть силы, которые правят шатуном, и он не может им отказать. Вот эти силы и страшны для мира, а вовсе не твой отец. Мать твоя не только жизнью пожертвовала для спасения односельчан, но и душой. Ей придется вечно

⁵ Щуры – прашуры; духи предков.

⁶ Сестричад – племянник, сын сестры.

мыкаться в Стране Забвения, если ты не поможешь ей отыскать дорогу в Страну Света. Помни об этом, Искар.

– Я пойду, – сказал отрок, поднимаясь с лавки.

– Иди, – кивнул головой Серок. – Ночь сегодня лунная, а ты к лесу привычен.

Сказал кузнец это буднично, словно и не таилось в хождении Искара по следу Хозяина страшной угрозы людям. Но отрок не должен усомниться в том, что Серок в него верит. Ибо в сомнении главная опасность для души.

Глава 2

МЕДВЕЖЬЕ КАПИЩЕ

Искар шагнул из кузницы в мир, который сразу же стал ему чужим. А ведь среди этих дворов он вырос, и не было в селе дома, где его не приветили хотя бы однажды. Но теперь выяснилось, что сыну Шатуна не место среди людей. Правда, Серок сказал, что именно от Искара будет зависеть, жить ли радимичам на этой земле или стать изгоями. Конечно же Искар выполнит свой долг перед родовичами и односельчанами, но от этого обида его не станет менее горькой. Перед тем как прикрыть за собой ворота, Искар оглянулся на кузницу. Никто не провожал его от порога, никто не смотрел ему вслед... Шатун человеку не брат, даже когда он одной с ним крови. А ведь нет за отроком никакой вины, за которую его можно гнать из мира людей. Тогда почему же к нему так несправедливы и люди, и боги?!

Искар забыл прицепить плетни к кожанцам,⁷ а потому и проваливался при каждом шаге по колону. Идти становилось все труднее, но он не обращал на это внимания, поскольку торопиться ему было некуда. Лес – родной дом шатуна, а крышу ему заменяет небо над головой. Вот только дом этот не всегда ласков к своим обитателям. Мороз, которого Искар, занятый своими мыслями, поначалу не чувствовал, пробрался-таки под кожих и теперь сотрясал ознобом его тело. Хотя, возможно, отрок дрожал не только от холода, но и от страха. Искар, однако, не хотел признаваться в слабости даже самому себе и упрямо торил дорогу к Поганому болоту.

Пока места были знакомые, Искара не тревожила обступающая его со всех сторон тишина, но хоженная тропа оборвалась у поляны. А там, куда уводили виденные днем следы шатуна, и темнота, и тишина воспринимались уже по-иному. Искар прислонился к стволу березы, росшей чуть на отшибе и казавшейся прибудой среди обступивших поляну елей. Ствол дерева заледенел на морозе, и отрок чувствовал исходивший от березы холод даже через кожих. Говорят, что в Стране Забвения царствует стужа, обрекающая попавшие туда души на вечную дрожь. А кроме холода там царит еще и вечный страх. И среди стужи, мрака и страха томится душа Искаровой матери, которая обречена на муки подлостью шатуна и слабостью односельчан. Искар снял рукавицу и осторожно погладил ладонью заледенелый ствол. Береза проснется для новой жизни, как только Даджбоговы уста дохнут по весне теплом на заждавшуюся землю. Любви бога хватит не только на это дерево, но и на всю округу. И только в Стране Забвения все останется без изменений...

Искар оторвался от березы и пошел по следам шатуна, загребая кожих слезавшийся снег. Страх ушел из его сердца, зато накатила горячая ярость, и он надеялся, что у него хватит сил и решимости, чтобы вырвать всего одну душу из Страны Забвения.

На дальнем конце поляны кто-то стоял. Сначала это было просто темное пятно, но с каждым шагом Искара оно все более отчетливо обретало очертания человеческого тела. Подойдя почти вплотную, отрок увидел огромные медвежьи клыки, белеющие в обманчивом лунном свете. Рука Искара потянулась к ножу, висевшему на поясе.

– Не торопись, – прозвучал в тишине насмешливый голос. – Время для драки еще не пришло.

– Ты кто? – спросил Искар севшим от страха и ярости голосом.

– Хозяин, – спокойно отозвался незнакомец. – Но можешь называть меня Шатуном, я не обижусь.

– Где моя мать?

⁷ Кожанцы – род лаптей.

- Она ушла из этого мира. Это свершилось по воле сил, ни мне, ни тебе не подвластных.
- Зачем ты пришел в эти места, Шатун?
- Я пришел, чтобы указать тебе дорогу.
- А если я откажусь по ней идти?!
- Если откажешься, то окончательно погубишь душу своей матери.
- Веди, Шатун, но смотри не ошибись в выборе дороги.

Слова Искар прозвучали как угроза, но на Хозяина они не произвели впечатления. Во всяком случае, спину свою он подставил под возможный удар ножа без тени сомнения или робости. Да и что может сделать нож против оборотня? А в том, что в неизведанное его ведет оборотень, Искар не сомневался. Шатун был бос и гол, если не считать куска медвежьей шкуры, которая лишь до половины скрывала его спину. Лицо оборотня было вполне человеческим – Искар успел это понять, сблизившись с Шатуном во время разговора. А медвежьих клыки торчали из черепа, прикрывавшего голову оборотня. Последнее обстоятельство слегка успокоило отрока – выделанных шкур он на своем веку повидал немало.

Шатун подвел отрока к изгороди, которая была выше человеческого роста. Искар шагнул было в ворота, но тут же едва не выскочил обратно. Уж очень устрашающе скалил в его сторону зубы выбеленный временем череп.

– Мертвые не кусаются, – бросил ему через плечо Хозяин. – Опасаться следует не тех, кто скалит зубы, а тех, кто жалит исподтишка.

Череп белели по всему двору, но Искар уже успел заметить, что они медвежьи, а не человечесьи. В жилище было тепло, отрок почувствовал это, едва ступив за порог вслед за Шатуном. А еще в ноздри ему ударил запах трав, знакомых с детства. И только потом Искар увидел женщину, склонившуюся над варевом. Женщина была молода, годами не старше пришельца. Глаза у нее были зеленые. А ведь все знают, что за зеленую прячутся бесы. Очень может быть, что и варево, которое готовила на очаге зеленоглазая, было колдовским. Пить его Искар не собирался, но к огню подсел, потому как сильно продрог на морозе, шастая по лесу в поисках Шатуна.

На соседку отрок старался не смотреть. Добро бы путная женка была, а то ведь нечистая. И холода она, похоже, не боится, так же как и оборотень. Верный признак, что родом они из лютых мест. В жилище, конечно, теплее, чем в лесу, но не настолько теплее, чтобы обходиться без кожуха. Искар и у огня никак не мог согреться, и только что зубами не клал, на огонь глядя.

– Боишься? – спросила зеленоглазая, бросив на него насмешливый взгляд.

– Тебя, что ли? – скривил презрительно губы Искар. Колдунья засмеялась и протянула ему чашку с зельем, которое зачерпнула прямо из горшка, исходящего паром:

– Пей.

Искар чашку взял, но пить не торопился, грея о горячую глину руки. Запах от отвара исходил вкуснейший, а отрок здорово проголодался за сегодняшний день. Кабы знать наперед, что не колдовское это зелье, то можно было бы и попробовать. Искар покосился на Шатуна, который угрюмо сидел в стороне, глядя прямо перед собой невидящими глазами. Возраст его, если человеческой меркой брать, вряд ли превышал Данборов. А лицо выглядело жестким, словно бы из дерева резанным. Страшным это лицо назвать было нельзя, но и приятным тоже, несмотря на правильность черт. Деревянные лики приятными не бывают.

– Спит, что ли? – кивнул Искар в сторону Шатуна.

– С духами беседует, – спокойно отозвалась зеленоглазая, растягивая в улыбке полные губы.

Надо признать, что в нечистых местах рождаются красивые женщины. Если, конечно, эта не напаялила на себя чужую личину. Колдуньи, говорят, не стареют – и в сто, и в двести

лет смотрятся юными. Видимо, нечистая сила помогает им блюсти себя поперек прожитым годам.

– Тебе, наверное, сто лет уже исполнилось? – не удержался от вопроса Искар.

– Какие сто! – возразила зеленоглазая. – Много больше.

Искар так и думал, а потому не удивился ни ответу женки, ни ее бесовскому смеху. Вот ведь какие чудеса случаются на белом свете! Еще сегодня поутру Искар сидел за общим столом, по левую руку от Мологи, и не имел ни малейшего представления о том, чем закончится охота на одиноца.

– Почему он сидит как идол, не шевелясь? Этак совсем задеревенеет.

– Духи дают ему силу, – зеленоглазая с уважением посмотрела на Шатуна, – и помогают видеть сквозь пространство и время. Он много знает о прошлом и будущем.

– А славянским богам он враг? – с некоторым нажимом спросил Искар.

– Нет, не враг. Иначе я бы с ним не пришла. Я ведь ближница богини Макоши.

Искар зеленоглазой не поверил, ну хотя бы потому, что никогда ведуний бабьей богини не видел, а среди мужей и отроков говорить о ней вообще не принято. В мужские дела богиня не вмешивалась, и, наверное, правильно делала.

– А в наши места ты зачем пожаловала?

– Я пришла за тобой, – засмеялась колдунья, норовя ухватить глазами Искарковы глаза.

Отрок, однако, свои взгляды поверх ее головы пускал, не желая бесов ловить, которые в зенках нечистой женки прячутся. Такие зенки любого человека могут заморочить. Конечно, не всякая зелень в глазах опасна, но если бесы хотят смутить человека, они обязательно за такими глазами прячутся.

– Зачем я богине Макоши понадобился?

– Богиня обучит тебя уму-разуму и отдаст в службу к славянским богам.

– А если я не соглашусь?

– согласишься, – твердо сказала зеленоглазая. – Только Макошь может выручить твою мать из Страны Забвения, а Велес укажет ей верную дорогу в Страну Света.

– Не нравится мне все это, – сердито сказал Искар. – Зачем же Велес и Макошь допустили, чтобы душа моей матери попала в нечистые места?

– Богам виднее, – рассердилась зеленоглазая. – Твоя мать оступилась не по воле Велеса и Макоши. Но если ты будешь слушать Драгутину, то боги помогут твоей матери.

– А кто такой Драгутин? – удивился Искар.

– Вот он, – кивнула в сторону оборотня зеленоглазая. – Большой и страшной ценой за тебя плачено, так что сиди и помалкивай. Будешь делать, что тебе велят.

Искар рассердился, но удержал в себе злость, не стал плескать ею наружу. Зеленоглазой он не боялся, но к богам относился с опаской. Макошь, по слухам, была мстительной богиней. Для начала следовало выяснить, что от него хотят эти двое, а уж потом говорить и действовать.

Задумавшись, Искар не заметил, как выпил варево из чашки, которую держал в руке, и страшно огорчился своему неразумию. Но поскольку промах уже был совершен, он попросил у зеленоглазой добавки. Колдунья в просьбе ему не отказала, прибавив к похлебке еще и большой кус мяса. По вкусу и по виду это была самая обычная свинина, и Искар успокоился. Свинина, как всем известно, разрушает любое колдовское зелье.

Искар не смог определить, сколько времени провел в сонном забытьи. Но проснулся он от солнечного зайчика, прыгнувшего в глаза. Шатуна в жилище не было, а колдунья лежала рядом с Искарком на лежанке, уткнувшись носом в его кожух и закинув руку ему за шею, словно боялась, что он сбежит, воспользовавшись ее сном. Искар бежать не собирался, но от близости зеленоглазой почувствовал неловкость. Тронул ее Искар слегка, но этого оказалось достаточно, чтобы колдунья открыла глаза и хихикнула прямо ему в лицо:

– Женок ты еще не любил, отрок?

– Так то женок, – не остался в долгу Искар, – а ты не поймешь кто. Старая к тому же. А на старье только дурак польстится.

Зеленоглазая засмеялась и потянулась всем своим ладным телом. Искар на нее засмотрелся и не заметил, как вошел Шатун.

– Пора, – сказал оборотень, и колдунья тут же подхватила с лежанки.

Шатун был готов к дальнему походу и одет под стать своей спутнице. Ни дать ни взять смерд, отправившийся по крайней надобности в соседний город тяжелой зимней тропой. Сейчас, при дневном свете, лицо Шатуна не казалось Искарю деревянным, вот только спеси на нем могло бы быть и поменьше. И взгляд его ничего хорошего не предвещал неслуху, вздумавшему перечить стальной воле. Искар спорить с Шатуном не собирался по той простой причине, что главной его целью было увести оборотня как можно дальше от родных мест, избавив тем самым сельцо от опасного соседства. А там, кто знает, может, подвернется какая-нибудь оказия в лице сил, которые смогут справиться с нечистым.

На медвежьей черепа Искар смотреть не стал, вильнув глазами в сторону, и поспешил за ворота вслед за колдуньей. Не хотелось ему чужим духам кланяться. А за гостеприимство пусть их Шатун благодарит, он с ними, похоже, пребывает в большой дружбе. Однако Шатун в капище не задержался и вскоре заскрипел кожанцами по снегу за спиной отрока.

По прикидкам Искара, верст десять они так отмахали, петляя меж гулких от мороза лесин. А куда шли и почему так спешили – об этом он даже не спрашивал. Не до разговоров ему было. Не торенная целую вечность тропа отнимала у него все силы. А сугробы вокруг становились все выше, и наст совсем уже не держал Искара, поддаваясь при каждом шаге.

– Недалеко уже, – сказала колдунья, продолжая ходко идти по снегу.

Над головой Искара затрещала сорока, он вздрогнул от неожиданности и в сердцах плюнул себе под ноги. Шатун обогнал отрока и пошел впереди, торя дорогу. Идти за ним следом было легче, но все-таки не настолько легче, чтобы ноги сами несли Искара по тропе. А «недалеко» зеленоглазой растянулось еще верст на десять по меньшей мере. У Искара не раз возникало желание сесть под разлапистую ель и перевести дух. Пока он крепился, но ненависть к посланцам чужого мира нарастала в нем с каждым шагом. Вот так будут век водить между деревьев, а то и вовсе уведут в Страну Забвения, где окоченеет Искарова душа. И растопить тот вечный лед будет некому. Наверное, Данбор не станет справлять тризну по Искарю, поскольку он не в битве пал, не на охоте заломан, а просто сгинул без следа, как и не жил среди людей. Все односельцы уверены, что Искар от нечистого рожден, а потому, справляй или не справляй по нему тризну, не пустят его славянские боги в Страну Света.

– Пришли, – сказала зеленоглазая в тот миг, когда Искар уже собирался упасть на снег.

Радости отрок не почувствовал, но облегчение испытал. Дай чему радоваться-то, если впереди сплошная неизвестность, а все, чем он дорожил в жизни, осталось далеко позади. Искар огляделся, но так и не понял, куда их, собственно, занесло. То ли холм, то ли гора, жилья нигде не видно, и всюду сплошные заросли, куда ни кинь взгляд.

– Не вздумай здесь Драгутина называть Шатуном, – шепнула ему зеленоглазая. – А меня зови Ляной.

Искар вздохнул, зябко повел плечами и полез вслед за колдуньей в жуткую дыру, расположенную в стволе дуба-старца, куда уже успел нырнуть Шатун. Земля выскользнула из-под ног Искара, и, ударившись обо что-то твердое, он рухнул в пустоту.

– Ох, увалень, – пыхнула на него гневом зеленоглазая, которую он задел при падении. – Чистый медведь!

Кабы не темнота, то Искар, возможно, отвесил бы ей хорошего леща, а так он не сразу разобрался, откуда доносится ее голос.

– Сюда иди.

Свет неожиданно резанул по глазам Искара, заставив его зажмуриться. А когда отрок открыл глаза, то обнаружил в трех шагах от себя рослого мужчину, облаченного в бычий кожан мехом внутрь, надеваемый в зимние холода под кольчугу. Следы железных колец четко выделялись на потемневшей от времени коже. А поодаль от воина на камне лежали меч и секира на длинной деревянной рукояти.

– Вузлев, – назвал себя воин и протянул Искар раскрытую ладонь.

Искар, как и положено обычаем, немедленно показал свою. Ладони встретились и тут же разошлись – как подтверждение тому, что встреча будет если не дружеской, то мирной.

Искар обвел глазами пещеру и обнаружил еще одного человека, который спокойно сидел у очага.

– Это мой служка, – махнул в его сторону рукой Вузлев. Вузлев был молод, лет на пять постарше Искара, гибок, если судить по движениям, ловок, несмотря на рост и широкие плечи. Впрочем, рядом с Шатуном он смотрелся почти хрупким, что не без удовольствия отметил Искар. Зато Искар не понравились взгляды, которые Вузлев бросал на Ляну. Он даже сам не понял, почему так разозлился на приветливо обошедшегося с ним воина.

– Князь Всеволод ждет тебя, Драгутин, – сказал Вузлев присевшему на обрубок дерева Шатуну. – Двадцать боготуров⁸ готовы выступить с тобой хоть завтра.

– Мне нужны лошади, – спокойно сказал Драгутин, беря из рук слуги Вузлева чашку с похлебкой.

– Лошади и возок ждут тебя у выхода. Щек проводит тебя к князю.

– А ты?

– Я поеду верхом, мой путь лежит к Перуновым ближникам.

– Да поможет тебе Велес в твоих трудах.

Искар разговор слушал вполуха – по той простой причине, что он его не касался. Но все-таки порадовался про себя, что их с Вузлевым пути расходятся. Нельзя сказать, что ему не поглянулся ближник князя Всеволода, но почему-то захотелось, чтобы эти серые глаза оказались подальше от глаз зеленых. Тем более что Ляна не забывала отвечать на знаки внимания, оказываемые ей Вузлевым, обворожительными улыбками. Искар ее за эти улыбки возненавидел, хотя, казалось бы, какое ему до колдуньи дело. Он почему-то решил в эту минуту, что Ляне нет тех двухсот лет, о которых она говорила в медвежьем капище, разве что от силы двадцать. Иначе бы она не стала пялиться столь откровенно на первого же подвернувшегося добра молодца. Уж за двести лет можно было на всяких мужей налюбоваться – от юнцов до глубоких старцев.

– Пути небезопасны, – сказал Вузлев. – А на тебя и вовсе открыта охота.

– Митус?

– Да. Своих хазар он в наши леса не пришлет, но разбойную ватагу из шалопуг набрать нетрудно.

– Нас голыми руками не возьмешь, – усмехнулся Драгутин. – Отобьемся.

– Мечи и луки в розвальнях, Щек покажет. – Вузлев кивнул на своего человека. – А мне пора. Да поможет тебе Даджбог.

Из этого прощального пожелания Искар сделал вывод, что Вузлев числит Шатуна в ближниках Солнечного бога. Ибо будь Драгутин простым человеком, его в пути хранили бы только щуры да Стрибог, который всем путникам помогает. Про Вузлева Искар подумал, что тот наверняка Велесов боготур. Про «божьих быков» Серок поведал отроку много разных историй. Боготуры вместе с князьями блюдут Велесову правду на землях славянских, а коли нужда приходит, то ведут племенное ополчение на врагов.

– Драгутин, выходит, ближник Даджбога? – шепотом спросил Искар у Ляны.

⁸ Боготур – «божий бык», богатырь.

– Боярин он, – тихо подтвердила та, – из дружины великого князя Яромира.

Боготур уже покинул пещеру, а Шатун остался сидеть в задумчивости. Очень может быть, что опять с духами беседовал, хотя лицо его не казалось сейчас Искару деревянным.

– А Щек много лучше тебя готовит взвар, – поддел ведунью Искар.

Вузлезов человек спрятал усмешку в густой бороде, а зеленоглазая обиделась, хотя спорить с Искарком не стала, блюдя достоинство Макошиной ближницы. Губы только надула и отвернулась от грубияна.

Искар обвел глазами пещеру и слегка подивился ее величине. В дальнем полутемном углу угадывался идол с человеческим ликом и бычьими рогами над широким лбом. Наверняка это Велес. Искар пришел к выводу, что пещера – тайное капище Скотьега бога, куда имеют доступ только избранные, и немало подивился тому обстоятельству, что его допустили в их круг. Стены пещеры были разрисованы загадочными знаками, в которых простому человеку не разобраться. Однако заинтересованный Искар долго водил по знакам глазами, пытаясь постичь их таинственную суть.

– Это не твоего ума дело, – остерегла его зеленоглазая. – Тайные знаки только ведуньи разбирают.

Искар с ведуньей спорить не стал, тем более что он уже притомился глазами и его стало клонить в сон. Подивился он только тому, что зеленоглазая опять вздумала пристроиться рядом с ним, словно в пещере места было мало.

– Это воля не моя, а Макошина, – огрызнулась Ляна. – А своей волей я бы с тобой не только не легла, но рядом не села. Недотрога.

Искар на слова ведуньи обиделся и хотел было уже уйти с лежанки. Но уж больно хорошо он устроился на мягких шкурах, а потому, пораскинув мозгами и успокоившись, решил словами зеленоглазой пренебречь. Известное дело – волос долог, ум короток, а то, что Ляна Макошина ведунья, разумения ей не добавляет. А уж если она нечистая, то спрос с нее и вовсе невелик. Хотя последнее вряд ли. Чем больше Искар к Ляне присматривался, тем меньше верил, что пришла она в наш мир из Страны Забвения. Уж больно она была хороша.

Глава 3

БОЯРИН ДРАГУТИН

Проснулся Искар оттого, что кто-то сильно потрянул его за плечо. Открыв глаза, он увидел Шатуна. Если судить по этой встряске, то силы у оборотня вдвое больше, чем у человека.

– Пора. Лошади застоялись.

Ляна была уже на ногах и подпоясывала свой отбеленный, шитый мехом внутрь кожух. Искар в который уже раз подивился его белизне. На фоне снега этот кожух почти не выделялся. В сельце шкуры так выделывать не умели, да и в городе отрок такой выделки не встречал.

Из пещеры выбирались извилистым и темным путем. Щек указывал дорогу, Искар шел в хвосте, вслед за Ляной, то и дело натываясь на ее спину. Внезапно свет ударил по глазам отрока, а морозный воздух наполнил грудь. Искар с интересом огляделся по сторонам. Выход из пещеры был так ловко замаскирован, что, отойдя от него всего на десять шагов в сторону, Искар его потерял. Щек исчез, словно утонул в сугробе свеженаметанного снега. Шатун застыл в неподвижности, прислонившись спиной к толстому стволу.

– Почему стали? – удивился отрок.

– Щек пошел за лошадьми, – недовольно буркнула Ляна. – Мог бы и сам догадаться.

– А у тебя язык отсохнет, коли слово молвишь?

– Это у тебя он отсохнет, если и далее будешь богине Макоши перечить. Я ее ведунья, а ты меня за нечистую держишь.

– С чего ты взяла? – покривил душой Искар. – И в мыслях ничего подобного не было.

Вот навязалась на голову отрока напасть, не вслух будет сказано. Но остеречься, конечно, следует. Кто знает, что на уме у бабьей богини и ее ведуний.

Щек подогнал розвальни, запряженные парой сильных коней. Шатун сел впереди, рядом с возницей, и спросил, обернувшись к Искар:

– Луком владеешь?

– Белку стрелой в глаз бью, – хмуро бросил Искар.

Шатун уже успел опоясаться мечом, а второй бросил Искар. Отрок вынес меч из ножен и языком прицокнул. Хорош был меч, из десятка полос кован. Такой оплатить – всех Данборовых нажитков не хватит.

– Потихе ты, увалень! – заворчала Ляна. – Размахался!

Искар вложил меч в ножны и занялся луком. Лук был сделан с умом: костяные пластины причудливо врезались в деревянную основу, а концы изгибались рогами. А каков он при стрельбе, это еще проверить надо.

– Вот и проверь, – бросил через плечо Шатун.

– Коли нужда есть, так сам стреляй. Я ни зверя, ни птицу зря не бью.

Данбор ратную науку в Искара вгонял с малых лет. Муж из рода Молчунов должен уметь владеть не только мечом, но сулицей. А коли нужда придет, то и голыми руками опрокинуть наземь врага.

– Не жмись, – пыхнула гневом Ляна. – Что ты все ластишься ко мне?!

– Холодно, – оправдался Искар. – Мороз до костей пробирает.

– То ему жарко, то ему холодно! Чудо лесное.

– А почему у нас всегда лето такое короткое? – спросил Искар у зеленоглазой. – От зимы одна докука человеку.

– Были времена, когда Страна Забвения до этих мест простиралась, – объяснила Ляна, – и, кроме льда и холода, здесь ничего не было. А потом Даджбог пришел сюда с другими

богами и оттеснил нечистых в дальние края. А славяне вслед за богами сюда пришли. Без нас эта земля вновь бы запустела и заледенела.

– Ну и гнали бы нечистых до последу, – вздохнул Искар. – И было бы у нас вечное лето.

– Без ненависти не бывает любви, без кривды не бывает правды, а без холода не бывает тепла. Все в этом мире имеет свою противоположность, а как бы иначе люди поняли, что хорошее – это хорошее, коли не было бы плохого?

Искару объяснение молодой ведуньи не показалось убедительным, но спорить он не стал. Раз славянские боги согласились с таким порядком вещей, то чего же, спрашивается, их печальникам протестовать – богам виднее.

– От богов не все зависит, многое зависит от людей, – продолжала Ляна. – Люди своими поступками либо помогают богам поддерживать равновесие в мире, либо мешают.

– А ты, значит, помогаешь? – прищурился Искар.

– Помогаю, – твердо сказала Ляна, – и словом, и делом.

Искар собрался спросить, не понадобится ли богам и его подмога и в чем она будет выражаться, но не успел. Пронзительный свист разорвал густой от мороза воздух, и земля вздрогнула от рухнувшего под передние копыта лошадей дерева. Кони захрапели, взвились на дыбы, едва не перевернув при этом возок.

– Не робей, отрок! – ощерился прямо в лицо ошалевшему Искару Шатун.

Прежде чем Искар успел нащупать меч, оборотень уже трижды выстрелил из лука. Отрок двинул ногой в чье-то заросшее волосами лицо и прыгнул из розвальней на снег. Нападавших было более десятка, дюжих, бородатых и, судя по всему, много повидавших. Несчастный Щек, пробитый стрелой, уже лежал на промерзлой земле, то ли убитый, то ли раненый. Шатун ужом крутился между разбойниками, разя мечом направо и налево. Похоже, что именно его жизнь нужна была шалопугам, поскольку Искара они оставили без внимания. Зато Ляне какой-то угрюмый лесовик уже крутил руки. Правда, сноровки разбойнику не хватило, и, прежде чем Искар успел прийти на помощь Макошиной ведунье, та, извернувшись, всадила нож в грудь насильника.

– Что встал?! – Ляна сверкнула глазами в сторону отрока, – помоги Драгутину.

Искара удерживали на месте не только страх и растерянность, но и засевшая в голове мысль о том, что в смерти Шатуна спасение души Милицы. Не славянскими ли богами посланы эти лесовики, чтобы известить оборотня? Но после крика зеленоглазой Искар решил, что боги так подло не действуют. Коли есть за что покарать Шатуна, то сделают они это без помощи шалопуг. Потому и врубился Искар в людское месиво хотя и с холодком в сердце, но с решимостью отомстить разбойникам хотя бы за ни в чем не повинного Щека.

– Ах ты... – Перекошенное ненавистью рыло метнулось к нему, но так и не успело закончить придуманное ругательство.

Двоих разбойников завалил Искар, а потом ему самому солоно пришлось: уже не столько нападал, сколько отбивался. Трое рослых и кряжистых бродяг набросились на Искара, не давая ему передышки. Один, впрочем, тут же упал с пробитой стрелой шеей.

– Женку сбейте с воза! – завопил кто-то страшным голосом и тут же захлебнулся в крике.

Искар обернулся к Ляне, и сделал это напрасно – острый железный штырь пребольно ужалил его в бок. От этого удара в глазах отрока потемнело, и рубил он мечом уже не глядя, просто наудачу, и, кажется, попал. Но порадоваться чужой смерти Искар не успел: светлый день утонул вдруг в ночи, и покрытая окровавленным снегом земля ушла у него из-под ног.

А потом на черном как сажа небе зажглись светляки. Искар не сразу сообразил, что лежит он на спине в розвальнях, которые движутся. И не совсем было отроку понятно, почему день сегодня уступил место ночи до срока. Ляна положила ему на пылающий лоб

холодную ладонь, которая в тот же миг стала горячей. Кто-то невидимый жег бок Искара каленым железом, и отроку было так больно, что хотелось закричать.

– Потерпи, – попросила Ляна. – Уже скоро.

– А Щек? – собравшись с силами, спросил Искар.

– Коли Макошь поможет, то выходим.

Про Шатуна Искар спрашивать не стал, просто успел сообразить, что именно оборотень сейчас правит лошадьми.

– Плохо, что ты не из Страны Забвения, – сказал отрок Ляне.

– Почему? – удивилась та.

– Холода в твоей руке нет, чтобы огонь во мне погасить. – А более ничего не успел сказать Искар, потому как светляки в небе погасли – и над ним вновь сомкнулась непроглядная тьма.

– Жив? – спросил Драгутин, оборачиваясь.

– Жив, – кивнула головой Ляна. – Рана не смертельная, только бы довести скорее.

До Всеволодова городца было рукой подать, но Драгутин свернул в сторону, туда, где за стройными соснами пряталась Макошина обитель. Городец богини ставлен крепко, а ее ближницы способны при случае метнуть и стрелу, и сулицу в незваных гостей. Расспросов за толстыми стенами, сложенными из необхватных стволов, никто боярину не чинил. Драгутин, сына князя Яромира, здесь знали в лицо. Об Искаре боярин договорился с кудесницей заранее, вот только довести отрока невредимым не удалось. Оставалось надеяться, что Макошь не оставит раненого своим вниманием.

Искара пронесли по узким переходам и поместили на застланное мехами ложе. Горница была невелика и размещалась в самом глухом и дальнем углу городца. Стены ложницы не были отмечены Макошиными знаками, а потому это место не считалось священным. Переступив порог, Драгутин даже шапки не снял, ибо бояре если и кланяются, то лишь богам да щурам, кои родовые жилища охраняют. А эти стены были бездушны, хотя и хорошо отесаны мужицкими топорами. Старание работников чувствовалось во всех попавшихся Драгутину на глаза строениях. Его это несколько не удивило. Смерды-плотники старались угодить бабьей богине в надежде на ее щедрые отдарки. Ибо всем известно, что именно Макошь добавляет жар в кровь женщин и делает их любовь слаще меда.

Кивнув на прощание ведуньям, Драгутин покинул ложницу. Двор был пуст. Подуставшие кони исходили на морозе паром. Боярин упал в розвальни, взял в руки вожжи и тихонько свистнул. Ворота городца распахнулись, давая ему дорогу, чем он и не замедлил воспользоваться, пустив коней шагом по опущенному мосту. Скрепленные железом вековые лесины даже не скрипнули под лошадиными копытами, полозья розвальней скользнули по бревнам, как по льду, и Драгутин через мгновение почувствовал себя свободным от не всегда ласковых объятий бабьей богини. Отъехав полверсты, боярин обернулся на городец и в восхищении прицокнул языком – хорош! По слухам, за этими стенами проживало не менее трех сотен женщин. Не все они, конечно, были ведуньями, но все равно – сила в обители таилась немалая, и Драгутин успел ее почувствовать.

Боярин вдруг вспомнил о Щеке, которого он оставил в городце на попечении ведуний вместе с Искарком. Этот человек при первом взгляде показался Драгутину знакомым, но, сколько он ни морщил лоб, припомнить, на каких жизненных перекрестках сталкивала их судьба, так и не смог. Впрочем, Щек вряд ли оправится от полученной раны, а потому и напрягать память по этому поводу не имеет смысла.

До жилища князя Всеволода было, казалось, рукой подать, но видит око, да зуб неймет. То ли притомились кони, то ли морозный воздух мешал боярину верно определить расстояние, но только добрался он до высоких толстых стен гораздо позже, чем предполагал. Из

сторожевой вежи⁹ розвальни заметили и без опаски кинули через засыпанный снегом ров подъемный мост. Впрочем, имея за стенами пятьдесят боготуров и сотню мечников, городец мог себе позволить роскошь не бояться одинокого странника, пусть и с мечом у пояса.

– Хвала Велесу и Даджбогу, боярин Драгутин, – выступил навстречу гостю ближний к великому радимичскому князю боготур Скора, – а мы уж не чаяли тебя увидеть.

Со слов Скоры, боярин узнал, что Всеволодовы гриди-мечники,¹⁰ чesавшие лес по приказу князя, наткнулись на следы побоища. И появилась опаска, что посланец Великого князя Яромира либо убит, либо взят израненным в полон.

– Неужели хазары вздумали озоровать вблизи нашего городца? – не скрыл своего возмущения Скора.

– Митусовы люди, – пояснил Драгутин, стряхивая с козуха снег. – Вузлев меня предупреждал. Я сам промахнулся, боготур Скора, поверил человеку, который этого не заслуживал.

– Бывает, – посочувствовал Скора, жестом приглашая Драгутина в терем. – Блудливые людишки всегда кажутся надежнее честных.

Драгутин в городце Всеволода бывал и раньше, но не уставал любоваться резным красным крыльцом, ведущим в княжеские покои. Дивы дивные, которые сплетались между собой в сложном узоре, могли поразить любого человека.

– Крыльцо делал Сар, – заметил восхищение гостя Скора, – знатный умелец. Много он хаживал по свету: и в нурманских землях бывал, и во фряжских. Могу свести тебя с ним, боярин, если есть охота поговорить. Сар много видел и много знает.

Князь Всеволод ждать себя не заставил, и не успел гость четырем углам поклониться, как хозяин уже чествовал его здравной чашей. Драгутин подношение принял, сплеснул малую толику вина хозяйским щурам и осушил чашу до дна. Князь Всеволод, муж среднего роста и чуть более дородный, чем это потребно для тяжелого удара, смотрел на боярина с удивлением. Похоже, в тереме Великого радимичского князя уже готовились справить тризну по Драгутину, сыну Яромира. Обычно улыбчивое лицо Всеволода сейчас смотрелось смурноватым, – видимо, от пережитого недавно огорчения по поводу смерти боярина. Не то чтобы князь Всеволод души не чаял в среднем сыне князя Яромира, просто эта смерть могла аукнуться новой распрей между Даджбоговыми и Велесовыми ближниками, которые после многих лет противоборства искали теперь пути к сотрудничеству.

– Опасны ныне дороги в славянских землях, – покачал головой хозяин, жестом приглашая гостя к столу. – А почему мы не нашли среди убитых твоих мечников?

– Со мной был только отрок, из моих родовичей, да Макошина ведунья, которая к нам в попутчицы напросилась.

– А отрок сильно пострадал?

– По словам ведуний, через месяц-два будет здоров и в силе.

Князь Всеволод гостя потчевал не только вопросами, но и яствами, коими богата Радимичская земля, а также винами из дальних стран, до коих сам был большой охотник. Пировали малым кругом, но за большим столом, способным вместить до сотни боготуров. Сейчас, правда, за столом их сидело всего трое. Кроме Скоры, давно уже знакомого Драгутину, ошуюю¹¹ князя расположился боготур Брайко, которого боярин видел прежде только однажды, но о силе и удали которого был наслышан. Третьего боготура Драгутин видел впервые. В отличие от степенного Брайко, боготур Торуса был порывист в движениях и скор на слово. Оправданием этой порывистости были годы, которые едва на третий десяток пере-

⁹ Вежа – башня.

¹⁰ Грідь – дружинник.

¹¹ Ошуюю – на левую сторону.

валили. Но если боготур за княжий стол зван, да еще на малый совет, то, значит, ни умом его Велес не обделил, ни силой.

– Неужели ты, боярин, в одиночку с дюжиной разбойников совладал? – не утерпел с вопросом Торуса. – На тебе ведь даже брони нет.

– Отрок помог, – пояснил Драгутин. – Трех убил. Да и Макошина ближница в долгу у Даджбога не осталась, отправив в Страну Забвения двоих шалопуг.

– Так ты считаешь, боярин, что убитым тобой разбойникам путь в Страну Света закрыт? – спросил степенный Брайко.

– Закрыт. Они выступили против воли славянских богов, за что и поплатились.

– А была ли та воля выражена ясно? – усомнился Скора, кося глазом на призадумавшегося князя.

– Была, боготур, – твердо сказал Драгутин. – Иначе не сидел бы я здесь перед тобой. Если трое от дюжины разбойников, напавших из засады, отбиваются без большого урона для себя, то происходит это не иначе как божьим промыслом.

– Верно говоришь, боярин, – просветлел лицом князь Всеволод. – Коли не было бы согласия богов на задуманное нами дело, то не доехал бы ты до моего городца.

Походило на то, что до сей поры князь Всеволод, человек умный, хитрый и осторожный, не был до конца уверен в правильности своего выбора. Драгутин его не осуждал за нерешительность. Дело, которое им предстояло осуществить, было кровавым и чести Всеволоду не сулило. Ибо счет предстояло предъявить человеку, кровно и по богу с князем связанному. И хотя связь, установленную богом, тот человек уже оборвал, взяв из рук кагана право суда не по слову Велеса, а по кривде пришлого бога, но ведь и через кровное родство так просто не перешагнешь. Отцы князя Всеволода и князя Твердислава были братанами. Велесовы волхвы уже дали добро на суд от имени своего бога, а Великий князь Всеволод, верховный судья Скотьего бога, блюститель его правды в Радимичских землях, все никак не мог оторвать от сердца человека, с которым рос бок о бок, стоял плечом к плечу в битве и сживал за пиршественным столом.

– Не наше слово будет последним, – сказал Драгутин, – его скажут славянские боги устами своих волхвов. И что будет сказано, то и свершится.

Всеволод головой кивнул в ответ на слова боярина. Боготуры промолчали. Все хорошо понимали, что Твердислав – это только начало спора, а над кем будет произнесено последнее осуждающее слово, неведомо никому. Но в любом случае начало было положено справедливое – прежде чем чинить спрос с дальних, надо покарать ближних. Измена Твердислава не только бросала тень на родовичей, но и смущала умы простых людей. Уж коли ближники славянских богов от освященного кровью щуров порядка отворачиваются, то, вероятно, иссякла сила их кумиров, а вместе с нею сошла на нет и их правда. Смерть Твердислава должна была показать колеблющимся, что нет, не иссякла и спрос с отступников будет. И ни мечи хазарские, ни пришлый бог, обласканный каганом Битюсом, отступника не защитят.

– За славянских богов! – Всеволод поднял братину и, отхлебнув первым, пустил ее по кругу.

– За божьих ближников, коим предстоит обнажить меч за славянскую правду! – подхватил Драгутин.

Боготуры, следуя примеру князя, выпили стоя. Трижды братина прошла по кругу, прежде чем молодой годами Торуса перевернул ее вверх дном.

Князь Всеволод, распрощавшись с боярином и боготурами, покинул гридню.¹² По его ссутулившейся спине было видно, как тяжело переживает он измену родовича и как тяготит его взятая на плечи ноша судьбы и мстителя за поруганную правду.

¹² Гридня – здесь: приемная, где древние князья принимали запросто.

– Кривду медом не изживешь, – сказал Скора, проводив глазами князя. – Боготуры готовы. Выступаем по твоему слову, боярин.

– Завтра поутру седлайте коней, и да помогут нам славянские боги.

Скора сдержал слово и проводил гостя к старому резчику Сару. Сар встретил боярина с достоинством – хоть и жил он не своим домом, но цену себе знал. Драгутин сразу обратил внимание на руки резчика, немало поработавшие на своем веку. Они и сейчас не пребывали в бездействии, ловко ковыряя деревянный чурбан острым резцом. На глазах изумленного Драгутина из обрубка внезапно выступила голова невиданного чудовища.

– Это что за чудо-юдо? – спросил Скора у резчика.

– Носорогом эту животину кличут, – спокойно отозвался Сар. – Водятся они в египетских землях, а может, и еще далее. Видел я их только однажды во фряжских землях. Их туда на потеху тамошнему владыке привезли.

– А каким богам кланяются фряги? – спросил Драгутин, присаживаясь на лавку рядом со стариком.

Сар был одет в белую чистую рубаху и полотняные штаны. Ноги держал в кожанцах, хотя в горнице было натоплено изрядно. Судя по всему, остывающая кровь плохо грела резчика. Волосы у Сара были седые и длинные, едва ли не до плеч, а бороду он подстригал. Носить бороду на груди дозволялось только волхвам.

– Кланяются они тому же богу, что и иудеи, но на свой манер, а более всего сына того бога почитают, коего распяли на кресте.

– Это за что же с ним так обошлись? – удивился Скора.

– За то, что правду людям нес от бога-отца. Не всем та правда по сердцу пришлась. Не в правде божьей дело, боярин, а в том, как ее толкуют божьи ближники. А иные и там, и у нас норовят ее в свою пользу перетолковать. Не то беда, что каган Битюс пришлому богу кланяется, а то беда, что пытается он правду кривдой подменить. Чужим потом да слезами богатые и властные хотят построить для себя в этом мире Страну Света, но забыли они о том, что век человеческий короток, и коли прожил ты его со злом в сердце, то с тем злом и уйдешь в Страну Тьмы и Забвения.

Рассуждал старец здраво, хотя далеко не всё в его словах Драгутина понравилось. А более всего не понравилось то, что смерд разумением иного князя превосходил. В этом мире каждый должен знать свое место, иначе порядка не будет.

– А как в тех краях люди живут?

– По-разному живут, боярин, – улыбнулся беззубым ртом Сар. – Золотые блюда всегда полны, а глиняные чащи пустуют. На иных плечах червлёный кафтан, а на иных вретисце. Кто в каменных палатах живет, а кто под соломенным навесом. А так, чтобы все богато жили, врать не буду, этого не видел.

Драгутин похвалил работу старца и распрощался с ним. Уходил он не то чтобы гневным, но с раздражением в сердце. Получалось, что укорил в чем-то Драгутина старый Сар, а у боярина слов не нашлось для ответа.

– Остер старик на язык, – засмеялся Скора. – Князь Всеволод зовет его иной раз для разговора, а после всегда сердится.

– Плохо, если словами Сара другие смерды заговорят.

– Это вряд ли, – покачал головой Скора. – Если только мы сами не введем простых людей в смущение правдой чужих богов, которая оборачивается кривдой на наших землях. Каган Битюс человек вроде неглупый, а не понимает, к чему приводит забвение обычаев, от щуров идущих.

– Ганам хазарским ближники славянских богов всегда были как кость в горле, – хмуро бросил Драгутин. – В городах наше слово слышнее ганского. А если пришлый бог забудет

славянских богов, то и глас его ближников превратится в ненужный шепот. Каган Битюс упорен в заблуждениях, но не всегда сила правду ломит.

Глава 4 РАЗРУШЕННЫЙ ГОРОДЕЦ

Спал Драгутин как убитый, намаявшись за трудный и суматошный день, и пропустил бы первые солнечные лучи, если б его не разбудил Скора. Боготур был облачен в броню, а у бедра покачивался длинный меч. На Драгутина серые глаза его смотрели почти весело.

– Пора, боярин, путь предстоит долгий.

Впервые пути Скоры и Драгутина пересеклись двадцать лет тому назад. Тяжелое это было время для Радимичской земли. Умер Великий князь Будимир, и о радимичском столе спорили его сыновья – старший, Борислав Сухорукий, и средний, Всеволод. За Всеволода горой стояли волхвы и боготуры, а за Борислава – старшина¹³ лучших родов и хазары гана Жирыты, назначенного каганом Битюсом наместником при захворавшем князе Будимире. С большим трудом радимичам удалось тогда избавиться от кагановой заботы, которая едва не обернулась полным разорением градов и весей. И в тех усилиях сторонников князя Всеволода доля Драгутина была немалой. С тех пор много воды утекло в радимичских реках, и сам боготур Скора уже не прежний юнец, а вот боярина Драгутина время как будто не коснулось. По-прежнему сверкают яркой синью его глаза, а мощный торс бугрится клубками мышц. Разве что лицо, рассеченное двумя морщинами от уголков к подбородку, говорит о том, что и над этим железным человеком время все-таки властно.

Драгутин вышел на крыльцо и окинул взглядом обширный двор городца. Девятнадцать боготуров уже сидели в седлах.

Рогатые шелома сверкали в лучах скупого на ласки зимнего солнца, а из-под тех шеломов следили за гостем настороженные глаза. Не было у боготуров полного доверия к боярину. Чтобы ближник Даджбрга стал своим среди ближников Велеса, немало надо пережить вместе.

С места всадников повел Скора, он дорогу до излучины лучше всех знал. Лошадям несладко приходилось, местами они в снег чуть не по брюхо проваливались. У иных боготуров сосульки на усах повисли, что делало их похожими на деда-морозовика, который издавна прижился в радимичских лесах. А вот бородатых среди боготуров не было. Молодых отправил князь Всеволод на рискованное дело, которое зрелые боготуры могли еще, чего доброго, взять под сомнение.

Драгутин держался рядом со Скорой. Боярин был без брони, в простом кожухе, а о воинском его звании напоминал лишь меч, висевший у бедра.

радимичский лес от лесов древлянских отличался разве что обилием снега. В древлянских лесах в эту пору непролазная грязь, а здесь снег еще солнцем не тронут. А река, на которую вывел боготуров Скора, была покрыта толстым слоем льда. По припорошенному снегом льду передвигаться стало легче. А местами кони чуть не в мах шли, удивляя заспавшийся лес своей прытью.

– Слух у нас прошел, – сказал Скора на одном из коротких привалов, – что на краю радимичских земель Шатун объявился.

– Извести надо, дабы не смущал простолюдинов, – спокойно отозвался Драгутин.

Если по лицу судить, то говорил Скора без задней мысли, ни в чем боярина не подозревая. Но плохо будет, если князь Всеволод и ближние к нему боготуры заподозрят Драгутина в связях с урсами. Чего доброго Велесовы ближники обвинят ближников Даджбога в желании развязать новую распря на Радимичской земле.

¹³ То есть старейшины.

Передохнувшие кони пытались наверстать упущенное время, но Даджбогова колесница оказалась проворнее боготурских коней и закатилась за гору раньше, чем всадники достигли излучины реки. По словам Скоры, до места сбора было рукой подать, потому боготуры не стали искать место для ночлега, а зажгли припасенные факелы. Драгутин первым учуял запах дыма, а еще через какое-то время из темноты навстречу всадникам проступили стены полуразваленного городца. По ночной поре трудно было разобрать, велик тот городец или мал, а вот конское ржание, доносившееся из-за стен, вселило в Драгутина надежду.

От городца отделился всадник и поскакал навстречу прибывшим. Драгутин при неверном свете факелов опознал в нем боярина Воислава и поднял предостерегающе руку, дабы боготуры не вздумали ненароком меткость свою показать.

– Здрав будь, боярин Драгутин, – улыбнулся Воислав, – и вы здоровы будьте, боготуры.

– Вузлев вернулся? – спросил у Воислава Скора.

– Пока нет, но от Перуновых волхвов был человек с вестью, что «белые волки» явятся в срок.

Всех бояр, присланных великим князем Яромиром, Драгутин знал в лицо и не сомневался в их расторопстве. На дружное боярское здравствование не менее дружно отозвались боготуры. В сохранившемся очаге старого жилища горел огонь, подле которого волчком вертелся суховатый человек и ходили неспешными шагами три дебелие женки. По запаху, доносившемуся из огромного чана, Драгутин понял, что без горячего ужина их не оставят.

– Расстарался, Лепок, – похвалил человека Торуса. – Коли и коней наших не обидишь, то быть тебе обласканным не только князем Всеволодом, но и мною.

– Ловлю тебя на слове, боготур, – отозвался от очага тивун. – Подарок от тебя с первой же добычи.

Расторопство Лепка смехом одобрили и боготуры, и бояре, а Торусе деваться некуда – надо дарить, коли напросился.

– Отчего же только Лепку подарок? – подала голос от очага раскрасневшаяся женка. – Неужели мы даром в этом глухом углу ноги бьем?

Стряпуха была ничего себе: и в теле, и ликом приятна, да и годами не старше Торусы. Потому боготур, оскалив зубы в улыбке, подмигнул ей озорным глазом.

– Женкам только за отбитые ноги подарков не дарят. Тут иную службу надо справлять.

– Ишь пряткий какой! – притворно обиделась стряпуха. – Если каждому служить, так изотрут начисто.

– А зачем же каждому? – удивился Торуса. – Ужель меня одного тебе будет мало?

Смех смехом, но дело свое стряпухи знали. Бояре и боготуры отдали должное приготовленному со старанием ужину. Ни вина, ни меда на столе не было, дело предстояло нешуточное, и вершить его следовало на трезвую голову.

– А чей это городец? – спросил у своего соседа боготура Брайко боярин Забота, самый степенный из присланных князем Яромиром Даджбоговых ближников. – И почему брошен?

Боготуры с боярами сидели за столом вперемешку, в знак доверия друг к другу, но беседа завязывалась с трудом. Люди собрались между собой незнакомые, а потому и слова, да еще на трезвую голову, неохотно шли с языка.

Боготур Брайко на плечистого соседа покосился дружелюбно, но с ответом затруднился, лишь руками развел, едва не смахнув при этом на колени сидевшего ошую боярина Ратибора чашку с дымящимся варевом. Чашку удержал Торуса, так что все обошлось без ущерб для боярских ног.

– Этот городец построен был в давние времена, – вмешался в разговор юркий Лепок, – а разрушен лет, может, пятьдесят назад. Владел им человек по имени Листяна, а по прозвищу Колдун. Всю округу Листяна Колдун держал в страхе. Были слухи, что и над бесами он властвовал, и над иной темной силой. На славянских богов восстал Листяна. За что и сра-

жен был молнией Перуна прямо в своем логове. А всех его служек подрали «белые волки». Они разрушили этот городец и запретили людям селиться в его окрестностях. А Листяна, сказывают, после удара молнии черен стал, как сажа из этого очага, и в великих мучениях ушел из этого мира в Страну Забвения.

– Место выбрали, однако, – хмыкнул Ратибор, – тут нечистых, наверное, немерено.

– Если в этот городец попала стрела Перуна, то всех нечистых отсюда божественным огнем выжгло, – сказал Драгутин. – Так что чище этого места в округе нет. Да и не страшна нечисть ближникам славянских богов.

– О встрече в этом городце боготур Вузлев с «белым волком» Божибором договорились, – пояснил Лепок. – А мое дело маленькое, что скажут, то исполняю.

– Хорошо исполняешь, – сказал Драгутин и бросил на стол четыре гривны серебром. – Это тебе и стряпухам за труды, а нам на удачу в благом деле.

Лепок от такой щедрости потерял дар речи, а стоявшие у очага стряпухи слабо охнули. Стряпухи столько серебра отродясь в руках не держали, а Лепок если и держал, то только перед тем, как в княжью сокровищницу ссыпать.

– Многие лета тебе, боярин Драгутин, – сломался в поклоне приказный. – Щедрая душа славянским богам в радость.

– Стряпух не обидь. Одна гривна тебе, три женкам.

Если Лепка такой расклад разочаровал, то виду он не подал, а расплылся в благодарной улыбке.

На ночлег бояре и боготуры размещались прямо здесь же, на лавках. Грядня была просторная и вполне могла вместить добрую сотню человек. Видимо, под рукой Листяны Колдуна ходила большая дружина. И человеком он, судя по всему, был небедным, немало, вероятно, после себя нажитков оставил.

– А что, о сокровищах Листяны слухов не было? – полюбопытствовал Ратибор. Среди бояр князя Яромира славился он страстью к разным бывальщинам и сказкам. Готов был слушать их с утра до вечера. Приучили мамки да няньки в детстве, да так сильно, что и к двадцати годам не отвык.

– Слухами земля полнится, – протянул Лепок. – Листяну ведь не зря Колдуном звали. Говорят, он был связан с самыми злыми духами в Стране Забвения. А на схрон с сокровищами он такое заклятие наложил, что даже волхвам оно оказалось не под силу.

– Много, выходит, серебра и злата нахапал, – вздохнул завистливо Забота, да так вздохнул, что под его телом жалобно заскулила дубовая лавка. Дороден был Забота, не всякий конь мог его на себе нести, но и силой славянские боги боярина не обидели, и коли он в раж входил, то ударом секиры разваливал человека надвое, и бронь ему в этом не была помехой.

– Листяна ведь не только в округе грабил, – продолжал польщенный вниманием бояр и боготуров Лепок, – но вместе с дружиной хаживал на ладье в чужие земли. И всегда удачно. Слово он знал. И это Слово он спрятал в схроне вместе с золотом и серебром.

– Слово, наверное, от нечистых?

– А вот и нет. Это Слово пришло от добрых духов, которые пребывают в дружбе со славянскими богами. Писано это Слово знаками на холсте, и тот, кто холстом владеет, держит за хвост жар-птицу удачи.

– Зачем же он с нечистью связался, если у него была в руках жар-птица? – удивился Забота.

– С нечистью он связался еще до того, как свиток со знаками попал ему в руки. Может, затем и связался, чтобы Слово добыть.

– А откуда ты, Лепок, знаешь про этот схрон и Слово? – спросил Торуса. – Ты у нас вроде не волхв и не колдун.

– Так ведь слухами земля полнится, а я меж людей живу. То один словечко обронит, то другой. А Листянин схрон многие искали, да все без толку. Абы кому он не дастся.

– Спать, – распорядился Драгутин. – Всех сказок не переслушаешь. От бояр на стражу боярин Воислав пойдет, а сменой ему будет боярин Володарь.

– От боготуров пойдет Торуса, – подал свой голос Скора, – а сменой ему будет боготур Соколик.

Ратибор и Торуса без споров поднялись с лавок. Да и какие могут быть споры, коли в деле мужи, а не на веселой пирушке. Бронь на плечи боготур и боярин натягивать не стали, но вдобавок к мечам прихватили еще и луки.

Торусе рассказ Лепка про Листяну Колдуна запал в душу. Вот бы добыть это Слово вместе с золотом и серебром. Тогда прямая дорога откроется боготуру в князя большого града. По крови Торуса принадлежал к давним ближникам бога Велеса. Из колена в колена его предки шли в боготуры и ведуны. Один из щуров Торусы был кудесником Скотьего бога. Было это еще в те времена, когда славяне кочевали по степи. Тогда никому в голову не приходило оспаривать место Велеса во главе славянских племен. А ныне и Перун-бог в верховники мстит, и Даджбог тоже. И у того и у другого печальников среди славянских родов много, но Велес все равно старше всех и первенство его неоспоримо.

Ночь выдалась морозной и звездной. Прохаживаясь вдоль полуразваленного тына, Торуса пристально вглядывался в темноту, прислушиваясь, не скрипнет ли снег под неосторожным кожанцом. Пока все было покойно и тихо. Боярин Воислав выбрал себе место у пролома на противоположной стороне городца. Его шагов Торуса слышать не мог – городец был велик, и, если судить по бревнам в два обхвата, ставили его на века. Долго, видимо, собирался жить Листяна Колдун, да не учел того, что боги иной раз бывают гневливы.

Скоро Торусе надоело смотреть по сторонам, и он поднял глаза к звездному небу. Где-то там, в красивом узоре из вечных светляков, таилась дорога боготура. Но куда эта дорога его выведет, к князьему столу или скорой смерти, сказать было трудно. Велесовы волхвы судьбу людям не предсказывают, ибо каждый человек сам торит свой путь в этом мире и очень часто поперек той, что проложена богами. Боги тоже не во всем властны над людьми и сами порой зависят от расторопности ближников на земле.

Скрип шагов Торуса услышал, но оборачиваться не стал. Он по звуку угадал, что крадется женщина, и был почти уверен, что скрипучие кожанцы надеты на ноги языкастой стряпухи, которая, не отслужив бабьей службы, требовала от боготура подарка. Торуса обернулся в последний момент так стремительно, что подкрадывавшаяся женщина оказалась в его объятиях как в капкане.

– Пусти, – прошипела она, пытаясь выскользнуть из рук, которые никогда не отпускали добычу.

– А вдруг ты хазарская лазутчица, – хмыкнул Торуса, – и бежишь с доносом к кагану Битюсу.

Стряпуха шутки не поняла и, кажется, испугалась. Во всяком случае, вырваться она перестала, позволив боготуру полапать себя со всех сторон. Сдобная была женщина, и даже крепчайший мороз не смог остудить ее горячей крови.

– К тебе я шла, а не к кагану. Поможешь или нет?

– А в чем печаль-то? – спросил согретый подле женщины Торуса.

– Лепок не хочет волю боярина исполнять, говорит, что ближник Даджбога тивуну князя Всеволода не указ.

– А ты из холопок, что ли?

– Вольная я была, но пришлось в закупы идти, когда мужа лесинной убило. Землю взяла мужнина родня у князя, а когда пришла пора рассчитываться по ряду, то платить оказалось нечем.

Выкупить женщину семья, конечно, обязана, но тут ведь честь честью, а голод тоже не тетка. Тем более что вдова будет в семье лишним ртом.

– Дети у тебя есть?

– Не успела завести. Месяц всего была замужем.

– И много земли семья взяла у князя?

– Ровно гривну серебром обязались выплатить.

– Выходит, боярин Драгутин долг за твою семью выплатил и ты теперь птица вольная.

– Я об этом сказала Лепку, а он все на своем стоит: нет и нет.

Вот ведь гад вилявый! Торуса приказного знает уже третий год, с тех пор как тот при князе появился, – хитрован, каких поискать! Поэтому стряпухиным словам боготур не удивился. Наверняка Лепок решил все четыре гривны в свою кошницу спрятать, наплевав на боярский наказ.

– Скажи Лепку, что гривны, данные боярином Драгутином, это не плата, а жертва славянским богам на удачу в большом деле. Ваша свобода богам угодна. А если случится в нашем деле незадача, то с Лепка шкуру спустят, ибо он посмел жертву, предназначенную богам, обернуть в свою пользу.

– Я скажу. Но и ты, боготур, пострашай тивуна.

– Ладно, – легко согласился Торуса. – Как только Соколик меня сменит, так мы с тобой наведаемся к Лепку. Тебя как зовут-то?

– Зови Дарицей, боготур, коли одарить не забудешь с первого прибитка.

– Одарю, если заслужишь. А даром привечать женок мне бог Велес не велит.

Видел Торуса женщин и покраше этой Дарицы, но не станешь же добро отталкивать, если оно само в руки плывет. Участь стряпуху на воле ждет незавидная. Будет вечной приживалой в мужниной семье. С голоду не умрет, но и кусок сладким не покажется. Так что прямая дорога женке в прибуды к боготуру Торусе. Человек он небогатый, но один рот прокормить сможет.

– А ты, я смотрю, и в стражу без бабы не ходишь, – зевнул во весь рот подошедший Соколик.

– Это мое дело, – буркнул Торуса. – А твоя задача – зрить в оба.

– Женка-то уж топтаная, – хмыкнул Соколик. – И не одним селезнем.

Соколик нарывался на ссору, но Торуса лаяться с ним не стал. Все же не безусый он отрок, чтобы на щенячий визг отзываться. А Соколик оттого задирается, что среди боготуров он по возрасту последний и безусой своей юностью тяготится. Вот ведь молодо-зелено. Усы через год вырастут, а за это время из-за длинного языка можно головы лишиться.

– Ты тут посторожи до света, – усмехнулся Торуса. – Может, в твои силки совсем свежая утица попадет. А еще говорят, что безусых снежные бабы любят.

Соколик запыхтел от обиды, но Торуса не стал ждать, когда его прорвет руганью, и направился в терем, дуя на замерзшие пальцы. Соколик что-то крикнул ему вслед, но слова юного боготура, не долетев до ушей Торусы, попадали подмороженными комочками в снег...

С Лепком Торуса разобрался быстро, да и не посмел бы приказный перечить боготуру, тем более в таком деле, как жертва богам. Вилявый тивун затряс плешивой головкой, заморгал умильно глазами и принялся уверять Торусу, что женщины его не так поняли.

– Лады, – не стал его больше тормошить боготур. – Есть у тебя здесь место, где можно с женой с глазу на глаз словом перемолвиться?

– А как же, – расплылся в улыбке Лепок. – Говорят, на этом ложе сам Листяна спал. А какие женки ему отслуживали!..

– Про его женщин не скажу, но городец хороший был у колдуна, – вздохнул Торуса. – Жалко, в забросе пропадает.

– Раньше это место проклятым считалось, но раз боярин Драгутин сказал, что Перун огнем своим место сие очистил, то, значит, так оно и есть, – зашептал Лепок. – Боярин Драгутин из первых Даджбоговых ведунов, кому же верить, как не ему?

– Ты это к чему клонишь? – насторожился Торуса.

– Я к тому, что городец сей восстановить нетрудно. Пригнать нужно смердов, и они за две-три седмицы все в прежнее благолепие приведут.

– Может, и приведут, – пожал плечами Торуса, – но мне в этом какая корысть?

– Так ведь городцом будешь владеть ты, боготур. Места здесь богатые дичью, земля жирная, жито будет спеть прямо на глазах. Опять же река рядом ходкая, торговцы по ней плавают взад-вперед.

– Городишь невесть что, – отмахнулся Торуса. – Где я тебе смердов возьму, чтобы восстановить городец? Я у своего отца младший сын, да и семья наша избытком жира похвастаться не может. Все мои нажитки – конь да бронь.

– Будет земля, боготур, – будут и смерды. Сейчас в родах и семьях избыток ртов, от желающих идти на высылки отбою нет. А если ты смердов на первые два-три года от платы освободишь, то они мигом жиром и шерстью обростут – стриги их потом и стриги.

– Земля-то не моя, кто мне здесь распоряжаться позволит? Князь Всеволод мигом все под себя подгребет.

– Так в том-то и дело, что князю Всеволоду этот близкий локоток никак укусить не удастся, – ухмыльнулся Лепок. – Ближники Перуна сразу становятся в дыбки. Листяну-то они отсюда избыли. А князю Всеволоду ссориться ныне с Гостомыслом Новгородским не с руки.

– Всеволоду не дают, а мне возьмут да отмерят!

– Ежели князь Всеволод за тебя просить будет, то Перуновы ближники не согласятся, но ежели боярин Драгутин слово за боготура Торусу замолвит, то получится совсем другой расклад.

Торусе речь Лепка показалась разумной. Боярину Драгутину этот полуразваленный городец не нужен. Его собственные земли, как и земли рода, находятся далеко от этих мест. А потому Перуновы ближники вполне могут уважить его просьбу. Волхвы решат, что боготур Торуса тайно сговорился с даджанами и застрянет занозой под боком князя Всеволода. Но ведь и Всеволод может то же самое о боготуре подумать и, чего доброго, озлобиться сердцем. А человек он мстительный, если задумает Торусу известить, то сил у него для этого хватит.

– Великому князю Всеволоду от твоего городца тоже будет польза немалая, – горячился Лепок. – Жирнющий кус земли к его ближнику отойдет. Ну а ежели Всеволод заартачится, так Велесовы волхвы тебя поддержат, боготур.

Скользкое дело предлагает Лепок. Торусе придется расположить к себе и боярина Драгутина, и «белого волка» Божибора, и волхвов сразу трех славянских богов, которые редко к согласию приходят. Но, с другой стороны, когда еще боготуру такой случай подвернется?

– Ладно, Лепок, если получу эту землю и городец, то тебя не забуду. Расторопный приказный мне пригодится.

– Не сомневайся, боготур, – приложил руку к сердцу Лепок, – все, что в моих силах, я для тебя сделаю. А женку ты за стеной найдешь, заждалась уже, поди.

К удивлению Торусы, глухая и надежная вроде бы стена сдвинулась вдруг в сторону, открыв проход в ложницу, которая своим видом весьма удивила боготура. Главной достопримечательностью здесь было, конечно, ложе. Торусе прежде видеть такую красоту не доводилось.

– Лепок говорит, что Листяна вывез его из дальних мест, – прошептала боготуру на ухо млевшая на звериных шкурах стряпуха. – Из храма самой могущественной в тех местах богини.

Торуса отвел глаза от дивных узоров и глянул на нагую женщину. Дарица под его взглядом не смутилась, а развернулась навстречу, словно цветок, ожидающий подлета шмеля. Торуса оказался шмелем проворным и ждать себя не заставил, забыв на время и о Листяне, и о его городце, и даже о дивном ложе, на котором любил сейчас расторопную женку. Правда, боготуру показалось, что стряпуха уж больно умела для женщины, которая всего лишь месяц пробыла замужем, но подозрение это утонуло в горячем шепоте Дарицы.

– Ложницу эту отыскала я, сюда тайный ход вел.

Торуса припомнил, что, прежде чем стена сдвинулась, Лепок на какую-то скобу нажимал, и подивился осторожности Листяны Колдуна, который свою любовь к женщинам столь надежно прятал от посторонних глаз. А может, просто боялся, что кто-то из ближников сунет спящему нож в бок.

– Колдуны во сне теряют силу, – подтвердила Дарица. – Душа их в это время бродит далеко, а тело остается беззащитным.

– Слишком много ты знаешь, как я посмотрю, для простой стряпухи.

– Так я ведь сирота. Выросла при Макошином городце. Там и набралась всяких премудростей.

– Если городец за мной останется, то я тебя в ключницы возьму, – сказал Торуса. – Пойдешь?

– Пойду, – легко согласилась Дарица. – Мужнины родовичи противиться не будут, зачем им лишний рот.

Торуса оглядел стены, которые проступали в неярком свете горевшего в дальнем углу светильника. Стены были обычные, из оструганных стволов, но очень может быть, что за ними таились Листянины схроны.

– Схроны находятся в другом месте, – угадала мысли боготура Дарица. – А в городце, кроме ложа из кости, ничего нет.

Торуса с женщиной спорить не стал и использовал ложе по назначению, еще раз подивившись и красоте тела Дарицы, и ее умению угодить взалкавшему мужчине не только стряпней. Ни земли, ни городца боготур пока еще не получил, но тивуна с ключницей уже нашел. Пока что все у Торусы получалось складно, а удачное начало – это половина успеха.

– Вузлев приехал с «белыми волками», – раздался у самого уха боготура чей-то горячий шепот.

Торуса вздрогнул от неожиданности и не сразу сообразил, кто и зачем его предупреждает.

– Слуховая труба, – пояснила Дарица, указывая на отверстие в стене. – Это Лепок говорит.

– Боярин Драгутин поднимает мужей. – Голос приказного зазвучал громче. – Поспешай, боготур.

Глава 5 БОЖИЙ СУД

Драгутин, узнав о прибытии «волков», вздохнул с облегчением. Сон сразу же слетел с его глаз, и вновь навалились на плечи оставленные на время проблемы. Зашевелились потревоженные шумом бояре и боготуры. Боярин Забота, который мог проспять сутки напролет, зевнул так, что сидевший рядом на лавке боготур Брайко крикнул от зависти.

– Степенным мужам от «волков» одна докука, – простодушно пробурчал толстый боярин, оглядывая вошедших молодцов.

– Степенному боярину лучше бы дома на печи лежать, – не остался в долгу усатый молодец в волчьей шкуре. – Лень-то поперед тебя родилась.

Может, кто-то другой и обиделся бы на столь резкие слова, но Забота только ухмыльнулся в ответ да почесал выпирающий из-под рубахи живот.

Драгутин молча пожал протянутую Божибором руку. Многое они могли бы вспомнить, глядя друг на друга, но время для воспоминаний было не самое подходящее. Драгутин отметил только, что русая борода Божибора изрядно побелела, а серые глаза стали почти стальными.

– Твоим людям нужен отдых? – спросил Драгутин.

– «Белые волки» всегда готовы к драке, но коням надо дать передых.

– Добро, – кивнул головой боярин. – С рассветом выступаем. А где Лепок?

Но приказный в понуканиях не нуждался, и поднятые им стряпухи уже толклись у разложенного очага.

Драгутин жестом пригласил гостей к столу. «Белые волки» упрашивать себя не заставили и, гремя заледенелой бронью, взгромоздились на лавки, изрядно стеснив ближников Даджбога и Велеса.

– А где Торуса? – спросил вернувшийся с улицы Соколик. – Вот кто храпит сейчас со всеми удобствами.

– Какие в этой дыре могут быть удобства? – вздохнул отбивший бока о жесткую лавку боярин Ратибор.

– Ты Торусу не знаешь, – покачал головой Соколик. – Наверняка он сейчас развлекается с женкой на мягком ложе.

– Женщины у очага, все трое, – возразил Ратибор.

– А Торуса где? – не сдавался юный боготур.

– Здесь я, – отозвался Торуса, выступая из темного угла. – А тебе все нейдет, Соколик. Не моя вина, что безусых только снежные бабы любят.

На слова Торусы отозвались смехом все, у кого усы были в наличии. Шутка была беззлая, но Соколик обиделся, отчего отроческое лицо его пошло красными пятнами. Ссора грозила завязаться нешуточная, а потому в разговор вмешался боготур Брайко, осадивший острого на язык Торусу:

– Где ты все-таки пропадал?

– Сначала в стороже, а потом на ложе, – хмыкнул Торуса. – Соколик-то у нас провидец.

– А где это ложе? – сразу же проснулся боярин Забота.

– Ложе находится там, где ему и положено быть, – в ложнице. А в ту ложницу ведет тайный ход. На этом ложе спал сам Листяна, и сделано оно не из дерева, а из кости неведомого зверя.

– Силен ты байки рассказывать, – засмеялся Ратибор. – А какие сны снятся на дивном ложе?

– Сон был такой, – продолжал Торуса. – Явилась мне необычайной красоты женщина, и любила она меня так, как земные женщины любить не способны.

– А ты не оплошал? – спросил боярин Володарь.

– Не оплошал, – серьезно отозвался Торуса. – И сказала та женщина, что послана она богиней Макошью стеречь сие ложе. А я ей до того полюбился, что она больше на это ложе никого не пустит. И еще сказала та женщина, что я этот городец должен восстановить, дабы охранять чудесное ложе. В этом и будет мое предназначение в жизни.

Никто над рассказом Торусы смеяться не стал – сон дело серьезное. Тем более если этот сон от Макоши наслан. Такими вещами не шутят.

– Вещий этот сон или не вещий, судить не берусь, – развел руками Торуса. – Может, ты, боярин Драгутин, подскажешь?

– А для чего надо ложе беречь, женщина не сказала?

– Для целей, ведомых только богам, а более-де мне знать необязательно.

– По-моему, сон вещий и отмахиваться от него не след, – сказал Драгутин. – А ты как думаешь, Божибор?

«Белый волк» задумчиво погладил седеющую бороду, прикидывая что-то в уме. Брать на себя ответственность в столь щекотливом и неясном деле он не спешил. А может, не было у него полной уверенности в том, что Драгутин с Торусой действуют не по сговору.

– Знак должен быть в подтверждение сна, тогда его действительно можно считать вещим, – высказался наконец Божибор. – А без поданного Макошью знака это все пустая блажь.

– Пожалуй, – согласился с «белым волком» Драгутин, и все собравшиеся в гридне мужи закивали головами. Знак действительно должен быть, и по его поводу волхвы скажут свое слово. А без согласия волхвов боготуру не следует впрягаться в это дело. Мало ли кем мог быть наслан этот морок. Листяна Колдун служил нечистой силе, не исключено, что именно из Страны Забвения тянется ниточка к таинственному ложу.

Торуса уже и сам не рад был, что вздумал рассказывать эту байку. Не снилось ведь ему ничего, а вот же словно дернул кто-то за язык. Начал вроде с шутки, чтобы безусых Ратибора и Соколика подразнить, и вот во что это вылилось. А коли эта байка придется бабьей богине не по нраву, что тогда? Утешал себя Торуса тем, что не все в его рассказе было ложью. Стряпуха Дарица действительно выросла в Макошином городце. Удивило боготура то обстоятельство, что боярин Драгутин в его сон поверил, словно выгоден он был дажанам. А может, правда выгоден? И Лепок давал боготуру советы не по простоте, а по наущению сведущих людей? Пораскинув умом, Торуса пришел к выводу, что бояться пока еще рано. Очень может быть, что байка с его языка сошла не случайно. Среди предков Торусы было немало ведунов и ясновидящих, вполне возможно, что и ему удалось проникнуть в замыслы богини, которая обратила на него свой взор.

– Пора, – сказал Драгутин, поднимаясь с лавки. – Да пребудут с нами боги славянские!

На коней садились споро, и так же споро выехали за стены загадочного городца, блистая бронью под лучами неяркого в эту пору солнца. Мороз сильно сдал к утру, и в воздухе явственно запахло весной. До города Берестеня путь был неблизкий, но Драгутин твердо рассчитывал добраться до его стен к началу ночи. Бояре, боготуры и «белые волки» меж собой не мешались, предпочитая держаться своих, да и действовать им предстояло наособицу, согласно предварительному плану, намеченному вожаками в Листянином городце. Первыми отвернули в сторону «белые волки» во главе с Божибором. Бояре и боготуры продолжили путь совместно почти до самого городского тына, а потом разделились. Драгутин повел бояр к Южным воротам, а Скора своих боготуров – к воротам Торговым, выходящим на пристань. В подступающей темноте никто особенно не присматривался к малочисленной

дружине, которая, проделав, судя по взмыленным коням, немалый путь, спешила отогреться у городских очагов.

– Кто такие? – запоздало окликнули их из приворотной вежи.

– Разуй глаза, – огрызнулся Драгутин. – От кагана Битюса к князю Твердиславу с добрым словом.

Плату за въезд с них не потребовали. Да и когда это было, чтобы хазары градским обывателям платили? Стража наверняка приняла Драгутина за хазарского гана, с которым лаяться без толку, да и чревато. Князь Твердислав с каганом ныне в большом ладу и дошел в своем раболепии до того, что пустил за городские стены три хазарские сотни, к большому ущемлению прав берестянских стражников. Драгутин нисколько не сомневался, что в случае заварушки берестяне не кинутся а помощь хазарам, даже если об этом сам Твердислав будет росить. Подкованные копыта боярских коней гулко стучали по промерзшим лесинам мостовой, тревожа притихших к вечеру собак. Припозднившиеся обыватели недовольно шурились на всадников, которых занесло за городской тын в неурочный час.

Княжья обитель располагалась рядом с Торговой площадью. И уже издали было видно, что у ворот детинца¹⁴ колготня. Ворота по ночной поре были наглухо закрыты, а вот пространство перед ними было забито многочисленными возами. Невесть откуда притащившийся обоз перекрыл дорогу всадникам в бараньих шапках. Что, конечно, последним не понравилось. Драгутиновы бояре тоже не замедлили вмешаться в спор,

– К князю Твердиславу мы, – надрывался ражий мужик на передней подводе, – с дальнего сельца урочная дань.

– Сворачивай, – рычал ему ряженный в баранью шапку Скора.

Прочие всадники и возницы кричали уж совсем непонятное, но дело явно шло к большой драке. Привлеченные ором, городские обыватели, как водится, давали советы, которые приводили к еще большей неразберихе.

– Осаживай подводу, – требовал Скора, размахивая плетью.

– Куда я ее осажу? – огрызнулся возница.

Кое-кто уже начал зажигать факелы, чтобы помочь распутать клубок из возов и лошадей, образовавшийся нежданно-негаданно на обширной площади. Ругали берестяне, естественно, возниц, которые по деревенской своей простоте, городских порядков не зная, уперлись чуть ли не в самые ворота детинца. Конечно, ничто не мешало хазарам объехать возы, но для этого пришлось бы бить копыта коней по узким переулкам, и это в самую темень. Немудрено, что всадники в бараньих шапках озверели.

– О чем лай? – проснулись наконец на сторожевой веже детинца.

– К князю с оброком из дальнего сельца, – громко объяснил рыжий возница. – А эти гонят от ворот.

– Всю площадь перекрыли, ни пройти, ни проехать, – крикнул Скора.

– Тебя, олух, где носило? – рыкнули сверху на возницу. – Приперся в самую темень!

– Путь-то дальний, – обиженно пробасил рыжий. – А добро за стенами не оставишь. Ты уж пропусти нас, мечник, а то ведь разворуют городские за ночь княжье добро.

Ворота детинца по ночам без крайней нужды не открывают, да и днем сюда не каждого пустят. Этак каждый начнет к князю в гости шастать – никакого порядка не будет. А князю и его гридям в том большая докука. И без того в детинце не продохнуть, а тут еще деревенский недотепа со своими возами!

– Ну я тебе устрою спрос, – пригрозил с вежи мечник, – чтоб впредь неповадно было тревожить князя по ночам.

– Мое дело маленькое, – обиделся рыжий возница, – велено было привезти, я и привез.

¹⁴ Детинец – кремль, внутреннее укрепление города.

Громко заскрипело колесо подъемного моста, загремели ржавые цепи. Детинец открывал свой зев, дабы принять в себя привезенный смердами княжий прибыток.

– Спешиться, – тихо приказал Драгутин.

Первым на опустившийся мост прыгнул рыжий возница, вот только вместо медвежьей шапки с головы его скалилась в сторону гридей волчья пасть.

– Волки! – крикнул ему навстречу какой-то бедолага и тут же захлебнулся кровью.

– Затворяй, – завопил с вежи понявший свою оплошность мечник, но с приказом он явно опоздал: облаченные в волчьи шкуры люди уже мелькали по двору детинца. В княжьем тереме, видимо, почуяли неладное, оттуда неслись тревожные крики. Ни князь гриди, числом в три десятка, ни хазары, которых было в детинце не более двадцати, не могли понять, откуда взялись посреди двора закованные в бронь и налитые силой люди. Ударившись обтянутой полотном рубахи грудью о чужую железную грудь, они падали бездыханными.

– Коней ведите следом, – крикнул Драгутин заранее отряженным для этого дела боярам. – И прикройте ворота детинца.

В городе было три сотни хазар и до сотни Твердиславовых мечников, которые могли вмешаться в ход событий. Но пока за спиной Драгутина кричали лишь изумленные происходящим обыватели. Хазарские шапки с голов всадников вдруг слетели наземь, а взамен на головах выросли бычьи рога. Такое загадочное преобразование пришлых людей при свете факелов поразило и испугало многих горожан. А рогатые воины уже бежали по опущенному мосту в детинец с криками и воем, от которых у обывателей дыбом вставали волосы.

Драгутину не пришлось вступать в драку. Взбежав на красное крыльцо княжьего терема, он крикнул оттуда загнанным в угол к пристройкам гридям и хазарам:

– Именем славянских богов – бросайте мечи!

Стрела, летевшая в лицо, едва не оборвала речь Драгутина на полуслове, но оказавшийся рядом Торуса поймал его смерть своим щитом. Боярин невольно отшатнулся, но с крыльца не сошел. А боярин Володарь снял лучника с крыши пристройки, метнув в него свой нож. Лучник скатился вниз на головы товарищей, которые побросали мечи под ноги окружавших их незваных гостей.

– Стрела с синим пером, – сказал Торуса, разворачивая щит к Драгутину. – Чем тебе не знак?

– Пусть судят волхвы, – отозвался подошедший с мечом в руке «белый волк» Божибор. Это он давеча изображал у детинцевых ворот возницу.

– К Твердиславу, – распорядился Драгутин, толкая ногой тяжелую дверь.

Все свершилось столь быстро, что ни князь Твердислав, ни его гость хазарский ган не успели понять, что происходит. К тому же оба уже успели изрядно повечерять, а потому пялились на вошедших людей с пьяным изумлением.

– Кто такие? – грозно вспенился наконец князь.

– Зенки залил так, что знаков не зришь, – хмуро бросил ему Драгутин. – Посланцы славянских богов перед тобой, Твердислав.

Хазарский ган то ли потрезвее был, то ли от природы лучше соображал, но на ноги он вскочил первым.

– А почему не добром вошли? – спросил он, сощуривая узкие глаза скифа-степняка. – Или божьи ближники решили пойти войной на хазар?

– Спрос не с тебя, ган Горазд, а с князя Твердислава, – спокойно отозвался Драгутин. – Ближник Велеса, предавший своего бога, должен ответить по правде славян.

Князь Твердислав, наливаясь дурной кровью, медленно поднимался из-за стола. Страха не было в его бычьих глазах – только ярость. И ростом, и статью он напоминал своего родовича князя Всеволода. Вот только тело его жиром еще обрасти не успело. Литые широкие плечи разрывали рубаху на груди, а широкая ладонь сжалась в увесистый кулак.

Не робкого десятка человеком был князь Твердислав, отличившийся во многих битвах и не раз бравший верх в поединках грудь в грудь над сильными бойцами.

– Меня на стол сажало городское вече, – прохрипел он в лицо Драгутину, – и ни тебе, даджан, меня судить.

– Отчего же, – холодно отозвался боярин, – и я свое слово скажу. Но сначала из уст волхвов прозвучит слово славянских богов.

Три белобородых старца выдвинулись из-за спин заполнивших горницу боготуров, бояр и «белых волков». Их одетые в белые полотняные рубахи, худые тела казались лишними среди дивных птиц и чудищ, намалеванных яркими красками на потолке и стенах. Драгутин подумал, что стены эти малевал старый резчик Сар, одолженный для этой цели князем Твердиславом у своего родственника Великого князя Всеволода.

Твердислав при виде волхвов рухнул обратно на лавку, свалив на пол золотой кубок с красным вином. Кубок прокатился по крашеному полу под столом и выкатился с длинным кровавым последом прямо под ноги Драгутину. Боярин поднял кубок и передал его волхву со знаком двойной секиры на рубахе. Такой знак носили только самые ближние к кудеснику Перуна ведуны. Перунов волхв отвязал с пояса небольшой сосуд и перелил его содержимое в золотую посудину.

Князь Твердислав налитыми кровью глазами следил за действиями волхва, а на одутловатом его лице проступали крупные капли пота. В княжьей горнице натоплено было изрядно, но потел Твердислав не от жары, а от предчувствия скорой расправы. Каким бы твердым сердцем ни обладал человек, а все же сердце это живое, не каменное, поэтому близкое дыхание смерти не может не наполнять его ужасом.

– Неправое дело вершите, волхвы, – не удержался ган Горазд. – Каган Битюс не одобрит насилие над князем Твердиславом. Да и нет вины князя в том, что он склонился перед силой. А сила эта от Битюса идет, вот с кагана и спросите, если сможете.

Длиннобородый Велесов волхв, самый старший из троих по возрасту, медленно перевел бесцветные очи на гана Горазда:

– Не за то мы судим князя Твердислава волею наших богов, что отворил он перед хазарами врата своего града, в этом он волен, а судим мы его за то, что впустил он через те врата кривду чужого бога и той кривдой решил заменить правду славянских богов. Каган Битюс в непомерном самомнении своем забыл, что власть вождя держится божьим рядом, и коли этот ряд рухнет, то рухнет и власть кагана. Коли люб Битюсу чужой бог, то пусть сам ему жертвует, а иных прочих не принуждает. А что касается князя Твердислава, то посажен он на стол вечевым приговором от Велеса, и бог вправе сейчас спросить у него, сберег он его правду или уронил в грязь?

Ган Горазд был человеком не робкого десятка, но сила ныне оказалась не на его стороне, да и правда, как ни крути, тоже. Был бы Твердислав ганом, а не князем, спрос с него шел бы по иному счету. Но Твердислав с малых лет посвящен Велесу, а потому не волен в своих поступках. Ган Горазд, бессильно стриганув глазами по одеревеневшим лицам божьих ближников, отступил в сторону, давая волхвам дорогу.

– Вершил ли ты, князь Твердислав, суд кривдой пришлого бога, а не Велесовой правдой?

– Это делалось по приказу кагана, – глухо обронил князь, – и не только в моем городе. Сила солому ломит. А коли велено каганом, чтобы серебро давали в рост, то я этот рост и спрашивал.

– А разве не ты, Твердислав, принуждал людей брать деньги в рост, чтобы рассчитаться с княжьей казной?

– Не принуждал, а требовал платить по ряду, – зло отозвался князь. – А где они то серебро брали – это не моя забота.

– А людей из собственного дома гнать – это твоя забота? – зло спросил Божибор. – А славянских женщин и детей малых холопить и отдавать в чужие страны – это твоя забота?

– В закупы их брали и по славянской правде, – огрызнулся Твердислав.

– Так закуп не холоп, – возмутился боготур Вузлев. – Закупа род может выкупить не сегодня, так завтра, а из чужой земли нет возврата.

– Я делал это по приказу кагана Битюса. – Твердислав скосил глаза на гана Горазда. – Три сотни хазар висят на моей шее.

– И долю свою за суд ты с хабибу не брал? – со злой усмешкой спросил Драгутин.

– Мне эта доля положена по ряду как городскому судье.

– Выходит, когда о твоей казне идет речь, ты славянскую правду помнишь твердо, а когда о простых людях заходит речь, память у тебя отшибает начисто? – с издевкой полюбопытствовал Божибор. – Сам ешь и пьешь с золотой посуды, а град и веси предал запустению!

Твердислав с ненавистью вперил глаза в Божибора, мокрое от пота лицо его перекошилось от бешенства:

– Ты тоже ешь и пьешь не с глины, Перунов ведун, и в твоих землях не все сыты и пьяны, а есть нищие и убогие.

– За нищих и убогих я буду держать ответ перед Перуном, – холодно сказал Божибор. – Но кровью славянской я не торгую и куны в рост не даю.

После этих слов «белого волка» в горнице наступила тишина, ибо все слова уже были произнесены и все оправдания выслушаны. Взоры присутствующих обратились на золотой кубок, наполненный Перуновым волхвом. Пожалуй, только князь Твердислав не смотрел на этот кубок, а настороженно следил за Драгутином, словно именно от него ждал удара.

– Пусть боги скажут свое слово.

– Виновен, – твердо произнес Велесов волхв, и тут же его приговор повторили два других старца.

– Железом тебя казнить – много чести, князь Твердислав. Вережкой – не хотим бесчестить твой род. Прими смерть из рук волхвов сам, Твердислав сын Володарев, и пусть это вино будет тебе пропуском в страну Вырай.

Мягко рассудил Драгутин. К смерти он приговорил Твердислава, но не к бесчестию, не бросив при этом и тени на его род и семью. Этот приговор одобрили все: и «белые волки», и бояре, и даже боготуры, на которых тоже могла пасть тень в случае бесславной смерти одного из Велесовых ближников.

– Безвинным себя не числю, но и виновным тоже, – сказал князь Твердислав, поднимаясь с лавки. – Не только корысть мною руководила, но и желание мир сохранить на нашей земле. С моей смертью хрупкий мир рухнет – и польется славянская кровь бурным потоком.

– Все мы в этой жизни только гости, – отозвался Драгутин. – Пусть будет так, как пожелали славянские боги. Пей, Твердислав.

Кубок князь взял недрогнувшей рукой, обвел всех надменным взглядом и выпил залпом. Постояв мгновение в смертельном оцепенении, он рухнул могучим дубом на залитый вином пол. Половицы горестно скрипнули, принимая тяжелое тело Твердислава, и на этом закончился путь боготура на грешной земле. И вслед ему никто не сказал доброго слова.

Ган Горазд повернул голову в сторону боярина Драгутина и скривил в усмешке тонкие губы:

– За смерть князя Твердислава взыщется с тебя, даджан. Ты не только князя убил, ты волю кагана порушил.

– Над божьими ближниками каган не властен, – холодно отозвался боярин. – Так было, и так будет.

Ган Горазд драть горло за Битюсов интерес не собирался. Приберет каган власть к рукам в славянских градах – хорошо, а нет – так это его забота. Гану о своем интересе хло-

потать надо, а то в поднявшейся буче можно голову потерять ни за куну. Как раз такой случай мог сегодня выпасть, но божьи ближники не пожелали убийством гана брать на себя вину зачинщиков кровавого усобья.

Глава 6 ГАН ГОРАЗД

Ган Горазд вышел из горницы не прощаясь и направился в ложницу, отведенную ему для отдохновения князем Твердиславом. Одного только не взял в расчет простодушный Твердислав: ложница эта располагалась прямо над его личными покоями. Да найдет душа Твердислава дорогу в Страну Света, а гану Горазду княжий промах, возможно, в последний раз сослужит добрую службу.

Дырку в полу ган просверлил сам и сумел ее замаскировать так, что даже самый придирчивый глаз не заметил бы ничего подозрительного в ложнице. Доверчивым человеком был князь Твердислав, и рос он среди простодушных боготуров, а не в каганском кругу, подобно Горазду. Прежде чем стать ганом трех сотен хазар, Горазд прошел трудную дорогу познания. И если бы не изворотливость, то он так бы и остался простым воином кагановой дружины, несмотря на то что его дед и отец принадлежали к племенной и родовой старшине. Но ныне в кагановом кругу о человеке судят не по заслугам предков. Коли нет за тобой силы, то ты никто, пустое место. А род Горазда растерял свою силу вместе с кровью, пролитой в битвах за славянские земли. И вместе с кровью ушло из некогда могучего рода и богатство. Дед Горазда водил за собой полтысячи родовичей, а сам ган собрал всего триста хазар, из которых половина пришлых.

Приглянулся Горазд гану Митусу, одному из самых могущественных в Хазарии людей. И возлюбил Митус молодого гана не за красивые глаза, а за расторопность и хитрость. С младых ногтей усвоил Горазд одну нехитрую истину: знание чужих тайн – прямой путь к возвышению. А потому и копил он эти знания, доводя до ушей Митуса далеко не все из того, что знал. Тем не менее Митус считал молодого гана верным человеком. Горазд его в этом мнении не разочаровывал, но твердо знал, что собственная выгода важнее Митусовой. И что быть трехсотенным ганом хорошо и почетно, но водить за собой тысячу хазар – еще лучше. А по числу хазар и почет, и место близ кагана.

Стараясь не шуметь, Горазд приподнял край половицы в углу ложницы и вставил в щель клин. Слышимость была отличной. Божьи ближники говорили громко, не боясь чужих настороженных ушей. Горазд, правда, понял далеко не все из того, что услышал. Речь шла о городце какого-то Листяны Колдуна, то ли убитого, то ли умершего. Претендовал на этот городец боготур Торуса, но почему-то не от имени своего бога Велеса, а от имени богини Макоши. Ссылался при этом Торуса на сон и знак в виде оперенной стрелы, присланный от бабьей богини. Стрела была с необычным синим оперением и метила в глаз боярину Драгутину. Но метила только для того, чтобы боготур ее на свой щит поймал. Стрела угодила точно меж двух рогов бычьей головы, изображенной на щите, и проросла на ней как бы третьим рогом. Синий цвет действительно считался цветом бабьей богини, но Горазд знал и другое – стрелы с синим оперением принадлежали хазару Гаюну, который служил при молодом гане глазами Митуса.

Рядили волхвы долго и с пристрастием. И решили, что стрела угодила в Торусов щит не случайно. К силе Скотьего бога богиня Макошь добавила силу свою. Горазд одного не мог взять в толк – что же все-таки приснилось боготуру и какое костяное ложе он должен оберегать? Городец Листяны был разрушен, и Торусе еще предстояло его восстановить. А какой прок ближнику Великого князя Всеволода пропадать ни за куну в глухом и пустынном месте? Может быть, дело здесь не в Макоши, а в Листяне Колдуне? Но это имя ничего Горазду не говорило, хотя одно то, что Листяна был со Страной Забвения связан, наводило на размышления. Разговор в горнице стих, кажется, божьи ближники его покинули, и Горазд

прилегал в задумчивости на ложе. Ему почудилось, что разговор ведунов содержал в себе сведения важные, но пока недоступные его разумению.

Глупцом Горазд никогда не был, но в непростой ситуации, складывающейся ныне на землях каганата, для того чтобы уцелеть и возвыситься, одного ума было мало. Сила нужна. А за кем ныне сила, как не за каганом Битюсом? Правда, попользоваться от этой силы охотников нашлось немало. Могущественнейшие ганы, вожди богатых и многочисленных родов, сбиваются вокруг Битюса в стаю. Пробиться сквозь эту стену из закованных в броню тел за кагановой милостью Горазду вряд ли удастся. Битюс, похоже, всерьез решил потягаться с божьими ближниками за власть над городами и весями Руси, а новый бог и хабибу были для него в этой борьбе хорошим подспорьем. Надо сказать, что хабибу дело свое сделали, изрядно пощипав городских князей и божьих ближников, которые прежде держали торговлю в своих руках. В золоте и серебре была их истинная сила, а божья правда была лишь приложением к ней. Ныне золото уплывало из славянских городов в руки расторопных хабибу и немалой частью оседало в кагановой казне. Говорят, золото не пахнет, но так считают люди несведущие, во всяком случае, запах золота учуяли многие, потому и качнулись к кагану Битюсу даже те ганы, которые прежде не спешили с поклонами. С каждым днем росла сила кагана, с каждой новой гривной, которую тащили в его казну расторопные хабибу. Себя хабибу тоже не обижали. Рассказывали, что почтенный Моше, главный в этом деле советник кагана, стал богаче самых могущественных ганов. Вот она, сила! Золото ныне правит миром.

– Божьи ближники из города выехали, – просунулась в дверь лохматая голова Сороки.

Сорока служил князю Твердиславу из преданности, а гану Горазду за деньги, и жадность в нем всегда брала верх над долгом. Но ныне уже некому спрашивать с Сороки за измену. Жалко князя, человеком он был разумным и гостеприимным.

– Без крови ушли?

– Да разве ж станет городская стража связываться с божьими воинами! – покачал остроносой, маленькой головой Сорока. – Твои хазары тоже без указки не сунулись.

Не сунулись – и правильно сделали, хотя каган, конечно, может спросить с Горазда за утерянную жизнь Твердислава. На что ган ему ответит: ставлен он был стеречь город Берестень, а не князя. Город за собой Горазд сохранил. И пока в кагановой ставке хватятся, быть молодому гану здесь верховником. Оспаривать его права просто некому. Божьи ближники вряд ли рискнут прислать на место убитого Твердислава нового князя. А если пришлют, то Горазд его в город не пустит именем кагана Битюса. Ломить же силой сквозь стены божьи ближники не решатся. Это будет означать войну с каганом, для которого разбой ведунов в Берестене станет отличным поводом для расправы над ними. Надо полагать, Великий князь Всеволод еще не выжил из ума, чтобы бросаться в открытую на хазарские мечи.

– Ты про Листяну Колдуна ничего не слышал? – повернулся Горазд к Сороке.

Приказный недолго морщил лоб, потом развел руками:

– Так ведь это давно было, лет, наверное, пятьдесят назад. Самым богатым человеком в округе был тот Листяна. Рассказывали, будто он никому дани не платил, даже хазарским ганам, которые его городец стороной объезжали.

– Врешь ты все, бес лохматый, – отмахнулся Горазд. – Быть того не может, чтобы хазарские ганы спустили обиду божьему ближнику.

– Не был Листяна божьим ближником, – возразил Сорока. – Он с рождения с нечистыми был связан. Мать его с Шатуном нагуляла. С ближних и дальних городов и весей брал он дань в пользу темных сил, ну и себя не забывал, конечно.

– И платили градские?

– А куда деваться, коли даже Велесовы и Перуновы ближники с ним справиться не могли. Слово он знал, говорят, и тем Словом мог наслать мор не только на скот, но и на людей. Сам бог Перун вмешался и покарал его, но вот только до смерти ли?

– Это в каком смысле? – Горазд от удивления даже приподнялся на локте.

– С дальних выселок вчера приехал смерд, который рассказал, будто на Поганом болоте объявился Шатун. Конечно, это может быть совсем другой Шатун, без всякого касательства к Листяне, но объявляется в том сельце оборотень уже во второй раз. Первый раз он приходил двадцать лет тому назад. Отрок, рожденный от Шатуна, проживал в том сельце, а ныне исчез – ушел по отцовскому следу и не вернулся.

– Как зовут того смерда?

– Туча, – закивал остроносой головой Сорока. – Вчера я с ним на постоялом дворе столкнулся. От всего сельца снарядили его в Берестень с обозом на продажу. Серебро нужно смердам, чтобы рассчитаться с ганом Митусом.

– Да погоди ты с Митусом! – раздраженно махнул рукой Горазд. – С чего ты решил, что Шатун с выселок может быть Листяной?

Сорока закрутил острым носом. По всему было видно, что тайной своей он дорожит и за просто так расставаться с ней не хочет. Плутватые его глазки масляно щурились на гана.

– Гривна серебром, но не более, – пообещал Горазд.

– Краем уха слышал, как боготуры между собой разговаривали о городце Листяны Колдуна. Чтобы такое совпадение – и спроста, ни за что не поверю.

О разговоре божьих ближников Горазд знал больше Сороки, но гривны серебром не пожалел. Богатую пищу для размышлений дал ему расторопный служка.

– Смерд уехал из города?

– Вчера еще не расторговался. Наверняка ночует на постоялом дворе. Может, позвать? Смерд степенный, разумный, попусту и абы что болтать не будет.

– Зови с рассветом, – кивнул головой ган.

– Так рассвело уже, на торгу зашевелились.

Занятый своими мыслями, Горазд начисто забыл о ганских обязанностях, чего делать в любом случае не следовало. Пришлось подниматься и идти во двор, считать убитых и раненных божьими воинами.

Зимний день разгорался без большой охоты, словно Даджбогу лень было сегодня справлять свою службу вот и катил он на своей колеснице по небу ни шатко ни валко, скрываясь большей частью за темной завесой.

– Смурно, – вздохнул Сорока, взглянув на небо, – а пора бы уже зиме кланяться весне.

– Смурно, да не морозно, – бросил Горазд. – Будет тебе весна, дай срок.

Из хазар в короткой стычке пал только Гаюн, а все остальные из тех, что находились в детинце, поспешили сложить оружие. Из Твердиславовых гридей тоже мало кто пострадал, а посеченных до смерти и вовсе не было. «Белые волки», первыми ворвавшиеся во двор, не столько рубили, сколько глушили растерявшихся мечников. У страха, как известно, глаза велики, а про Перуновых «волков» ходило много слухов. «Волк» – даже мертвый обязательно достанет своего обидчика, если не на земле, то в стране Вырай наверняка.

Взыскивать ни с хазар, ни с гридей ган Горазд не стал, прогнал он из детинца лишь мечника Садка, открывшего по глупости среди ночи ворота. Садко попытался оправдаться, но не встретил понимания ни у гана, ни у своих товарищей, которые собственный срам поспешили переложить на чужие плечи. Садко был одним из немногих, которые нападавших встретили грудь в грудь.

– Не по правде судишь, ган Горазд, – глухо сказал мечник. – Ошибиться может каждый, а я Твердиславу служил верно, и моей вины в его смерти нет.

Ган и мечник стояли друг против друга посреди двора детинца в окружении хазар и гридей. Горазд в кожухе, но без брони, с копной темно-русых волос вместо шапки, а Садко с обвязанной испятнанным кровью полотном головой.

– Глупость иной раз бывает хуже предательства, – надменно процедил сквозь зубы Горазд. – А за твою ошибку князь Твердислав жизнью заплатил.

– Смерть князя свершилась не по моей вине, а по воле славянских богов, которые спрос с него учинили за измену правде. За то, что не славянским рядом судил, а Битюсовой волей.

Горазд хотел было ударить мечника, вздумавшего бесчестить кагана и князя, но передумал и только выдохнул со злобой:

– Пошел прочь, пес шелудивый.

Садко на оскорбление пыхнул гневом, но рука, потянувшаяся было к мечу, бессильно упала вдоль тела.

– Ладно, Горазд, коли силы ко мне вернутся, то виру я с тебя возьму полной мерой по правде славянской, а не Битюсовой.

Ган в ответ на эту угрозу скривил в усмешке губы. Спроса он не боялся, а мечнику Садко не устоять грудь в грудь против хазарского гана.

– Прятаться не буду. Заживет рана, приходи. Хоть и не ровня ты мне, но от уплаты не уклонюсь.

Хазары слова гана одобрили смешком, гриди хмыкали в усы. И те, и другие слова обиженного мечника посчитали пустыми. Ган Горазд отличался редкостной силой и умением обращаться с секирой и мечом. Садко явно пожиже гана будет. Но то, что Горазд, оскорбив мечника, от его вызова не уклонился, многим понравилось.

Дружина Твердислава насчитывала полторы сотни мечников. Уходить гридам было некуда, многие доводились Твердиславу родовичами, и корни их глубоко вросли в город Берестень. У погибшего князя дети были, но сыновья только от младшей жены, и старшему из них едва минуло шесть лет. Такого несмышлениша не посадишь на городской стол. После смерти Твердислава право на стол¹⁵ должно было к его брату отойти.

Но боготур Рогволд был не в ладах со всеми – и с Твердиславом, и с Великим князем Всеволодом, и с каганом Битюсом, и даже с Велесовыми волхвами, которые грозили лишить его боготурского звания за буйный и неуступчивый нрав. Рогволд братовых мечников терпеть не мог, а потому не стал бы брать в свою дружину.

Ган Горазд позвал ближних к Твердиславу гридей для совета. Мечники откликнулись с охотой, однако тревога не спала с их лиц. Лишиться князя – не шутка, тем более что заменить его некем. А иная замена может многим выйти боком. Первым делом разговор о тризне зашел. Князя похоронить – это вам не холопа спихнуть в яму. Но о тризне споров как раз не было, этот обряд известен в подробностях, и почести ушедшему будут оказаны в соответствии с его высоким званием. Об оставшихся печали было больше.

– Князь Всеволод не пустит Рогволда на берестянский стол, – осторожно заметил Синяга, самый старший годами из Твердиславовых мечников, но надежды в его голосе было больше, чем уверенности.

Сидевший ошуюю Синяги мечник Глузд почесал заросший жестким волосом затылок:

– Может, и не пустит, но коли Всеволод нам пришлет своего брата Богдана, то в этом радости тоже будет мало. Богдан – муж тупоголовый, разные хитроумные людишки начнут им вертеть к своей выгоде – сплошной будет разор Берестеню.

– Богдана не пришлют, – покачал головой Брех, закадычный дружок Глузда. – Всеволод не доверяет своим братьям – ни старшему, ни младшему. Скорее всего, Великий князь пришлет в Берестень наместника при своем малолетнем сыне в качестве князя. Всеволоду мы чужие, веры у него к нам нет, ибо смерть князя Твердислава вершилась с его согласия.

Мечники, ведя меж собой степенный разговор, косились при этом на гана Горазда, который, однако, не спешил высказывать свое мнение. Дело его вроде бы совсем не касалось,

¹⁵ Стол – престол.

ибо прав на княжий стол у него не было никаких. Иное дело, ежели каган Битюс, идя против славянской правды, захочет навязать Берестеню свою волю. Но в этом случае мнение гридей никто спрашивать не будет и дружинников Твердислава просто выгонят из города. А такое вполне может случиться – это понимают Брех, Глузд и Синяга. Но в этом случае раздоров в городе не избежать. Городское вече может воспротивиться воле кагана. Божьи ближники в стороне не останутся и начнут зудить народ. Берестень окажется в самом центре кровавых усобиц. Всю округу разорят, роды, издревле здесь живущие, по миру пустят. И будет берестянам в чужом пиру похмелье.

– Малого Будимира разве что выкликнуть на вече? – осторожно предложил Брех.

– Какой из него князь! – пожал плечами Глузд. – Только-только вылез из зыбки.

– От имени Будимира мог бы судить и править зрелый человек, которому бы присягнула дружина князя, – вставил свое слово Синяга.

– И где ты возьмешь такого человека? – удивился туго соображавший Глузд.

– А что его искать, если он от тебя одесную¹⁶ сидит, – усмехнулся Брех. – И каган останется доволен, и божьим ближникам нечего будет возразить – не Горазд ведь у нас княжит, а Будимир.

Горазду понравилось хитроумие Бреха. Без ругани на вече, конечно, не обойдется, но такой расклад много лучше того, когда молодой ган будет опираться только на своих хазар. Город Берестень хоть и невелик, но богат, и охотники властвовать здесь – что по воле славянских богов, что по прихоти кагана – всегда найдутся. Чего доброго эти охотники стопчут Горазда, коли он вздумает тягаться с ними, полагаясь только на свою силу.

– А еще лучше будет, если ган Горазд возьмет в жены одну из дочерей Твердислава, – сказал Синяга. – Тогда он князя Будимира будет опекать по праву родства.

– Был у нас разговор об этом с князем, но его безвременная смерть помешала завершиться сватовству, – вздохнул Горазд.

– Тогда и говорить больше нечего, – обрадовался Брех. – Лучшего князя, чем малой Будимир, я для дружины не вижу. А до поры его будет опекать ган Горазд, муж сильный и разумный. Так народу и скажем.

Гриди ушли, довольные собственным приговором, а ган Горазд остался сидеть за длинным столом в задумчивости. Дружина Твердислава его поддержит, в этом сомнений у гана не было. С городским вече он тоже поладит, но править спокойно ему, конечно, не дадут. С другой стороны, спокойной власти не бывает, и если боишься раздоров, то лучше с печи не слезать. Чтобы возвыситься и преуспеть в жизни, нужно без страха хватать любой кусок, который оказывается в поле зрения. А что касается врагов, то они всегда будут у сильного человека. Врагов бояться не надо, их следует бить, ибо сила поверженного врага достается победителю.

– Привел я смерда, ган, – сунул нос в приоткрытую дверь отрока, – того самого, с дальних выселок.

– Зови, – кивнул головой Горазд и допил из серебряного кубка остатки меда.

Смерд держался степенно. Снял бережно шапку с седеющей головы и с достоинством поклонился четырем углам. Вслед за смердом в гридню вошел отрок лет восемнадцати, с умным лицом и серыми насмешливыми глазами. Отрок Горазду поглянулся – и ростом удался, и статью. Такому молодцу жизнь в медвежьем углу наверняка кажется скучной.

– Здравия тебе, ган, – пробасил степенный, – и процветания семье твоей и роду.

– И тебе здравия, человек, – любезно отозвался Горазд, – и чтобы под твоим кровом всегда был достаток.

¹⁶ Одесную – по правую руку.

Ободренный ласковым приемом, смерд принял здравный кубок без смущения и осушил его до дна. Отрок, как и положено младшему, стоял в трех шагах позади спутника и на здравный кубок не претендовал.

– Твой сын? – спросил Горазд.

– Односелец, – поправил смерд. – Данборова семени. А пропавшему отроку он доводится братаном.

– Тебя как зовут, человек?

– Тучей зови, ган, а отрока – Осташем.

– Шатуна видел своими глазами?

– Двадцать лет назад видел, – почему-то понизил голос до шепота Туча. – Издали, правда, и в спину.

– Буйствовал Шатун в округе?

– Нет, в этот раз смирен был. Мы решили меж собой, что приходил он за сыном. А зачем ему понадобился отрок, не знаю.

– Искар, может, ушел к хазарам, – вмешался в разговор молчавший до сих пор Осташ. – Давно он к ним собирался.

Туча в сторону отрока только рукой махнул – что, дескать, с неразумного взять, но ган заинтересовался словами Осташа:

– А почему не в дружину княжью или боготурскую?

– Так ведь мы из простой семьи, – улыбнулся Осташ. – Никто из наших предков не служил князьям. А в каганову дружину, говорят, берут всякого, была бы сила в руках да умение.

– И ты тоже собрался в хазары?

– Собрался. Нас у отца шестеро, да дядья с чадами, а земли не хватает, чтобы прокормить всех. Вот мы и решили с Искарком поискать свою долю на стороне.

– Мечом владеешь?

– Обучен, – подтвердил Осташ. – Туча не даст соврать. Под нашим кровом хорошие бойцы никогда не переводились.

– Сдюжит на рати, – охотно подтвердил Туча. – Я его с собой взял, чтобы в случае нужды отбиться от разбойников.

– А что, шалят в округе?

– Был слух на торгу, что у Макошина городца потрепали обоз.

– Пойдешь ко мне служить? – спросил ган у Осташа.

– Пойду, – решительно кивнул тот головой.

У Горазда на Осташа был свой расчет. Не выходила у него из головы мысль о Листянином городце и Шатуне. Выйти на Шатуна можно только через его сына, которого Осташ знает очень хорошо. Кто знает, не выведет ли эта ниточка гана на тайные схроны колдуна.

– Храни тебя Стрибог на обратном пути, селянин. – Горазд одарил Тучу прощальным кубком. – А Данбору скажи, что ган взял его сына в свою дружину и шлет семье за выраженного отрока пять гривен.

Туча от зависти даже прищелкнул языком. Вот ведь привалило счастье Данбору. Сам Туча, будь он ганом, не дал бы за Осташа и двух гривен отступного.

– Так ведь без коня отрок, – прокашлялся Туча. – Коня с возом я обещал Данбору вернуть в целости.

– Сказано пять, – значит, пять, – спокойно отозвался ган, ссыпая серебро в кубок. – А посудину возьмешь себе, за труды. Коня хазару Осташу дам я, это уже не твоя забота.

Щедр ган Горазд, щедрее человека Туча еще не встречал. Шутка сказать – кубок подарил, цена которому не меньше гривны. А трудов для Тучи всего ничего – почесал языком о Шатуне да пристроил отрока к хорошему делу.

– Да хранят тебя славянские боги и твои шуры, ган Горазд, – склонил голову на прощанье Туча. – А Осташа я тебе пришлю к вечеру, как только завершим торг.

Ган Горазд прожитым днем остался доволен. Разве что смерть Твердислава слегка омрачала его душу. Открыв гану широкое поле для маневра, эта смерть явилась еще и предостережением, как легко можно заиграться в кипящем страстями мире и лишиться жизни раньше, чем сбудутся надежды. Но Горазд знал, что опасность его не остановит. Вышедший на охоту за властью и золотом ган не дрогнет перед жутковатым ликом неизвестности, именуемой смертью. Жар-птица удачи попадает в руки тому, кто страстно желает ее поймать. Горазд желал, и в этом своем желании он готов был преодолеть любые препятствия, которые жизнь воздвигнет на его пути.

Глава 7 МАКОШИНА ОБИТЕЛЬ

Окруженный заботами Макошиных ближниц, Искар поправлялся быстро и уже через месяц мог передвигаться на своих двоих по двору построенного из вековых деревьев городца. Другое дело, что в этих передвижениях он не был свободен от неусыпного догляда, которым сопровождался каждый его шаг. Искар не пытался проникнуть в тайны бабьей обители и переступить запретные пороги, отлично сознавая, что чем меньше он узнает за этими стенами, тем легче будет их покинуть.

Ляну за эти дни он просто-напросто возненавидел. Зеленоглазая ведунья была самой строгой из его сторожей, и если и покидала Искара, то только на короткое время. Кроме Ляны, за Искарком присматривали еще две молодые ведуньи. В отличие от Ляны, которая болтала без умолку, эти две были молчуньи, и за время своего плена Искар услышал от них разве что десяток слов. Зато зеленоглазая без конца страшила отрока карами Макоши, если он вздумает покушаться на ее ведуний.

Следили за Искарком и старые приживалки, зыряка в его сторону строгими глазами из-под темных платков. Этим черным ворон он слегка побаивался и старался держаться от них подальше. Большею частью Искар просто посиживал на весеннем солнцепеке, шурясь на Даджбогов лик, который с каждым днем становился все лучезарнее. Снег со двора городца стоял, но что делается в окрестностях, отрок не знал по той простой причине, что в его присутствии городец ни разу не открывал свой зев. Искар сбежал бы отсюда не задумываясь, но пока не чувствовал в себе достаточно сил, да и случай не представился.

Единственной его отрадой в заточении стали долгие разговоры с поправявшимся Щеком, которому рана, однако, еще не позволяла подняться с ложа, но зато язык у него был в полном порядке, а сказок и бывальщин он знал столько, что послушать его приходили и Ляна, и молчаливые ведуньи. Искар тоже не оставался перед Щеком в долгу и с удовольствием пересказывал ему то, что сам узнал от кузнеца Серка за долгие вечера, проведенные под гостеприимным кровом. Щек никогда не бывал в кагановом стольном граде и пересказы Искара слушал с удовольствием. Зато Ляна презрительно кривила губы, а то и посмеивалась над Искарком, чем приводила того в тихую ярость.

Оставшись как-то с Щеком наедине, без догляда ведуний, Искар попробовал было завести с ним осторожный разговор о порядках, царящих в Макошином городце, но Щек отрицательно покачал головой и подмигнул левым глазом разоткровенничавшемуся отроку. Искар внял знакам предостережения и более не заводил подобных речей в ложнице.

О полуразваленном городце Листяны Колдуна Щек упомянул сегодня мимоходом, просто сказал, что был там недавно с боготуром Вузлевым, но тут же прикусил язык, встретившись глазами с Ляной. Искар не заметил, какой знак подавала ведунья раненому, но тот почему-то смутился и перевел разговор на другое.

– Спать, – распорядилась Ляна, поднимаясь с лавки. – Время уже позднее.

Искар посмотрел на нее с неудовольствием, но спорить не стал, да и Щек, похоже, утомился от разговоров. Годами он был вдвое старше Искара, и рана его заживала медленнее. Простившись с собратом по заточению, отрок нехотя побрел в свою ложницу по узким переходам опостылевшего терема. Зеленоглазая шла следом, чуть ли не наступая ему на пятки, словно боялась потерять в подступающем полумраке.

– Что ты ходишь за мной как привязанная?! – не выдержал Искар этой пытки доглядом.

– Не своей волей хожу, – разозлилась Ляна. – Ты благодарить меня должен за то, что выхаживала тебя как младенца.

С этим спорить было трудно, хотя Искар предпочел бы, чтобы его раной занимался кто-то другой. Рана почти зарубцевалась, и отрок надеялся, что скоро прекратятся и раздражающие его осмотры.

– Еще две седмицы – и будешь здоров, как бык.

– Уйду к хазарам, – сказал Искар. – Надоели вы мне все.

– И думать забудь! – сверкнула глазами в его сторону Ляна. – Завтра с тобой будет говорить Макошина кудесница.

Известие о встрече с кудесницей Искара, с одной стороны, встревожило, с другой – почти обрадовало. Возможно, ему удастся наконец узнать, какие виды на него имеют Макошины ближницы и зачем Шатуну понадобилось срывать Искара с места и тащить неведомо куда. Если верить зеленоглазой, то только Макошь могла помочь матери Искара вырваться из Страны Забвения, а значит, ссориться с богиней и ее кудесницей ему не следует. Надо выслушать кудесницу со вниманием, и если ноша, возложенная Макошью, окажется Искарю по плечу, он свой долг выполнит, – в надежде, что и богиня не забудет о Милице.

Заснул Искар не сразу, мучимый сомнениями, но спал без сновидений и проснулся сразу, как только рука зеленоглазой ведуньи коснулась его плеча. Судя по солнечным зайчикам, скачущим по ложнице, утро уже наступило. Ляна поторапливала неспешно одевающегося Искара и бросала на него такие взгляды, словно в городце начался пожар и от расторопности отрока зависело, сгореть им в огне или выскочить наружу невредимыми.

– Ох, увалень! – приговаривала ведунья. – Не будет с тебя никакого толку.

– Не будет – и не надо, – отозвался Искар. – Мне твоего толку не надо, своим умом проживу.

– С умом у тебя, однако, небогато. А вот гонору с избытком.

Искара слегка тревожила неизвестность, в которую его с таким напором тянула ведунья. Шел он по темным переходам, твердо ставя ноги, но уверенности в душе не было. Выросшему в сельце под простым кровом Искарю прежде не доводилось бывать в столь роскошных теремах. Был он раза два в Берестене на гостином дворе, в торговых рядах бывал, на детинец любовался, один раз даже наведаясь к городскому купчине в гости. Но все равно виденное прежде Искарю за недолгую пока его жизнь не шло ни в какое сравнение с тем, что он разглядывал сейчас. Стены переходов были испещрены знаками. Среди знаков попадались и лики, про которые не сразу скажешь, человечьи они или нет. А по сторонам стояли вырезанные из дерева фигуры, про которые Искар мог сказать точно – не человечьи. Хотя и животными он этих существ не назвал бы. Кем считать существо с телом человека и птичьей головой? Обратнем разве что. Иные прочие тоже были не лучше, самым причудливым образом соединяя человеческие и звериные черты. Искара так и подмывало спросить у ведуньи, что же это за существа и почему они выставлены в Макошиных покоях, но он не рискнул потревожить тишину, нарушаемую лишь тихим поскрипыванием кожанцов.

– Пришли. – Ляна толкнула рукой изукрашенную причудливыми резными узорами дверь.

В комнате пахло чем-то дурманящим, но приятным, а заполнивший помещение дым щекотал ноздри. Искар едва не чихнул, но удержался под строгим взглядом ведуньиных глаз. Глаза были не зеленые, а карие, и смотрели они на пришельца с интересом. А куда исчезла Ляна, Искар заметить не успел.

Кареглазая ведунья жестом указала ему на лавку:

– Садись.

От дурманящего запаха у Искара закружилась голова, и он с удовольствием опустился на лавку, не дожидаясь повторного приглашения. Дым, клубами наполнявший комнату, мешал ему видеть кареглазую ведунью, но, присмотревшись, он решил, что она хоть и старше Ляны, но еще молода и ликом приятна.

– А где кудесница? – спросил Искар, которому надоело играть в молчанку.

– Зови меня Всемилой, – спокойно отозвалась ведунья. – Я к богине самая ближняя.

Искар удивился, но вслух удивления не высказал. Женщина по виду была самая обычная, и непонятно было, чем же она так приглянулась Макоши.

Всемила встала и подошла ближе к Искар. Теперь дым не мешал ему видеть ее целиком без изъятия. Но вблизи она казалась еще более обычной, чем издали. Роста студесница была невысокого, но дородна. Одета не лучше, чем иные простолюдинки, разве что головной убор вызывал удивление. Но рассмотреть его Искар не успел, поскольку Всемила убор сняла, оставшись простоволосой. А волос у нее был темно-русый, такой же, как у Искара.

– Зачем столько дыма? – спросил Искар, у которого кружилась голова и першило в горле.

– Защита от нечистых и зловредных, которые могли бы нам помешать. Нечистых этот дым отпугивает, а добрых людей сближает с богами.

– У богов свои заботы, – осторожно возразил Искар. – Зачем мне с ними общаться, я человек простой.

– Нет, не простого ты рода, Искар, и сам это знаешь.

– Ничего я не знаю, – нахмурился отрок, – и от рождения кланяюсь славянским богам.

– Тем лучше, – кивнула головой Всемила. – Макошь и мать, и сестра, и жена всех богов, а потому их печальники ей не чужие.

Искар в родстве богов не разобрался даже после слов кудесницы, но переспрашивать не стал. Макоши виднее, как и с кем считать родство.

– А что Макоши от меня нужно?

– Веры, – твердо сказала Всемила. – Ибо без твоей веры она ничем не сможет помочь ни тебе, ни матери твоей Милице.

– Я богине верю. Только пока не знаю, что она от меня хочет.

– Нет, – покачала головой кудесница, – не веришь ты богине, Искар, иначе не спрашивал бы без конца, что и зачем.

– А как же я тогда узнаю волю богини?

– Макошь выведет тебя к цели руками своих ведуний.

– А что потом?

– Потом будет то, что пожелает богиня, – насупила брови Всемила. – Твои сомнения оскорбляют и Макошь, и меня, ее кудесницу.

– Я не сомневаюсь ни в тебе, ни в твоей богине. Тем более что ничего определенного мне никто пока не сказал.

– Взгляни мне в глаза, – потребовала кудесница.

Искар взглянул и ужаснулся глубине зениц, распахнувшихся ему навстречу бездонными колодцами. Женщина была явно не простая, несмотря на свой незамысловатый наряд. Отрок почувствовал силу ее глаз на себе и не успел от этой силы спрятаться.

– Иди за мной, – сказала кудесница, беря его за руку.

Искар спорить не стал, просто шагнул следом в неизвестность. Пол ушел из-под его ног, что не вызвало в нем ни страха, ни удивления. Ибо в том мире, куда повела его кудесница, все было не так, как в мире нашем. Искар не шел, не сидел и не стоял, он просто существовал. Он четко увидел медвежье капище. Драгутина он тоже видел, но за боярином угадывался еще кто-то. Из медвежьей личины все время проступало два лика, сменяя друг друга. Второй человеческий лик не был известен Искар. А среди других мелькавших лиц он опознал только Ляну и кудесницу Всемилу. Потом все исчезло, и остались только черные колодцы зениц Макошиной ведуньи.

– Кого ты видел? – спросила Всемила.

– Драгутина, – неохотно отозвался еще не пришедший в себя Искар. – И еще один там был. Тоже Шатун, но годами много старше. Ляну я еще видел и тебя.

От всего увиденного и пережитого Искар смертельно устал. Шагая вслед за Ляной, он засыпал на ходу, и ведунье приходилось время от времени его встряхивать за плечо. От этих встряхиваний у Искара разболелась рана в боку, и когда он наконец добрался до ложа, то уснуть не смог, а просто лежал в изнеможении, глядя в потолок невидящими глазами.

Мыслей в Искаровой голове не было, зато без конца крутились лики и личины, которые он увидел в зеницах Макошиной кудесницы. Мельтешение этих личин отрока раздражало, и он тихо ругался в пространство в расчете на чуткие Лянины уши.

Зеленоглазая его услышала и тут же принялась укорять за небрежение к бабьей богине и пугать его карами. Голос ведуньи вернул Искара к действительности. Он скосил глаза в сторону сердитой Ляны и сказал насмешливо:

– А тебе связь с нечистыми не пройдет даром.

– Молчи! – Рассерженная ведунья зажала ему рот маленькой ладонью. – Будешь болтать, я тебя ударю.

Искар взял ее ладонь в свои руки:

– Про нечистых я сказал, чтобы ты начеку была. Кроме Драгутина, есть еще и другой Шатун, который тобой интересуется.

Ляна перестала ругаться и призадумалась. Сидела она на Искарском ложе, но мысли ее, как он понял, были очень далеко. Наверняка она что-то знала о втором Шатуне, но делиться своими знаниями с Искарком не торопилась. Похоже, что и она, и кудесница Всемила, и Драгутин держали Искара за несмышленища, которого нужно за руку водить по нехоженным тропам. Кабы не мать Милица, то сбежал бы Искар из Макошина городца куда подальше. Но теперь он точно знал, что путь его матери в Страну Забвения начинался из медвежьего капища и, чтобы спасти ее, нужно найти второго Шатуна и избыть его заклятие. И еще кое-какие мысли на этот счет у Искара появились. Припомнилось ему сейчас, как рассердилась Ляна на Щека за одно только упоминание имени Листяны Колдуна.

– Второго Шатуна не иначе как Листяной зовут, – сказал Искар наобум и по тому, как дрогнули в его руке пальцы Ляны, понял, что попал в цель.

Радоваться своему открытию он, однако, не спешил. Знать имя Шатуна мало, как мало знать и его истинное лицо. Ибо это свое лицо Шатун под чужими личинами прячет – поди разберись!

– Листяна давно умер, – сказала Ляна. – А его городец был разрушен ближниками Перуна. Листяну Колдуна Ударяющий бог покарал за то, что он Слово, данное высшими силами для добрых дел, хотел обернуть к своей пользе.

– А где сейчас это Слово?

– Никто не знает, – покачала головой Ляна. – На схрон, где оно укрыто, Листяна наложил заклятие. Всякий, кто с нечистыми помыслами подойдет к тому схрону, рабом духа Листяны станет и по его указке будет жить.

– А почему волхвы и кудесники славянских богов не могут справиться с заклятием Шатуна?

– Дело не в Листяне, а в тех силах, что стоят за ним и норовят управлять миром наравне с богами. Сила богов и сила нечистых духов выражается через человеческие поступки и людскими деяниями растет. Коли благих деяний больше, то сила богов растет, а коли больше злых деяний, то увеличивается влияние нечистых в наших землях.

Искара огорчили слова Макошиной ведуньи. Он предпочел бы, чтобы славянские боги сами боролись с нечистыми духами, а не надеялись на людскую поддержку. Что же касается Искара, то множить зло он, конечно, не собирался, но и сил особых, чтобы со злыми духами воевать, в себе не чувствовал.

– Со злыми духами боги справятся и без тебя, – рассердилась Ляна. – А ты должен бороться с людьми, которые с дурными помыслами захотят подобраться к схрону Листяны.

– Откуда же мне знать, дурные у них помыслы или благородные? – возмутился Искар.

– Боги тебе помогут, – не очень уверенно сказала Ляна. – Но и нечистые духи будут тебя соблазнять, Искар. Не говоря уже о плохих людях.

– Это с какой же стати? Я что, медом намазанный, чтобы ко мне все липли?

– Ты в медвежьем капище провел два дня. И зачат ты был там же. Мысли Листяны Колдуна на тебя снизошли, а значит, проникнуть в схрон можешь только ты один.

Искар не обнаружил в своей голове чужих мыслей. А про Листяну и его схрон он узнал от той же Ляны. Путаает что-то зеленоглазая ведунья, тем более что не два дня провел в капище отрок, а только один.

– Ничего я не путаю, – возразила Ляна. – Зря, что ли, я тебя взваром поила? Свои мысли ты должен был потерять за это время, а чужими проникнуться.

Искар на зеленоглазую страшно рассердился – колдунья еще почище того Листяны! И ведь не хотел же он пить тот взвар, но доверился свинине, которая, по слухам, отбивает любое колдовство.

– А может, у меня с твоего колдовского варева загнила душа! – взъярился Искар. – И ей теперь не найти дороги в Страну Света!

– Значит, вместе плутать будем, ибо я тот взвар тоже пила, и душа моя в том капище соединилась с твоей. Если твоя душа уйдет в Страну Забвения, то и мою душу боги не пустят в Страну Света. И Драгутинова душа будет погублена навеки, не говоря уже о душе твоей матери. И много других душ последуют за нами. А в Радимичских землях воцарятся хлад и мор.

Искара потрясли пророчества ведуньи. Какую чудовищную ношу взвалили эти люди на его плечи. А ведь Искар еще юн годами и духом слаб. Как же можно так неосторожно ставить в зависимость от одного человека благополучие всей Радимичской земли? Про себя отрок решил, что втравили его в безнадежное дело. И чем все закончится, не знают ни ближники, ни сами боги.

Глава 8 ПОБЕГ

После встречи с кудесницей Всемилой силы в Искаре стали прибывать не по дням, а по часам. Просто бродить по двору ему было скучно, но попытка взобраться на сторожевую вежу и оглядеться окрест закончилась неудачей. Облаченные в бронь женщины погрозили ему сверху наконечниками длинных копий. Связываться с Макошиными стражницами Искар не стал, но обиду затаил. Не гостем он был в этом городце, а пленником. С гостями так себя не ведут. Но если Макошины ведуньи думают, что Искар смирился со своей участью, то они здорово ошибаются. Искар теперь знает, что надо делать, во всяком случае догадывается. Надо найти схрон Листяны, снять наложенное колдуном заклятие и передать Слово волхвам. Вот тогда душа его матери Милицы обретет свободу и отыщет дорогу в Страну Света. Ибо ту душу удерживает в Стране Забвения заклятие Шатуна. Искар был зол на божьих ближников – именно их стараниями попала в страшное место душа его матери. Драгутин, скорее всего, знал, что так будет, но сознательно жертвовал и Милицей, и не рожденным еще Искарком, чтобы добраться до Слова и получить в руки силу, которой не обладает никто. Такие они, ближники славянских богов, – жизнь простых людей не имеет для них значения, отмахнулись и пошли дальше. Может, и не прав был Искар в своей обиде на божьих ближников, может, и воздастся ему за это, но отныне он будет жить своим умом, не слушая советов. Щек окреп уже настолько, что сумел, опираясь на Искарково плечо, выбраться во двор городца, чтобы погреть свои кости под ласковыми весенними лучами. Искар усадил его на обрубок дерева, а сам примостился рядом.

– Хорош городец, – прицокнул языком Щек, разглядывая толстые бревна. – Такой тын не всяким тараном прошибешь.

– Лучше, чем у Листяны Колдуна?

– Листянин городец разрушили божьи ближники. Крепко он был ставлен, но нашлась и на него сила.

– А ты при боготуре в холопах живешь?

– Я вольным родился, Искар. Но задолжал хабибу, которые ныне на торгу как в своем доме распоряжаются. Взял пять гривен, а отдавать пришлось пятнадцать. Дом продал, скот продал, но нужной суммы все равно не собрал, вот и подался в бега. А долг мой все растет и растет и теперь уже перевалил, наверное, за тридцать гривен.

– Тридцать гривен – это много, – покачал головой Искар. – Жизни тебе не хватит, чтобы расплатиться. Разве что подвернется под руку зарытый кем-то клад.

– Если подвернется, то в руки не дастся, – усмехнулся Щек.

– Говорят, что Листяна Колдун спрятал от завидующих глаз много золота и серебра.

– Так на то он и колдун, чтобы не оставить схрон без заклятия, – возразил Щек. – Листяна был сыном Шатуна, его боялась вся округа.

– Я тоже от Шатуна рожден, – хмуро бросил Искар, – и в Данборовой семье оставлен матерью.

И без того бледный Щек побледнел еще больше и даже попытался вскочить с места. Иного отношения к сыну оборотня Искар от него не ждал, а потому и не обиделся.

– Чего ты боишься, если все потерял в этом мире! А со мной, глядишь, до схрона Листяны доберешься.

– А заклятие? – напомнил Щек.

– Я в том же капище был зачат, что и он. Заклятие Листяны мне по силам.

Щек с ответом не спешил, что Искар не удивляло. Связаться с Шатуном означает приблизиться к нечистым духам и рисковать душой. Искар бы на его месте тоже думал долго.

– Добро, – с усилием выдохнул Щек. – Вот только сил мне надо поднабраться.

– Набирайся, – согласился Искар, – а я пока подумаю, как нам выбраться из городца.

Почти двое суток караулил Искар, не откроются ли ворота городца, выпуская кого-то в большой мир, но ворота так и не открылись, а подъемный мост ни разу не дрогнул. Конечно, запас пищи в городце был. Но и женщин здесь было немало. По расчетам Искара выходило, что женщин тех более сотни. Кроме главного терема, в котором жили ведуньи, было еще два дома. В одном помещались стражницы, в другом – служанки, среди которых были молодые и старые, а то и вовсе малые. Все женщины были при деле, а праздным среди них болтался лишь Искар.

Набравшись смелости, он однажды вечером забрел в простой дом. Была у него опаска, что верховодившие здесь старухи погонят его прочь, но никто Искара гнать не стал, а девки даже посмеивались в его сторону. Посидев и послушав бывальщину, которую рассказывала старуха с выцветшими от времени глазами, Искар пришел к выводу, что женщины здесь живут теми же печальми и теми же обычаями, что и под иными крышами, но только почему-то без мужей.

– А почему не идешь в мир? – спросил Искар, подсаживаясь к красивой девушке. – У тебя отбоя от женихов не будет.

– Время не приспело, – засмеялась красавица. – Я в этом городце живу с малых лет.

Из разговора Искар узнал, что Макошин городец не только малым, но и старым дает приют. Старые женщины попадали сюда по несчастливой случайности, из-за разорения своих семей. Кого-то не пощадили в набеге, кого-то пожгло огнем, а на чей-то дом мор обрушился великой напастью. Жизнь исправно плодит сирот и изгоев, и не каждому дано найти тихую заводь за надежными стенами. Старухам, наверное, более ничего и не надо, а вот подросшим сиротам хочется посмотреть большой мир.

– Коров в городце много, а я ни разу не видел, чтобы их выгоняли за тын.

– Так разве коров пасут по снегу? – засмеялась краснощекая деваха. – Вот днями полезет весенняя травка, и мы погоним скот на волюшку. И сами тогда погуляем вдосталь, а то по зиме в городце совсем скучно.

На словоохотливую девушку цыкнула старая ворона, и та сразу примолкла, спрятав от Искара смеющиеся глаза. Звали девушку Летицей, а более ничего словоохотливому отроку она о себе не рассказала. Потому как рассказывать было нечего, вся ее недолгая жизнь прошла за тыном Макошина городца. А Летицей ее называли потому, что найдена она была ведуньями летом в десятке шагов от ворот в берестяном лукошке.

С этого вечера Искар зачастил под простую крышу. Вел он себя чинно, рукам воли не давал, рассказы старых женщин слушал с интересом, а потому и не было повода гнать его прочь от весело гудящего очага. Девушки в Искара постреливали глазами, но никто, кроме Летицы, заговорить с ним не осмелился.

Из старух Искара невзлюбила только одна, рослая и костлявая, в надвинутом на самые глаза черном платке. Из-под этого платка в сторону отрока все время посверкивали глаза, неожиданно яркие и злые. Звали старую женщину Горелухой, и, если верить Летице, была она из племени урсов. Сельцо Горелухи сожгли двадцать лет тому назад, а всех ее родовичей жизнь разметала по свету. Старуха с горем не смирилась и надеялась, что урсы еще возродят славу своего племени. Прочие женщины, которые в большинстве своем были из ради-мичских родов, над урской посмеивались. Горелуха в долгу не оставалась, отчего в доме время от времени вспыхивали свары, в которые немедленно вмешивалась Макошина ведунья, дородная и величавая, державшая бабий мир в кулаке. Звали дородную ведунью Белицей, была она не только величава, но и насмешлива. Во всяком случае, она все время пыталась подшутить над отроком, веселя и девок, и старых женок. Искар утешал себя тем, что положение Белицы в Макошином городце было не из самых завидных и власть ее дальше

простого жилища не распространялась. Белица отвечала за огромное хозяйство обитатели, но к высшим тайнам допущена не была. Во всяком случае, зеленоглазая Ляна поглядывала на Белицу свысока и до разговоров с ней не снисходила.

– Белица из простой семьи, – сказала Ляна Искарю. – Прежде никто из ее близких Макоши не служил. Ведуньей она стала волею кудесницы Всемилы, которой сумела угодить.

Пораскинув умом, Искар пришел к выводу, что сама Ляна рождена не иначе как от князя, если в столь молодые годы сумела взлететь так высоко. Отрок уже заметил, что зеленоглазая ведунья одна из самых приближенных к кудеснице Всемиле. Стоило Ляне появиться на пороге простого жилища, как тут же свары умирали сами собой, а розовеющая Белица спешила ей навстречу.

– Почему отрока привечаешь? – Белица струхнула не на шутку, краска мигом сошла с ее лица, а голос зазвучал льстиво и подобострастно:

– Так ведь не велено гнать отрока. Сидит он тихо, к девкам не пристаёт. Я им наистрожайший наказ дала.

– Гнать было не велено, но и привечать тоже, – надменно произнесла зеленоглазая. – Об этом помни.

После чего развернулась горделивой лебедью и, не взглянув на Искара, поплыла прочь из жилища. У Белицы не только лицо, но и шея покрылись красными пятнами. Гнева она не сдержала, но пролился он не вслед надменной Ляне, а на голову ни в чем не повинного Искара. Проходя мимо, Белица зло прошипела:

– Шатун!

Обидное это шипение слышали только двое – Летица и Горелуха. Летица на Искара взглянула с удивлением, а Горелуха с любопытством. Судя по всему, старуха сообразила, что рассерженная ведунья бросила это слово в сторону Искара неспроста. Прожив долгую жизнь, Горелуха, надо полагать, слышала о Шатунах немало, но почему-то не испугалась, а даже прониклась к Искарю симпатией. Во всяком случае, больше она на него не ворчала, а все норовила приветить и словом, и вкусным куском. Искар, наблюдая за Горелухой, пришел к выводу, что урсы, возможно, относятся к Шатунам иначе, чем Радимичи. Он стал с нетерпением ждать, когда старая женщина отважится на откровенный разговор. Случай представился, когда Горелуху отправили за дровами для очага, а отрок вызвался ей помочь.

В дровяном сарае пахло березовыми поленьями и гнилью. Старательные Макошины печальницы запаслись дровами чуть не на пять лет вперед, – во всяком случае, Искар не смог охватить глазами всю поленицу.

– О Листяне слышала, наверное, старая? – понизив голос до шепота, спросил Искар.

Горелуха метнула в его сторону быстрый взгляд, положила на вытянутые руки отрока два полена и произнесла нараспев:

– Не только слышала, соколик, но и своими глазами видела. Я в ту пору лишь годом старше тебя была. Его городец при мне разорили «белые волки». Одна я спаслась от того зорения. Из тех, кто знал близко Листяну, никого уже не осталось в живых.

– Говорят, что Листяна в золоте и серебре купался?

– Богаче его не было человека в округе. Но весь свой жир Листяна спрятал в схроны. К одному из них я знаю дорогу.

– Знаешь дорогу к золоту, а живешь в нищете? – засомневался Искар. – И семья твоя рассеяна по свету.

Своими словами Искар попал в больное место Горелухи, однако она не рассердилась, а только уронила слезу. Искарю старуху стало жаль, и эта жалость проявилась на его лице.

– Больно глаза у тебя добрые, – покачала головой Горелуха. – С такими глазами ты не проходишь долго в Шатунах.

– На мой счет можешь не сомневаться, старая. Я зачат и рожден в медвежьем капище. Есть такое место на Поганом болоте. Если поможешь мне отсюда выбраться – я тебя отблагодарю.

– А разве тебя здесь силой держат?

– Силой не держат, но и добром не отпускают. Мне видение было, чтобы жил своим умом, не слушая советов волхвов и ведуний.

– Может, это видение нечистыми духами наслано?

– Может, и нечистыми, – усмехнулся. Искар, – но на то я и Шатун.

Искар уже целую охапку дров держал в руках, а старуха все подкладывала ему полено за поленом, окаменев лицом.

Пойти против богов в сомнительном деле – это вам не шутка, но, с другой стороны, какое богам дело до старухи, глядишь, и не заметят ее нечаянный промах.

– Хватит, – сказал отрок, – завалила по самую макушку.

Искар пошел первым, осторожно ступая обутыми в кожанцы ногами по гниловатым доскам. Охапка дров была куда как тяжела, но отрока радовало, что несет он ее без всякого труда, не чувствуя боли в затянувшейся ране.

– Завтра чуть свет мы погоним коров на пастбище, – шепнула ему в спину Горелуха. – Стражницы на вежах не углядят, где старуха, а где переодетый отрок.

– Много вас будет? – спросил, не поворачивая головы, Искар.

– Я да Кобылиха, а из девок только Летица и Улица. Если убежишь отсюда, то иди прямо к городцу Листяны. Я тебя там найду.

– И дорогу к схрону покажешь?

– Покажу, не сомневайся, – тихо отозвалась Горелуха. Щек выслушал Искара с большим вниманием. За последние дни он изрядно нагулял жира и даже в плечах раздался, хотя и выглядел еще бледноватым.

– Старушечьей одежкой я разжился, – усмехнулся Искар, кивая головой на тряпье, заимствованное из ларя в простом жилище.

– Ладно, – кивнул головой Щек. – Кобылиху я беру на себя, а за тобой девки. Коли они поднимут крик, то будет нам от Макошиных ведуний большой взыск.

Ведуний Искар не особенно боялся, но и попадаться не хотелось. Посадят, чего доброго, под запоры, и придется взаперти всю весну куковать. Искару надо обязательно к осени вернуться домой. И хорошо бы не с пустыми руками. На Листянино золото можно будет возвести тын вокруг сельца, прикупить скот, поставить Лытарю новый дом, а то в старом уже тесно, и махнуть в хазарскую столицу. Должен каган взять Искара в свою дружину, чай не рохля Данборов сестричад и не оробеет в битве. И Осташа можно будет с собой прихватить, вдвоем веселее.

Только задремал Искар, как Щек тряхнул его за плечо – пора. День еще не разгорелся, но во дворе уже суетились женки. Кое-как Искар нацепил на себя старушечьи обноски поверх собственной одежды. Щек, готовый уже к выходу, при виде Искара не удержался от смеха:

– Вылитая Горелуха.

– Пошли, – сказал Искар. – После посмеемся.

У входа в хлев Искар едва не наступил в коровью лепешку и тихонько ругнулся сквозь зубы. Летица с Улицей уже погнали своих коров к опущенному мосту, а Горелуха с Кобылихой еще суетились в хлеву. С Горелухой у Искара проблем не было, старуха дала себя скрутить, не издав ни звука. Зато с Кобылихой вышла заминка. Искару пришлось помогать Щеку. Вредная женка извивалась всем телом, отбивалась ногами, успела даже вскрикнуть, а потом вцепилась в Искарову ладонь двумя последними уцелевшими зубами.

– Скажи, какая норовистая попалась, – покачал головой Щек. – Это сколько же с ней было мороки в годы молодые.

Кобылиха пучила в ярости глаза и мычала забитым тряпьем ртом. Щек проверил пути у нее на руках и отпихнул прочь на солому. Искар уже гнал коров из хлева, ободряюще посвистывая.

– Не свисти, – остерег Щек, – а то стражницы на вежах удивятся, с чего это старухи распелись соловьями.

Но на вежах сладко зевали. Никто даже головы не повернул в сторону старух, сноровисто выгоняющих за ворота мычащее стадо. Выскользнув вслед за коровами на волю, Искар почувствовал облегчение. Начало, что ни говори, было удачным.

За спиной захлопнулись ворота и заскрипели цепи подъемного моста. Макошин гордец поспешно закрывал свой зев, не доверяя тишине и безлюдью вокруг. Осторожно живут ведуньи, храня Макошины святыни и накопленные за долгие годы богатства. На вежах было тихо, никто пока не хватился беглецов и сигнала не подавал.

На отдохнувших за зиму деревьях густо лезли листья. Искар прицокнул языком от восхищения, оглядывая хорошеющий под солнечными лучами лес. И в ответ ему зацокали веселые птицы. По зиме их совсем мало в лесу остается, а певунов среди оставшихся нет вовсе. Разве что затрещит испуганная сорока, тревожа зимнюю тишину, но сорочий крик вряд ли назовешь усладой для уха. Добрые птицы на зиму улетают в Страну Света, где веселят души людей, скучающих о прежнем Кире.

Щек уже снял старушечьи обноски, Искар последовал его примеру. Одежду они сложили аккуратно и подвесили на ближайшем дереве.

– Найдут, наверное, – сказал Щек. – Зачем добру пропадать?

– Далеко отсюда до Листянина городца? – спросил Искар.

– За два дня обернемся, но путь предстоит нелегкий. Искар огорченно присвистнул. Конечно, весенний лес услада для уха и глаза путника, но брести два дня по звериным тропам на голодный желудок – удовольствие небольшое. Был бы лук – без добычи не остались бы, но о луке можно было только мечтать.

– Придумаем что-нибудь, – обнадежил Щек. – Мир не без добрых людей.

Глава 9

ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

К удивлению Искара, Щек выбрал какой-то очень уж извилистый путь к месту, где, по его же словам, был расположен Листянин городец. Искар обратил его внимание на то, что идут они не к реке, а в противоположную сторону. Щек признал свою ошибку, но предложил заглянуть все-таки в расположенную поблизости усадьбу и слегка подкрепиться. Ибо после долгого блуждания по лесу у беглецов изрядно подвело животы. Искар, однако, показалось, что его напарник вышел к этой усадьбе потому, что очень хотел сюда попасть.

– Один мой знакомый служит здесь в приказных, – сказал Щек, останавливаясь возле массивных ворот.

По прикидкам Искара, усадьба была расположена не так уж далеко от его родных высе-лок, ну разве что в одном дне пешего пути. Обнесена она была высокой стеной, и дубовые ворота перед гостями распахнули далеко не сразу. Судя по всему, люди здесь жили опасли-вые.

Во дворе, куда их наконец впустили, находилось не менее десятка мечников. Разбой-ники и бродяги не редкость, конечно, в радимичских лесах, но, чтобы отбиться от возмож-ного наскока, хозяевам хватило бы и челядинов, которые в немалом числе суетились меж клетей, конюшен и многочисленных пристроек. Если судить по спесивому поведению меч-ников, усадьба принадлежала весьма значительному лицу, – возможно, гану из крепкого радимичского рода.

Терем, однако, не произвел на отрока большого впечатления. Ставлен он был в один ярус, и ставлен, видимо, давно, так как бревна уже успели потемнеть от времени. Красное крыльцо было без резных завитушек, столь привычных для славянского глаза, окна подсле-поваты и скорее похожи на бойницы. Смурноватый был терем, по-иному не скажешь.

– Кто хозяин усадьбы? – спросил Искар Щека.

– Борислав Сухорукий, – пояснил тот, – старший брат Великого князя Всеволода.

– Если он старший, то почему не первый? – удивился Искар.

– Божья воля, – криво усмехнулся Щек. – Точнее, воля Велесовых волхвов.

Щек явно не первый раз был в этой усадьбе, ибо его опознали служки и даже проявили к пришельцу нечто очень похожее на подобострастие, бросившись с готовностью выполнять волю простолюдина. А просил Щек всего-навсего покормить Искара, невеликую, прямо ска-жем, птицу, который мог и подождать. Но служки, видимо, так не считали, поскольку тут же усадили гостя за стол, пусть и не в господском тереме, а в пристройке, и потчевали такими яствами, которыми и кагана угостить не стыдно.

Щек, оставив Искара на попечение служек, отправился в терем, где его уже поджидал человек среднего роста, с умными карими глазами и лицом, изрезанным морщинами. Левая рука его, высохшая, безжизненно висела вдоль худого тела. Именно за эту ущербную от рож-дения руку он и получил свое прозвище. И именно она стала помехой на пути Борислава к великому столу. Впрочем, Щек предполагал, что дело здесь не только в физическом изъяне. Борислав не уступал умом своему младшему брату Всеволоду, но, в отличие от последнего, не считал правду бога Велеса откровением, которому следует подчинять все свои помыслы. Раздражало его не столько вмешательство бога в людские дела, сколько непомерное власто-любие волхвов, провивших встать над князьями и родовыми вождями. Свою любовь к волх-вам Борислав скрыть не сумел, за что и поплатился. Двадцать лет назад противодействие Велесовым ближникам едва не закончилось для него гибелью, но Великий князь Всеволод пощадил брата.

– Я ждал тебя, ган, еще два месяца назад, – сказал Борислав, жестом приглашая гостя к столу.

Горница была обставлена скромно: стол да две лавки по углам. Если бы его стали потчевать из глиняной посуды, Щек не удивился бы, но Борислав наполнил вином серебряный кубок очень тонкой работы. Старший брат Великого князя Всеволода был несметно богат, но богатство напоказ не выставлял, предпочитая играть роль человека, обиженного волхвами.

– Случай вмешался, а может быть, ган Митус, – вздохнул Щек. – Шалопуги сбили меня стрелой с возка. Едва-едва Макошины ведуньи выходили.

– Вот тебе раз! – искренне удивился Борислав. – А почему, Макошины ведуньи оказали тебе такую честь?

– Боярин Драгутин похлопотал. Именно в его розвальнях я был за возницу.

– Вот незадача! – Борислав хлопнул здоровой рукой по столу. – Ведь тех разбойников Рада посадила в засаду.

– Стерва, – беззлобно засмеялся Щек. – Что же она против первого в славянских землях бойца выставила столь малую ватажку? Даджан разметал дюжину ее разбойников как стаю обливявших селезней.

– Жаль, – поморщился Борислав. – Драгутин в нашем раскладе лишний.

– А я, представь себе, не жалею, – хмыкнул гость в усы, – ибо смерть боярина обернулась бы и моей смертью.

– Ах да, конечно, – спохватился хозяин. – Я упустил из виду это печальное обстоятельство.

– Боярина Драгутина надо было убивать еще двадцать лет назад, когда я тебя, Борислав, вывел на его след.

– То ли он бес, этот Драгутин, то ли его в тот день на болотах не было, – покачал головой Борислав. – Несколько раз я пытался выяснить у Лихаря, как они с Драгутином выскользнули тогда из расставленных нами сетей, но тот только посмеивался. Разумеется, я умолчал и о твоём, и о своём участии в этом деле.

– В десятый раз тебе повторяю, Борислав, – раздраженно всплеснул руками Щек, – Лихарь Шатун погиб, я собственными глазами видел его плавающее в крови тело, когда пришел к схронам по следам твоих мечников.

– Послушай, ган, – нахмурился Борислав, – ты пропадал где-то почти двадцать лет, а я вот уже семь лет имею дела с Лихарем, и он ни разу меня не подвел. За него ручались Митус и Моше, знающие Урса с давних времен. Хабал был с ним в чужедальних землях, где они много лет прожили бок о бок. Ты что же, и Хабалу не веришь?

– А в чем ты преуспел за эти семь лет, Борислав? – прищурился Щек. – Вы с Митусом устраивали заговоры, которые проваливались, едва начавшись. И непременно участником ваших заговоров являлся Лихарь Урс или, точнее, человек, которого вы называете этим именем. Этот лже-Лихарь, этот оборотень вот уже десять лет обещает Хабалу Слово, коего тот так жаждет, но схроны Листяны Колдуна так и остаются на запоре.

– Лихарь опасается, что Слово приберут к рукам печальники богини Кибелы, которые крутятся вокруг Хабала, и я его понимаю, мне эти люди тоже не нравятся. Почему ты не хочешь встретиться с Лихарем и убедиться во всем сам?

Борислав тут же пожалел, что задал Щеку этот вопрос. Ему ли было не знать, почему ган избегает встречи со своим соплеменником. Лихарь не догадывается, что в схронах на болотах двадцать лет тому назад за ним охотился Борислав, но Шатун не может не догадываться, что дорогу к его убежищу мог показать только один человек – ган Багун. Для гана Багуна, который ныне прячется под личиной простолюдина Щека, встреча с Лихарем означает верную гибель. Может быть, именно поэтому он цепляется за бредовую мысль о смерти Лихаря. Большая совесть его, что ли, мучает? Ведь там, в болоте, остались лежать люди, с

которыми урский ган ел из одного котла и сражался бок о бок против радимичей и хазар. До сих пор Борислав не может понять, почему ган Багун предал своих соплеменников. Вопрос о золоте и серебре даже не стоял, жизни Багуна ничто не угрожало – он сам пришел к радимичам. Бориславу тогда не было дела до Шатуна, он охотился на боярина Драгутина. Конечно, Борислав мог бы заподозрить Багуна в коварстве, в том, что ган обманом навел радимичей на соплеменников, ставших его смертельными врагами, но это подозрение дружно опровергали Бориславовы мечники, которые среди убитых урсов обнаружили и десяток даджан. Вот только Драгутина среди убитых не было.

– Ты мог бы взглянуть на Лихаря из потайного места, – исправляя ошибку, продолжил Борислав. – А уж потом мы решим, как действовать дальше.

– Хорошо, – кивнул головой Щек. – В каком месте ты нас сведешь?

– В лесном логове Ичала Шатуна. Лихарь обещал туда днями наведаться. Кстати, Ичал Шатун не сомневается в Лихаре.

– Ичал был в ссоре с Листяной, – возразил Щек, – а потому Лихарь никогда с ним не встречался, несмотря на желание матери. Тебе наших дел не понять, ган Борислав. Я Ичалу не верю, если говорить уж совсем откровенно.

У Борислава едва не сорвался вопрос, а верит ли ган Багун самому себе, но он сдержался. Глупо было ссориться по пустякам с ловким и влиятельным среди урсов человеком. Ган Багун происходил из семьи потомственных урских старейшин, и предки его властвовали на этих землях, когда о радимичах здесь еще не слышали. Жизнь круто обошлась с урским ганом, ему пришлось двадцать лет прятаться от Велесовых ближников, обещавших за его голову большую плату. Встретив Багуна год назад на улице стольного града, Борислав не сразу узнал в этом рано поседевшем человеке давнего знакомца. А узнав, не на шутку обрадовался. Ибо через Багуна можно было протоптать тропинку к урской старшине в обход Лихаря Урса и Ичала Шатуна, доверие к которым в Бориславе повыдохлось с годами, ибо обещали эти двое много, но далее обещаний дело обычно не шло. Поэтому стоит, наверное, Бориславу прислушаться к словам Щека о Лихаре. Но если Щек прав и под именем Лихаря скрывается другой человек, то Бориславу и гану Митусу это грозит большими неприятностями. Хорошо, если он всего лишь самозванец, но ведь возможен и худший вариант.

– Без Ичала и Лихаря нам не склонить урскую старшину к выступлению, – вздохнул Борислав. – Сидок и Годун смотрят им в рот.

– Золото превозмогает все, ган Борислав, даже уважение к ближникам Лесного бога.

– Что ты имеешь в виду? – испугался за свою мощную прижимистый Борислав.

– Схроны Листяны, – отозвался Щек.

– Но ведь об этих схронах известно Лихарю. И если бы ты знал, сколько он за эти годы потратил, то у тебя пропала бы всякая охота разыскивать схроны его отца.

– Ты заблуждаешься, Борислав. Я не знаю, чьи деньги тратит лже-Лихарь, но жена Листяны, чудом уцелевшая во время разгрома городца, пообещала показать дорогу к схронам своему внуку.

– Какому внуку?

– Сыну Лихаря Урса и Милицы из рода Молчунов, – спокойно пояснил Щек. – Сейчас его кормят твои служки.

– Как ты его нашел?

– Его нашел не я, а боярин Драгутин, и, как ты понимаешь, вытащил он его в большой мир не случайно.

До Борислава уже дошли слухи о появлении на дальних выселках Шатуна, но он никак не предполагал, что эти слухи связаны с прибытием в радимичские земли боярина Драгутина. И уж конечно приезд даджана не случаен. Впрочем, непосредственно Бориславу он ничем вроде бы не грозил. Великий князь Яромир и кудесник Даджбога Солох искали союз-

ников для противоборства с каганом Битюсом, и князь Всеволод все более склонялся на их сторону. Борислав ничего не имел против ссоры Всеволода с Битюсом, ибо их противостояние играло ему на руку. Но случайно или преднамеренно первый удар Драгутина пришелся по одному из самых преданных сторонников Борислава.

– Тебе известно, что князь Твердислав казнен в Берестене два месяца назад?

Щек даже крикнул с досады, услышав неприятную весть.

– Я же предупреждал его, чтобы был осторожнее. Буквально за две седмицы до ранения я был в Берестене. Твердислав вроде бы внял моим предупреждениям.

– Вероятно, он слишком понадеялся на хазар, которых прислал ему каган Битюс. Увы, хазары Твердиславу не помогли. К тому же у хазарского гана Горазда свои виды на Берестень.

На градский стол он посадил малого Будимира, а сам стал при нем дядькой-пестуном.

– Ловок, – усмехнулся Щек. – А в каких отношениях Горазд с ганом Митусом?

– У Митуса к молодому гану полного доверия нет, ибо тот в первую голову за себя хлопочет. Есть и еще одна неприятная новость, ган: в Листянинном городце сидит теперь боготур Торуса, и окопался он там крепко.

– И Перуновы ближники смирились со своеволием Всеволода?

– За Торусу хлопотал боярин Драгутин, – ухмыльнулся Борислав. – Ну и кудесница Всемила, по его наущению. А Всемила, как тебе известно, дочь князя Гостомысла Новгородского.

– По слухам, кудесница очень упрямая женщина, – удивился Щек, – как это даджану удалось ее охмурить?

– Охмурил он ее еще двадцать лет тому назад. И плодом их любви явилась дочь, которая настолько дорога сердцу матери, что та держит ее при себе, вопреки заведенному Макошью ряду.

– И прочие ведуньи стерпели столь явное забвение кудесницей незыблемого правила отречения от всего земного?

– Кто ныне блюдет подобные обычаи, ган, – засмеялся Борислав. – Никто бы и не вспомнил про эту Ляну, если бы мы с Митусом не позаботились. После наших усилий среди ведуний начался ропот, но чем он закончится, сказать не могу.

– Ты, кажется, назвал эту девушку Ляной?

– А ты что, знаком с ней?

– Я ведь два месяца провел в Макошином городце и, можно сказать, подружился с зеленоглазой дочерью почтенных родителей, которая обхаживала Лихарева сына. И, как я полагаю, не без причины.

– Драгутин ищет дорогу к Листянинным схранам?

– А почему нет? – отозвался Щек. – Как я понял со слов Искара, сама кудесница проявила к нему интерес.

– Ты, следовательно, веришь в байку о заклании, наложенном Листяной, которое может снять только человек одной с ним крови?

– Я не байкам верю, ган Борислав, а Горелухе, которая знает дорогу к золоту Листяны.

Борислав не стал продолжать спор со вспыльчивым гостем для которого эта тема была крайне болезненной. Верит он в схраны – и на здоровье, а у Борислава своих дел по горло.

– Боготура Торусу надо избыть из Листянина городца, – сказал Борислав. – К сожалению, я не могу послать туда своих людей – малейшая случайность, какой-нибудь нечаянный свидетель, и все может рухнуть в одночасье. Хабала мне тоже не хотелось бы подставлять до времени. Здесь хитрость нужна, а не сила.

– А где сейчас Рада? – спросил Щек.

– Обхаживает боготура Рогволда, – усмехнулся Борислав. – И очень даже успешно. Хочешь задействовать ее людей?

– А почему бы нет? – пожал плечами Щек. – Они пришлые в наших краях. Всегда можно сослаться на то, что они ищут древние реликвии, похищенные Листяной из храма Кибелы.

– А он их похитил? – тонко улыбнулся Сухорукий.

– Во всяком случае, Рада в этом уверена, – отозвался улыбкой на улыбку Щек. – Не стоит ее разочаровывать. Наоборот, я ей скажу, что дорога к схранам начинается из Листянина городца и Искар, сын Лихаря, выведет ее к нужному месту.

– Разумно. Я на тебя надеюсь, ган. Ты нуждаешься в деньгах?

– Нет, – покачал головой урс. – Было бы странно, если бы в мошне бедного человека Щека, преследуемого за долги, зазвенели вдруг золотые монеты. Городец я беру на себя, Борислав, а за тобой остаются Берестень и боярин Драгутин. Этот человек может сильно нам напортить. И еще: не доверяй лже-Лихарю, во всяком случае, до того как покажешь его мне, и предупреди о моих сомнениях Митуса и Моше.

Борислав задумчиво кивнул головой. Последний раз он видел Лихаря месяцев семь назад. С тех пор тот в Радимичских землях не появлялся. Правда, люди от него приходили регулярно. Надо все-таки показать его Щеку, уж очень убежденно говорит ган о смерти соратника. А прибытие боярина Драгутина в радимичские земли указывает на то, что даджаны пронюхали о планах мятежников. Хорошо бы узнать, кто распустил язык столь неосторожно, ведь о задуманном мятеже знает ограниченный круг лиц.

– Удачи тебе, ган. – Борислав поднял прощальный кубок.

– Удачи всем нам, – отозвался на слова хозяина гость.

Искара не только отменно покормили служки Борислава, но и снабдили всем необходимым на дорогу. Отрок, выходя из ворот гостеприимной усадьбы, довольно посвистывал. Щек же был задумчив и мрачен.

– А ган Борислав разве друг боготура Вузлева? – неожиданно спросил Искар.

– Это вряд ли, – усмехнулся Щек.

– Я это к тому, что мой дядька Доброга плохо отзывался о Сухоруком. Хапает родовая и племенная старшина землю без меры, а простым людям не остается ничего.

– Прав твой дядька, – кивнул головой Щек. – А среди урсов обездоленных еще больше, чем среди радимичей.

– А почто они поднимали на нас оружие? – нахмурился Искар.

– А почто мы их теснили с земель?

Искар этим вопросом был поставлен в тупик. Об урсах он знал мало. Рассказывали ему дядья и односельцы, что радимичи прежде ратились с урсами, но ныне те поутихли. А что они за люди и каким богам кланяются, он сказать не брался.

– А Листяна случайно не урсом был?

– Листяна был первым ближником Лесного бога урсов, – охотно отозвался Щек. – Все роды урсов в радимичских и в иных землях признали его верховным вождем. Большие силы собрал под своей рукой Листяна, но все же не устоял против объединенной рати радимичей и новгородцев.

– А какое отношение имеет боярин Драгутин к Листяне?

– Никакого, – удивился вопросу Щек.

– Но он же Шатун! – рассердился отрок.

После такого заявления отрока Щек даже остановился:

– Ты в этом уверен?

– Я собственными глазами видел его в медвежьем капище. Все у нас на выселках его называли оборотнем. А мы с Данбором видели след, когда шел он медведем, а потом вдруг пошел человеком.

Щек усмехнулся в усы, но разубеждать отрока не стал. Лихарь Урс очень любил с помощью выделанных медвежьих ступней пугать радимичей. Впрочем, многие простые урсы тоже верили, что ближники Лесного бога способны оборачиваться в Хозяина. И Шатуны их в этой вере не разубеждали. Объяснение тому, что произошло два месяца назад на выселках, могло быть только одно: боярин Драгутин использовал в своих целях давнее заблуждение урсов, которое получило распространение и среди радимичей, для того чтобы прибрать к рукам Искара – сына Лихаря и с его помощью воздействовать на урскую старшину и на простых урсов. Слух о появлении нового Шатуна наверняка уже гуляет по окрестностям. Жаль, но пока простолюдник Щек не может рассказать сыну Лихаря то, что знает ган Багун. Зато это может сделать Рада, умеющая морочить голову не только отрокам, но и зрелым мужам.

Дотемна прошли приличное расстояние, а когда ночь окончательно завладела землею, решили остановиться и разжечь костер. Ночи были прохладные, да и земля еще не успела прогреться под солнечными лучами, лучше было не студить бока, а провести ночь у огня. Щек отправился за хворостом в одну сторону, Искар в другую.

Искара сгустившаяся тьма не смущала, и отошел он от намеченного под стан места довольно далеко. А человека перед собой увидел столь неожиданно, что даже растерялся.

– Ты кто? – спросил он, делая шаг вперед.

Только на миг освещенное лунным светом лицо чужака попало в поле его зрения, но Искар успел его опознать, хотя прежде видел его не наяву, а во сне.

– Ты Листяна Колдун? – прямо спросил Искар шатуна-призрака.

– Бойся Щека, сын Лихаря, – прозвучал из темноты глухой голос. – Он не тот человек, за которого себя выдает.

После этих слов призрак растворился в ночи, оставив отрока в полном недоумении – был Шатун или всего лишь почудился? Но ведь Искар четко видел выступившее из темноты седобородое лицо и медвежью шкуру на плечах неизвестного. В любом случае отрок был уверен, что неизвестный не человек, ибо передвигался он по лесу, как бестелесный дух.

Глава 10 БОГОТУР ТОРУСА

Трудно пришлось Торусе бы со свалившимся на плечи тяжелой ношей городцом, если бы не Лепок. Расторопный тивун за два птицей пролетевших месяца исхитрился добыть немалые средства на восстановление порушенного тына и щедрыми посулами привлек на новые земли до двухсот семей, выделившихся из многочисленных и малоземельных урских и радимичских родов. Смерды с охотой взялись за дело, тын городца был восстановлен за три семидницы, но и Торусе пришлось изрядно потряхнуть мощной. Все прибитки, доставшиеся от отца, все самым нажитое ухнуло в городец как в ненасытную утробу.

Князь Всеволод затею ближнего боготура встретил без особого восторга, ибо право верховного суда над Листянинными землями к нему не перешло, а осталось ничейным, что сулило в будущем большие неудобства. Передав Листянин городец Торусе, волхвы так и не пришли к единому мнению, чье слово на этих землях будет главным – Перуново, Даджбогово или Велесово. Удачливый боготур оказался на своих землях как бы сам по себе, без княжеского догляда, что сулило в будущем массу неприятностей. Такая свобода по нынешним временам хуже сиротства, а сироту, как известно, может обидеть каждый. Были бы средства, набрал бы лихой боготур сильную дружину и зажил бы в свое удовольствие. К сожалению, золота не хватало, и под рукой боготура ходило всего лишь пятнадцать мечников, набранных из ближних родовичей.

Торуса добросовестно обшарил городец в поисках Листянинных сокровищ, но ничего, кроме гнили в отсыревших углах, не нашел. Ложе из кости было единственным богатством, доставшимся ему от колдуна. На этом ложе он и возлежал сейчас с покладистой Дарицей, уныло разглядывая потолок. Когда-то этот потолок был размалеван красками, но пролетевшие годы не пощадили рисунка, и боготуру оставалось только гадать что там было изображено во времена Листяны Колдуна.

– Обратись к Макошиной кудеснице, – зашептала Дарица на ухо приунывшему Торусе. – Ты ведь городец получил милостью бабьей богини.

– Даром никто золота не даст.

– А ты отслужи.

– Я Велесов ближник, – хмуро бросил боготур, – и живу на этом свете по его Слову.

– Так ведь Макошь Велесу не враг. Твой бог не обидится, если ты ей отслужишь.

Торусе пришло в голову, что городец он получил не столько милостью Макоши, сколько стараниями ее ближниц. И эта расторопная стряпуха, столь ловко направившая его мысли в нужную сторону, оказалась на его ложе не случайно. Не исключено, что Дарица просто прикинулась сиротой. Ведуньи бабьей богини славились коварством, а для того чтобы обольстить боготура, много ума не надо. Но если это действительно так, то боярин Драгутин, поспособствовавший Торусе, действовал по сговору с Макошинными ближницами. Непонятно только, зачем даджанам понадобился именно Торуса в качестве владельца городца? Возможно, все дело в том, что он беден и без чужой помощи не сумеет утвердиться на обретенных землях, а за помощь придется благодарить. Конечно, можно поделиться своими сомнениями с Велесовыми волхвами, но толку от этого, скорее всего, не будет. Кроме всего прочего, Торусе не хотелось открывать волхвам, каким образом он догадался о желаниях бабьей богини. Ибо если не было никакого сна, если воля Макоши не была выражена ясно, то боготур, пустившись на хитрость, совершил святотатство. Подтвердить правоту Торусы могла только сама богиня устами кудесницы Всемилы. Полученное от первой Макошиной ведуньи золото будет означать, что боготур действует в точном соответствии с волей богини.

Рано поутру Торуса покинул городец в сопровождении двух мечников, строго-настрого наказав Лепку и ближнему мечнику Ревуну, чтобы они чужих за тын не пускали, а если кто будет спрашивать о боготуре, то отсылали бы его к князю Всеволоду. Торуса действительно собирался заглянуть к Великому князю, но о предстоящей встрече с кудесницей предпочитал не распространяться даже в кругу близких людей.

Путь предстоял дальний, да и прямой дороги до Всеволодова городца не было. Боготуру и его спутникам пришлось петлять по лесу звериными тропами. Лес уже прикрылся от макушки до пят зеленым убором, и заблудиться в этой зеленой хмари было парой пустяков. Уступи только лешему, который дергает коня за повод, и заведет он тебя в такую чашобу, где доброму молодцу останется только пропадать.

Мечники не отставали от боготура. Лес и в светлую пору не всегда бывает гостеприимен, а уж в сумерки и вовсе следует держать ухо востро. Приветят из зарослей стрелой – и поминай как звали. Бродяг и разбойников ныне на славянских землях развелось с избытком. Есть среди них и такие, что за доблесть почтут метнуть стрелу в Велесова ближника.

Торуса к лесу привычен и все лесные тайны читает без труда. Боготура с юных лет приучают людей за собой водить и полем, и лесом. Торусе в юные годы через многие испытания пришлось пройти, чтобы обрести право на боготурство. Ибо звание это дается далеко не каждому отпрыску знатной семьи, а только тем, кто духом тверд, телом силен и умом неслаб.

На привал остановились, когда стемнело. Торуса отправил Клыча за хворостом, а сам присел на краю поляны, прислонившись спиной к стволу могучего дуба. Залитая лунным светом поляна была перед боготуром как на ладони, а сам он оставался неразличимым в тени развесистой кроны. Влах поодаль обхаживал коня, хотя, по мнению Торусы, конь такой заботы не стоил. Норовистый был жеребец, плохо объезженный, а Влаху он достался по случаю. Бился тот об заклад с хитроватым мечником боготура Рогволда Зорей, который, представивши заклад,¹⁷ подsunул простодушному Влаху порченого коня. Зоря известный жох, да и боготур Рогволд, даром что Торусов дружок, тоже далеко не подарок. Ныне боготур У князя Всеволода в опале. Заполошный он человек, боготур Рогволд, а во хмелю и вовсе не знает удержу. Набрал под свою руку сотню бродяг и начал трясти купцов. Его счастье, что купцы оказались из хабибу, но подобные бесчинства не делают чести боготуру. Каган уже объявил за голову Рогволда свою цену, а князь Всеволод твердо заявил, что защищать боготура не будет, ибо действует тот самоуправно. Если каждый начнет суд и расправу чинить, то никакого порядка на славянских землях не будет.

В той стороне, куда ушел Клыч, послышались крики. Расторопный Влах тут же метнулся за луком. Торуса тоже поднялся, положив ладонь на рукоять длинного боготурского меча. Боготур с мечником неслышно скользнули на помощь попавшему в беду товарищу, но, похоже, осторожничали они напрасно. Клыч уже ломился назад, громко кого-то проклиная.

– Что у тебя приключилось? – выступил из мрака Торуса.

– Щенок! – задохнулся от ярости Клыч, держась рукой за бок.

Торусе даже интересно стало, кто же сумел так обидеть его мечника, малого сильного и плечистого. Влах успел уже разжечь костер из собранного тут же хвороста, а Клыч все шипел и ругался.

– Сколько их было? – спросил Торуса, уставший слушать ругань мечника.

– Двое, – скривился Клыч. – Один отрок, другой постарше, средних лет. По виду – простолюдины. Хворостом я хотел у них разжиться, лень было ноги бить. Я этого безусого и в расчет не брал, а он меня одним ударом наземь опрокинул.

– А почему кричал так? – удивился Торуса.

¹⁷ Проставить заклад – проиграть.

– Третий там был, – понизил голос Клыч. – Я, когда упал, сразу его увидел – он в отдалении стоял. Весь в медвежьей шерсти, а из звериной морды проступает при лунном свете человеческий лик.

– Оборотень? – ахнул Влах.

– Похоже на то, – согласился Клыч. – А отрок наверняка шатуненок. Я не стал связываться с нечистыми.

Ночь прошла спокойно, никто их сна не потревожил, а к полудню они уже подъезжали к порубежному городцу, который возвышался на холме, окруженный глубоким рвом, наполненным в эту пору водой из протекающей мимо реки. Городец у Всеволода хорош, но ведь и Листянин не хуже будет, если только Торусе удастся восстановить его в прежнем блеске.

Торусу из сторожевой вежи опознали, а потому и мост через ров опустили без задержек. Была опаска, что князь уехал в стольный град, но, к счастью, она не подтвердилась.

– Князь сильно не в духе, – предупредил гостя боготур Скора.

Как вскоре выяснилось, причиной недовольства князя был Иган Горазд, занозой засевший на радимичских землях. Выбить его из Берестеня казалось делом трудным, почти невозможным. Конечно, на трехсотенного гана сил у Всеволода хватило бы, но ведь за Горазда вступится каган Битюс, для которого эта усобица явится бесценным подарком и поводом силой вмешаться в радимичские дела. Ган Горазд правил в Берестене не от своего имени, а от имени малого Будимира, сына Твердислава, за которого городское вече сказало свое слово. Так что даже обвинить гана в нарушении божьего ряда было затруднительно.

– Послушай даджана, а сделай наоборот, – вздохнул Всеволод. – Плох был Твердислав, но хазарский ган много хуже.

Боготуры сокрушенно закивали головами, но князь Всеволод не сочувствия ждал от них, а доброго совета. Вином, впрочем, гостей не обнесли. Всеволод и в добрые, и в худые времена обычаи чтит, и если сажал гостей за стол, то привечал их с честью.

– Рогволду, брату Твердислава, тем вечерним решением нанесено оскорбление, – начал осторожно Торуса, – все-таки он в своей семье старший.

– Рогволда я прогнал с радимичских земель за чинимые им бесчинства, – рассердился князь Всеволод. – И слово мое твердо.

– Никто твоего слова не оспаривает, великий князь. Но ведь и за Рогволда ты не ответчик, мало ли что ему в голову взбрести может. Дурная голова, как известно, ногам покоя не дает. А ган Горазд, как ни крути, Рогволда обидел. Мало того что Берестень под себя сгрел, так еще и девку взял, не спросив старшего в семье.

– Торуса прав, – проговорил Скора. – Рогволд вправе спросить с Горазда за самоуправство.

– Коли Рогволд захочет за нанесенную семье обиду отомстить, то ты, князь, мешать ему не вправе, – поддержал Скору боготур Брайко. – И каган не вправе с тебя взыскивать, ибо семейная распря только по обоюдному согласию разрешиться может. А коли Горазд не захотел дело миром уладить с родовичами невесты, то они вправе с него спросить за бесчинство. Князь Всеволод в задумчивости почесал поросший редущими волосами затылок. По лицу было видно, что затея боготуров ему понравилась, но есть и серьезные сомнения. Известное дело, с Рогволдом, коли шлея ему под хвост попадет, справиться будет непросто.

– А коли Рогволд взбрыкивать начнет, – подсказал Торуса, – то бери малого Будимира под свою руку и сам правь от его имени Берестенем. Главное – Горазда избыть, а на Рогволда мы найдем управу. Конечно, лучше всего сразу взять Берестень под свою руку, не связываясь с беспутным Рогволдом, но этот шаг наверняка вызовет ропот среди радимичской старшины. Чего доброго радимичские вожди обвинят Всеволода в том, что он отравил Твердислава и прогнал Рогволда только для того, чтобы Берестень к рукам прибрать. Самовластья, мол, захотел Великий князь, дедовы обычаи не чтит. А ныне не те времена, чтобы ругаться с

племенными старейшинами. Родовые радимичские вожди и без того недовольны, что божьи ближники сгребли под себя власть. Каган Битнос этим недовольством пользуется. А за каганом сила. У князей дружины малые, только-только хватает на то, чтобы с разбойниками бороться. Поднять же простой люд на кагана будет совсем не просто. Многие начнут чесать затылки и вопрошать – а так ли плоха правда нового бога и стоит ли против нее ноги бить? У большинства хазарских родов корни скифские или славянские, и для смердов они не чужие. Распря между богами и их ближниками – это не новость на славянских землях, и простолюдины прежде в дела ведунов не вмешивались. Немногие догадываются, что дело ныне идет о том, своим умом жить славянам или пришлые люди начнут им указывать дорогу. Не князья и не божьи ближники стали ломать заведенный от предков ряд, – делают это хазарские ганы. Став на путь измены славянским богам сойти с него они уже не смогут. А потому у хазарских ганов теперь одна дорога – на градские столы, силой утверждать кривду пришлого бога, ломая установленный ряд. Рано или поздно каган Битнос сделает решительный шаг, но Всеволоду хотелось, чтобы произошло это как можно позднее. Ибо не приходилось сомневаться, что обернется он большой кровью и неизбежным разорением многих городов и весей.

– Ладно, – махнул рукой Всеволод. – Пусть Торуса наведается к Рогволду, но чтобы имя мое не было даже упомянуто.

Торуса на дело вызвался с охотою. С Рогволдом его связывала давняя дружба. Для опального боготура распря с Гораздом – это единственная возможность вернуть расположение Всеволода и волхвов, а иначе так и придется доживать век в изгоях.

Князь Всеволод уже ушел из-за стола, а боготуры все продолжали бражничать, пользуясь его гостеприимством.

– А что, родович боярина Драгутина выздоровел Макошиными заботами? – спросил Торуса.

– Вчера мне в обители сказали, что не вынес отрок ран и ушел в Страну Света, оставив нам земные заботы, – вздохнул Скора.

– Легкой ему дороги, – пожелал Торуса. – За благое дело пострадал отрок, да не отвернутся от него славянские боги.

Скора с Брайко поддержали слова сотрапезника добрыми глотками вина. Тем не менее Торуса в смерти отрока усомнился. По словам Драгутина выходило, что отрок пострадал несильно, а Макошины ведуньи славились своим умением исцелять раны.

До Макошина городца дорога была недалняя, но Торуса изначально взял в сторону, не желая показывать Всеволодовым мечникам, куда путь держит. Изрядно поплутав по звериным тропам и удивив Клыча и Влаха, боготур к вечеру добрался до нужного места. Не сразу, но ворота ему открыли. Торуса был в Макошиной обители прежде только однажды, сопровождая князя Всеволода, а потому стражницы его не опознали. Пришлось ждать ведунью, с которой боготуру довелось в прошлый раз перемолвиться словом. Звали ведунью Ляной, и, по слухам, была она одной из самых близких к кудеснице Всемиле.

– Узнай у приживалок, куда делся раненый отрок, привезенный боярином Драгутином, – шепнул Торуса Клычу.

Ждать боготуру пришлось недолго. Все та же Ляна позвала его за собой под крышу высокого терема. Такой чести не всякий князь удостоивался, а ныне бабья богиня устами своей ведуньи звала простого боготура под своды своего жилища. Торуса шел за Ляной по узким переходам и гадал, какой окажется Макошина кудесница, о которой он прежде слышал много странного, а порой и страшного. По прикидкам Торусы, кудесница должна была пребывать в годах немалых, но вышло по-иному. Навстречу ему шагнула женщина далеко не старая, с глазами строгими, но ликом цветущая и телом округлая. Боготур не сразу взял в

толк, что перед ним кудесница богини, власти которой могли бы позавидовать многие князья и ганы. Приняла кудесница Торусу приветливо, указала рукой на широкую лавку, приглашая садиться, и сама опустилась рядом. Подолом Всемила почти касалась сапога Торусы, и при желании он мог коснуться коленом ее бедра. Но карие глаза смотрели на боготура строго, и он поспешил отбросить не к месту появившиеся мысли и перешел к главному:

– Нет во мне уверенности, что я правильно понял волю богини. То ли был сон, то ли его не было.

– А это уже не важно, – мягко сказала кудесница. – Нужные богам мысли разными путями западают в наши головы. Но коли ты вызвался стеречь ложе, а богиня тому не воспротивилась, значит, быть по сему.

– А что это за ложе чудесное? – удивился боготур. – И почему я его должен стеречь?

– Это ложе было взято Листяной из храма богини Макоши в дальних землях. На нем богиня предавалась отдохновению с мужами, достойными ее ласк. А недостойным того ложа лучше не касаться.

Торуса в это мгновение испытал чувство, очень похожее на страх. Все-таки он ложа не только касался, но и возлежал на нем. И возлежал не с богиней, а с простой женщиной Дарицей. Чего доброго богиня может спрос учинить с боготура за такое небрежение.

– А как же Листяна?

– Листяна знал Слово и долго им спасался от гнева богов, – пояснила Всемила.

– А со мной что будет, я ведь не знал, кому принадлежит ложе?

– Коли ты на ложе возлег и жив остался, то, значит, так богине угодно.

– А почему выбор богини пал на меня, мало ли других мужей, достойных ее милости?

– Богиня скажет тебе об этом, когда придет срок, – строго глянула на боготура кудесница. – А пока выполняй исправно ее волю.

Случай был подходящий, а потому Торуса не замедлил с просьбой:

– Человек я небогатый, и все мои средства ушли на восстановление городца. К сожалению, их не хватило на достойное завершение дела. А городец стоит на отшибе, для хищных людишек он лакомый кусок. А тут еще Шатун объявился в наших краях.

– Золото я тебе выделю, – сказала Всемила, – а Шатуна не бойся и, коли встретишь, не трогай. Бродит он по радимичской земле с ведома славянских богов.

Всемила пристально смотрела на боготура, словно пыталась постичь все его мысли. И не глаза у кудесницы, а колодцы бездонные, в которых можно утонуть без труда. Нельзя сказать, что эти глаза злы, но видно, что повелевать привыкли. В эту минуту Торуса поверил слухам, которые ходили меж дворов о Макошиной кудеснице. Сидевшая перед ним женщина не уступит мужчине твердостью сердца и ослушников своей воли покарает и без помощи богини.

Макошь облагодетельствовала боготура даже в большем размере, чем он ожидал. От ее даров заводной конь всхрапнул и спиной прогнулся. Торуса же, в отличие от гнедого, дарами бабьей богини был обрадован и, выезжая из городца, подмигнул на прощанье мрачной стражнице из приворотной вежи. Одетые в бронь женщины боготурскую приветливость оставили без внимания и бросили защитную решетку чуть ли не на хвост его коня. Из чего Торуса заключил, что самая приветливая женщина в Макошиной обители – кудесница Всемила.

– Сбежал отрок, – прошипел в спину Торусе Клыч. – Мне об этом девка рассказала. Летицей ее зовут. В старух, говорят, переоделись и сбежали, прячась за коровьими спинами. Известное дело, бабы, что с них взять.

Клыч захохотал, Влах подхватил его смех, Торуса тоже не удержался от ухмылки в густые усы. Ловок отрок, ничего не скажешь. Впрочем, простофили в роду князя Яромыра не водились. Одно было непонятно боготуру – зачем отроку понадобилось бежать из Мако-

шина городца? Что-то неладное было с этим отроком. Торуса сердцем чуял, что затевается большое дело, в котором ему, похоже, придется поучаствовать.

– Наверное, с этим отроком Клыч и поцапался ночью в лесу, – предположил рассудительный Влах.

Клыч в ответ недовольно засопел носом. Обидно было мечнику, что не совладал он в драке с недорослем. Клыч-мечник с норовом и попытается отомстить обидчику. Торуса счел нужным его остеречь:

– Если встретите отрока, то не трогайте его. Ближний родович он боярина Драгутина, оттого и пряткий такой.

Клыч сопеть перестал, видимо тоже сообразил, что ходит этот отрок по радимичским лесам в компании с Шатуном неспроста, но вопросов от него не последовало. Простому мечнику тайны Велесовых ближников знать ни к чему. А о боярине Драгутине Клыч, конечно, слышал. Да и кто в славянских землях не знает среднего сына князя Яромира. Говорили, что боярин Драгутин не только в сече удал, но и среди ведунов Даджбога один из первых. А еще говорили про сына Яромира, что кудесничать он умеет не хуже Солоха, первого ближника Солнечного бога. А тот Солох топчет землю уже более века, тогда как боярину Драгутину едва за сорок перевалило. Но и за этот срок боярин уже успел совершить немало и в землях своих, и в землях чужедальных, откуда всегда возвращался с богатой добычей.

В свой городец Торуса поспел как раз к ужину. У Лепка отвисла челюсть при виде Макошиных даров Велесову боготуру. Хватило у хитрована ума понять, что такие подарки даром не делаются.

– О дарах никому ни слова. А смердов побольше мани в наши края. Коли изгои проситься будут на землю, то пускай и изгоев. Серебром не сори, но помощь новосельцам окажи.

Лепок в ответ на наставления боготура только кивал головой. Себя он не обидит, в этом Торуса не сомневался, но безобразно хапать не будет. Лепок человек осторожный и знает меру во всем. Бывший Листянин, а ныне Торусов городец все более обретал жилой вид. Торуса неспешно обошел высланный тесом двор, наведаясь в хозяйственные пристройки, осмотрел прикупленных Лепком коров, за которыми ходили невесть откуда взявшиеся женки, и остался доволен осмотром.

– Холопок, что ли, купил? – обернулся Торуса к тивуну.

– Зачем же я буду серебро тратить? – удивился Лепок. – Ныне сирот много ходит меж дворов. Вот их и подобрал. Жито во многих семьях на исходе, а до следующего урожая еще дожить надо.

Торуса спорить с Лепком не стал. Тивун прав: рабочие руки городцу нужны. И сейчас пятнадцать мечников прокормить непросто, а боготур думал уже о куда большей дружине. По силе в наших землях человека встречают, по силе и провожают.

– Коней надо прикупить, десятка два.

– Не многовато ли будет? – почесал затылок Лепок. – Кони ныне недешевы.

– В самый раз. Земля уже просохла, со дня на день купцы пригонят лошадей из степи. Отправляйся в Берестень и потолкайся на торгу. Может, из мечников кого присмотришь, мне люди нужны.

За стол боготур восходил первым, как и положено обычаем, следом уселись на облюбованные места дружинники. Почти всех Торуса знал с детства, и возрастом они от боготура недалеко ушли. Разве что Ревун вдвое других постарше. На Ревуна Торуса полагался как на самого себя, а потому и за стол сажал одесную, и уважение оказывал как равному. Ошуюю сидел Клыч, по крови он был Торусе ближе всех, да и удали ему не занимать

– Двух шалопуг вчера едва не поймали, – сказал Ревун. – Вынюхивали что-то возле городца. Мы их пугнули, так они ушли через реку вплавь.

– А как они выглядели?

– Один в годах уже, с сильной проседью, а другой безусый отрок.

Торуса переглянулся с Клычем и покачал головой. Скорее всего, это были сбежавшие от Макошиных ведуний Драгутинов родович и его спутник.

– Коли не пропадут, то к боготуру Рогволду пристанут, – сказал сидевший на дальнем конце стола Ступень. – Он на той стороне реки собирает ушкуйников.¹⁸ Опять начнет щипать хабибу.

– С боготуром Рогволдом мне надо бы повидаться, – вздохнул озабоченный Торуса, – А ваша задача городец стеречь. Смотрите, чтобы смердов-новосельцев никто не обижал. Пусть все знают, что под рукой боготура Торусы жизнь безопасная и сытная.

К Рогволду, однако, Торусе удалось выбраться не сразу. Закружили заботы. Городец требовал неусыпного надзора. Лепок тем временем успел наведаться в Берестень и вернуться назад не с пустыми руками. Торуса на коней любовался и языком прицокивал. Хороши были кони, ничего не скажешь, но и содрали за них купцы тоже прилично. Лепок разводил руками и вздыхал, но по лицу было видно, что сделкой он доволен.

– Ган Митус приехал в город с двумя сотнями хазар, – сказал Лепок, понизив голос, – и купец с ним из хабибу – Ицхак Жучин. На торгу о хабибу говорят – из молодых, да ранний. А ган Горазд твердо взял власть в городе в свои руки, и Будиминова дружина держит его сторону.

Из Берестеня тивун привел с собой не только лошадей, но и рослого мечника. Торуса на мечника искоса поглядывал, прицениваясь к стати, броне и оружию. По всему выходило – гожий мечник. Боготуру показалось, что он видел его прежде.

– Садко это, – пояснил Лепок, – бывший мечник князя Твердислава. С ганом Гораздом он не поладил и ушел с княжьего двора. К тебе, боготур, хочет поступить на службу.

– Добро, – сказал Торуса, глядя в глаза мечника. – Коли возьмем добычу, то доля твоя в добыче равная со всеми прочими дружинниками, Садко. Коли в сече коня потеряешь, то новый конь – моя забота, а коли по недогляду пропадет конь, то замену ищи сам. Место тебе за моим столом, вровень с прочими мечниками. Согласен на мои условия?

– Согласен, – спокойно сказал Садко. – Можешь на меня положиться, боготур, не подведу.

¹⁸ Ушкуйник – речной разбойник.

Глава 11 РОГВОЛДОВ СТАН

Чтобы поближе присмотреться к новому человеку, Торуса, отправляясь к Рогволду, взял его с собой. Ну и Клыча с Влахом прихватил, на которых во всем полагался. Выехали с первыми лучами солнца, а через реку переправились вплавь, приторочив бронь и оружие к седлам. Река в этом месте была неширока, но потрудиться все равно пришлось, махая руками против быстрого течения. Снесло их вниз чуть ли не на треть версты, однако переправились удачно. Кони зло отфыркивались на берегу, а Торуса поспешил опоясаться мечом. Места здесь глухие – самое место шалопугам разгуляться.

Лес был богат дичью, как успел заметить Торуса, а по ручьям бобровых хаток с избытком. Бобровый мех на славянских торгах всегда в цене, заморские гости рвут его с руками. Не ко времени Рогволд здесь обосновался со своими ушкуйниками. Для Торусовых смердов это опасное соседство. Начнут, чего доброго, новоселов зорить, и Рогволд их не удержит.

К полудню подъехали к озерку, а навстречу всадникам с того озерака пырхнули гуси-лебеди. Да так густо пырхнули, что чуть небо собой не заслонили. Торуса только успел крикнуть «бей!», как три стрелы свистнули у него из-за спины, и три птицы камнем попадали на землю. Боготур с удовлетворением отметил, что новый мечник Садко не оплошал, не уступил в меткости и расторопности проверенным лучникам Клычу и Влаху.

Здесь же на берегу озерака испекли на углях подстреленных гусей. В приготовлении птицы Влаху равных не было, умел он ее приготовить так, что никакой стряпухе за ним не угнаться. Для мечника такое умение – божий дар. Чуть не вся жизнь у него проходит в походах, и тут уж если сам о себе не похлопочешь, то никто не подаст.

– На таких озерках вилы¹⁹ чудят в лунную ночь, – сказал Клыч. – Мне один человек рассказывал, как закрутили его озерные женки и едва не уволокли на дно, чудом только спасся. Пришли на водопой кабаны и распугали вил. Месяц он потом от напущенной ими хмари отходил и целый год к воде подходить боялся.

– Вилы – это еще полбеды, – махнул рукой Садко. – А вот если Шатун поведется в село – тогда беда. Еще зимой встретил я на торгу двоих смердов, так они мне поведали, что в их село Шатун сначала вбросил свое семя, а потом, двадцать лет спустя, забрал своего сына. Шатуны в тех местах были хозяевами еще до прихода славянских богов, а потому и не хотят свою землю даром отдавать.

– А Шатунов, отрок пропал, говоришь? – спросил Торуса.

– Пропал, – подтвердил Садко. – Был он по матери из Данборовой семьи рода Молчунов и Осташу, моему знакомому, доводился братаном.

– А твой знакомый на высылки вернулся?

– В хазары он пошел, к гану Горазду. Отрок еще несмышленный, годов восемнадцати. Но ган его знатно приветил: коня дал, меч дал, да еще и отступного отцу – пять гривен.

– Золотой он, что ли, этот твой Осташ? – засмеялся Влах. – Или хазарскому гану серебро некуда девать?

Торуса решил, что ган Горазд приветил отрока неспроста. И имя Листяны Колдуна в связи с объявившимся Шатуном всплыло не случайно. Очень может быть, что шатуненком заинтересовался не только ган Горазд, но и боярин Драгутин с кудесницей Всемилой. Но также очень может быть, расчеты ближников божьих не понравились Шатуну, который

¹⁹ Русалки.

поспешил вмешаться в ход событий. Но тогда возникает вопрос – кто он такой, этот Шатун, реальное лицо или призрак, присланный из Страны Забвения?

Занятый тревожными мыслями, Торуса успевал, однако, смотреть по сторонам и настороженно вслушиваться в тревожную тишину леса. Впрочем, тишина была относительной: там ветка хрустнет, там птица пырхнет, пискнув на прощанье что-то свое и очень для нее важное. Торуса ехал по лесной тропе первым, что налагало на него определенные обязанности. Клыч сторожил правую сторону, Влах – левую. Садко защищал тыл, вывернув голову чуть ли не вперед затылком. Тропа была узка, так что двум коням невозможно было разминуться, и вела по лиственному лесу, где спрятаться человеку не составило бы труда.

– Шалопуга! – шепнул Клыч в спину боготуру.

– Вижу, – спокойно отозвался Торуса.

Он действительно уже успел заметить наблюдателя, притаившегося в развилке дуба на противоположном краю лесной поляны, на которую должен был ступить из зарослей Торусов конь.

– Может, сбить его с дерева? – предложил Клыч. – Он у меня как на ладони.

Судя по всему, наблюдатель чужаков еще не обнаружил, иначе не вел бы себя так вольно, выставив неприкрытую грудь на всеобщее обозрение.

– Бродяга! – презрительно сплюнул через губу Клыч. Торуса наконец обнаружил второго, более осмотрительного, чем его приятель, притаившегося за соседним стволом почти у самой земли.

– Приколи его к дереву, – велел Торуса, Клычу, – но не до смерти.

Сам боготур тоже взялся за лук. Две стрелы свистнули почти одновременно, а в ответ вскрикнули потревоженные ими люди. Торуса послал коня на поляну вслед за стрелой и поспел к месту события даже раньше, чем подстреленный им человек свалился на землю. Шалопуга, впрочем, почти не пострадал, стрела лишь слегка поцарапала его руку, сжимавшую лук. Теперь лук валялся под деревом, а сам незадачливый сторож потирал ушибленный бок и смотрел испуганными глазами на подскакавшего боготура. Второго бродягу Клыч пришил к дереву так удачно, что тот никак не мог оторваться от ствола и спрыгнуть на землю, а потому и орал в ужасе.

– Снимите его! – крикнул Торуса Клычу и Влаху и, повернувшись к стоявшему перед ним лесному разбойнику, спросил: – Кому служишь?

– Боготуру Рогволду.

По рогатому шелому и знакам на щите он уже опознал в Торусе боготура, а потому успокоился. Встреча с хазарами закончилась бы для него немедленной смертью, но с Велесовым ближником он рассчитывал договориться.

– До Рогволдова стана далеко?

– С версту будет, – охотно отозвался шалопуга.

Был он невелик ростом, но в движениях ловок; сбитый с дерева, все-таки умудрился приземлиться, не сломав при этом ни рук, ни ног. Ничего злодейского Торуса в его облике не обнаружил, наверняка из разоренных смердов, которых нужда гонит в лес за пропитанием. Клыч с Влахом, смеясь, притащили второго шалопугу. Этот пострадал еще меньше, чем собрат по разбойному ремеслу, стрела пробила всего лишь ворот его кожуха. А орал он от испуга, неожиданно потеряв опору и повиснув в воздухе.

– Давно в изгоях? – спросил Торуса.

– Как погорели, так и пошли, – посмурнел лицом первый, – малые и старые у добрых людей просить, а нам деваться некуда – либо в закупы идти, либо в шалопуги.

– А родовичи почему не помогли? – спросил Клыч.

– А кто поможет? – зло сплюнул под ноги второй, отошедший от испуга. – Старшине нажитки дороже славянской правды, а простые людины и рады бы, да нечем.

– Путных разбойников из вас не получится, – усмехнулся Торуса. – И коли захотите к земле вернуться, то приходите к Листянину городцу, я новосельцам помощь даю.

Рогволд, похоже, не слишком опасался хазарской мести, ибо на всем пути до его стана незванные гости не встретили больше сторожей. И только когда в воздухе запахло дымом костров и варевом, их наконец окликнули. В вышедшем навстречу мечнике Торуса опознал Зорю, Рогволдова родовича, и приветливо махнул ему рукой.

– Слышали мы, что повезло тебе, боготур, – сказал мечник, – и вроде мы теперь с тобой в соседях.

– В соседях, – подтвердил Торуса. – Заехал вот навестить старых друзей.

Вздумай Торуса сам дорогу искать, так, пожалуй, заблудился бы в подземных переходах, где к тому же было темно, хоть глаз коли. Время от времени Зоря подавал голос, – видимо, предупреждал таившуюся по углам стражу, что идут свои. А закончилось это плутание в потемках в просторной и неожиданно светлой пещере. Торуса даже прикрыл глаза рукой, ступив неожиданно для себя под солнечные лучи.

Встретили его раскатистым смехом. По этому смеху Торуса, еще не открыв глаза, опознал Рогволда. Веселым человеком был младший брат погибшего князя Твердислава, если, конечно, не впадал в буйную ярость из-за действительных и мнимых обид. В ярости же он удержу не знал, а бычья сила сделала его в такие минуты просто опасным. Торуса не без удовольствия разглядывал старого друга. Рогволд был высок ростом, плечист, с толстой шеей, увенчанной крупной, лобастой головой. Бороды он не носил, а рыжие усы гнутой подковой сбегали к подбородку. Серые глаза Рогволда светились весельем, а тяжелая рука дружески похлопывала Торусу по спине. Боготур Рогволд, к слову сказать, неплохо устроился в старом схроне. Пещера была суха, чистый речной песок бодренько похрустывал под лаптями молодки, которая взялась прислуживать боготурам.

– При ней можешь говорить без опаски, – кивнул в сторону женки Рогволд. – Я ей верю как самому себе.

Торуса женщинам вообще не верил, и уж тем более он не собирался доверяться этой вертлявой смуглянке с хитрыми карими глазами. Хотя и признал, что женка хороша собой: черноволоса, широкозада, полногруда, да и ростом ее боги не обидели. Такая в драке не каждому мужику уступит.

Гость из братины отпил, но четырем углам кланяться не стал. Ибо не в дом он пришел к боготуру, а во временное пристанище. Рогволд Торусово поведение оценил и вздохнул тяжело:

– Живу ныне изгоем.

Торуса сочувственно закивал головой. Несправедливо поступают с Рогволдом. Явно против Велесовой правды. Назвать боготура безвинным нельзя, но и вина его не та, чтобы взыскивать полной мерой.

Рогволд сочувственные слова гостя слушал с удовольствием и посверкивал в его сторону смеющимся глазом. Боготур уже сообразил, что осторожный и тороватый Торуса наведялся в его стан неспроста. И уж наверняка не без согласия князя Всеволода. Даром, что ли, числится Торуса среди самых близких к Великому князю боготуров.

– Когда это было, чтобы хазарский ган в радимичском городе судил да рядил?! – возмущенно выкрикнул Рогволд, подливая вина в кубок гостя.

Кубок был чужой, неславянской работы и, скорее всего, был отобран у хабибу, подвернувшихся под горячую боготурскую руку. И вино у боготура было хорошее и тоже, конечно, чужое.

– Ган Митус приехал в Берестень, – сказал Торуса, – а с ним две сотни хазар. Так что сил у гана Горазда более чем достаточно.

Рогволд этой вестью явно огорчился, даже лицо у него потемнело. Наверняка рассчитывал пощипать трехсотенного хазарского гана без большого шума, а ныне получался совсем другой расклад.

– Берестяне мне обещали поддержку. Старейшины младших родов отдадут за меня свои голоса. И в дружине щенка Будимира есть мои сторонники.

– Берестяне тебе не простят, если ты начнешь ратиться в городе с большой кровью и разрухой, – остерег боготура Торуса. – Здесь хитрость нужна.

– А князь Всеволод?

– Всеволоду не резон ссориться с каганом Битюсом, – покачал головой Торуса. – Тем более что вече выкликнуло на градский стол не гана Горазда, а малого Будимира.

– Я в семье старший, – напомнил сердито Рогволд. – Не вправе было вече без моего согласия выкликать Будимира.

– Но ты ведь в изгоях ныне по слову Великого князя, и Всеволод не может взять свое слово назад ни с того ни с сего. Не забывай, что твою голову у Великого князя требовал сам каган Битюс.

– Что мне каган! – махнул рукой Рогволд. – Коли князь Всеволод такой осторожный, то я обращусь за поддержкой к даджанам. Возьму Берестень и отдам его под руку князя Яромира.

Торуса не стал спорить с Рогволдом, но сказанное им намотал на ус. Наверняка даджаны уже проторили к опальному боготуру дорожку. И уж конечно здесь не обошлось без боярина Драгутина.

– Шатун объявился в наших краях, – сказал Торуса и потянулся через стол к дичине. – Не слышал?

– А что мне Шатун?! – махнул рукой Рогволд.

– Я это к тому, что Шатун семя в один род вбросил, и ган Горазд тем шатуненком заинтересовался.

– А зачем Горазду шатуненок?

– Есть причина. Ты о Листяниных схронах слышал? На них заклятие наложено, и снять его может либо Шатун, либо сын Шатуна. Теперь понял, зачем хазарскому гану понадобился шатуненок?

– Ловок ган Горазд, – усмехнулся Рогволд, – чужого города ему мало, он решил запустить руку в чужую казну.

– Есть в наших краях люди и половчее Горазда.

– Это кто ж такие? – не понял Рогволд.

– А мы с тобой, – засмеялся Торуса.

– Ты что же, собираешься прибрать к рукам не только Листянин городец, но и его схроны?

– А ты решил свое место на городском столе отдать хазарскому гану?

Рогволд не удержался и в ярости отшвырнул в угол пустой кубок. На Горазда он был страшно зол, и Торуса не сомневался, что подбить боготура на любое, даже самое опасное дело труда не составит. А дело, которое он затевал, было опасным, и главная трудность заключалась не в хазарском гане. Торуса подозревал, что вокруг Листяниных схронов сплетаются интересы многих людей, и разобраться в этом клубке будет непросто. Но разобраться придется, иначе боготуру не усидеть на шестке, куда он неосторожно взобрался.

– Надо выманить Горазда из города с малой силой, – прошептал Торуса.

– С малой силой он в наши края не сунется.

– Так ведь золото! – напомнил Торуса. – А ежели с большой силой идти за кладом, то потом придется делиться. А ган Горазд жадноват, как ты только что правильно заметил.

Рогволд захохотал, откинув назад кудрявую голову. Дураком брат князя Твердислава не был, это Торуса знал точно. Вот только не напорол бы глупостей в горячке.

– Хочешь подсунуть ему шатуненка? – спросил Рогволд, отсмеявшись.

– Абы кого подсунуть не удастся. В хазарах у Горазда ходит братан шатуненка, он облачит подмену без труда.

– А где мы настоящего шатуненка возьмем?

– В ваших краях он бродит, не исключено, что успел уже к твоим шалопугам прибиться.

– Рада, – окликнул женщину Рогволд, – появлялся кто-нибудь новенький в нашем стане за последние дни?

– Отрок лет двадцати, и с ним человек в годах, – отозвалась таившаяся в тени женка. – Отрока зовут Искар, а его спутника – Щеком.

– Похоже, они, – кивнул головой Торуса. Уверенности, что Искар, бежавший из Макошина городца, является сыном Шатуна, у Торусы не было, зато он почти не сомневался, что этот прибившийся к Рогволдову стану отрок – родович боярина Драгутина или, точнее, человек, которого даджан выдает за такового. Много было неясно в этом деле для Торусы, но сейчас как раз представился случай разобраться, кто и зачем плетет сети вокруг Листяниных схронов. Отрок Искар и есть ключ к разгадке чужой и очень замысловатой игры.

Шалопуги в пещеру не допускались. Люди были подозрительные, собранные с бору по сосенке, и знакомить их с системой переходов было бы глупостью. Торуса вскоре убедился, что и сам Рогволд не очень уверенно ориентируется в своем подземном граде.

– Кто накопал эти бесовы норы?! – ругнулся боготур, выбираясь на свежий воздух. – Я бы ему руки оторвал.

– Зато тебя отсюда не враз выковырнешь, – усмехнулся Торуса.

На кострах варили похлебку. Сытый Торуса к запаху варева остался равнодушен, зато не оставил своим вниманием собравшихся вокруг костров людей. Шалопуг было не меньше сотни, в основном обычные смерды, изгнанные нуждой из родных мест. Но попадались среди них в немалом числе и люди бывалые, этих легко было отличить по ухваткам и по взглядам исподлобья, которые они метали в незнакомого боготура.

– С таким сбродом много не навоюешь, – покачал головой Торуса.

– Хороших мечников у меня полсотни, – вздохнул Рогволд. – А более взять негде. Никто к изгою даром служить не пойдет.

Торуса отметил, что Рогволдов стан расположен на редкость удачно, во всяком случае, захватить шалопуг врасплох вряд ли кому-то удастся. До реки рукой подать, но берег высок и обрывист. А вокруг стана густой, непролазный лес, пройти через который с большой ратью будет непросто. И вдобавок – схроны. В один миг вся разбойная рать скроется под землю и начнет оттуда жалить нападающих стрелами.

– Опознал? – спросил Торуса у подошедшего Клыча. Клыч сверкнул зубами в подступившей темноте и тихонько выругался. Торуса хорошо знал злопамятный нрав родовича, а потому остерег его от скорой расправы.

Отрок боготуру понравился: высок ростом, плечист, ликом чист, да и нравом, похоже, спокоен. Одно обстоятельство поразило Торусу: уж больно похож был отрок на боярина Драгутина. А боготур было засомневался, что тот ему доводится родовичем.

– Из каких мест будешь, отрок? – спросил Торуса, останавливаясь у костра.

Искар ответил не сразу, подозрительно оглядывая подошедших:

– Из дальнего сельца, что у Поганных болот.

Торуса ответу почти удивился. Неужто и вправду этот вполне обычный с виду отрок – шатуненок? Но тогда при чем здесь боярин Драгутин? И как быть с несомненным сходством?

– Погорелец, что ли?

– Просто ушел искать свою долю, – покачал головой Искар. – Может, пристану к ушкуйникам, хочется поглядеть на чужие края.

– В чужих краях голову запросто потерять можно, – усмехнулся Торуса. – Иди, отрок, в мою дружину. Мне мечники нужны, а ты по виду молодец хоть куда.

– Мне за стенами городца скучно, – покачал головой Искар. – Послужу пока боготуру Рогволду.

Отрок был явно себе на уме. И к Рогволдову стану он похоже, неспроста прибился. Однако вряд ли Листяна свое золото в этих схронах спрятал, поскольку известны они многим и не одна разбойная ватажка облазила их вдоль и поперек.

– Шатуненок? – спросил Рогволд, когда они отошли на приличное расстояние от костра.

– Похоже на то, – кивнул головой Торуса. – Ты отправь Искара в Берестень, за продуктами или по иной надобности. Понял?

– А если Горазд приберет его к рукам?

– Так затем и направь, чтобы прибрал. А иначе как ты выманишь гана из города?

– Пошлю Раду, – сказал Рогволд, задумчиво глядя на огни затихающего к ночи стана. – Она сумеет обвести Горазда вокруг пальца.

Торуса возражать не стал: женщина, судя по всему, действительно неглупая. Вот только преданность ее Рогволду у боготура вызывала сомнение. Но даже если подослана она к Рогволду ганом Митусом или даджаном, делу это помешать не должно.

– Садко опознал Щека, – прошептал на ухо Торусе Клыч, когда Рогволд отошел в сторону. – Он тайно приезжал к князю Твердиславу. Синяга как-то при Садко этого Щека другим именем назвал, а потом спохватился и велел мечнику помалкивать.

– А имя Садко не запомнил?

– Имя урское, а более Садко ничего не удержал в памяти. Уже более двух месяцев прошло после того случая.

Конечно, Садко мог и обознаться. Но предчувствие подсказывало боготуру Торусе, что мечник, скорее всего, прав и этот лже-Щек тоже неспроста крутится возле шатуненка. Ну и главное, что предстоит выяснить Торусе, – почему эти двое, Искар и Щек, оказались в розвальнях боярина Драгутина?

Глава 12 ГАН И КУПЕЦ

Ган Горазд успел уже почувствовать себя в Берестене хозяином, когда какой-то зло- вредный бес принес по весеннему солнцепеку гостей с немалой свитой. Гости, оказавшие внимание захудалому гану, только-только почувствовавшему вкус удачи, были непростые. Ган Горазд, как хозяин отменно гостеприимный, сиял добродушием, но в душе его копоши- лась злоба. И опасение было – как бы первые ближники кагана не вырвали кусок из его горла.

Ган Митус, муж невеликого роста, но дородный, с хитроватым прищуром заплывших жиром глаз, тяжело отдувался после обильной пищи и немалой толики вина, принятой за пиршественным столом. Сам ган Горазд, уступив место во главе стола Митусу, скромно сидел одесную Битюсова ближника. Ошуюю расположился Ицхак Жучин, человек молодой, приятной наружности, улыбочивый и доброжелательный в отношении не только ганов, но и простых мечников. Ган Горазд, хоть и не был близко знаком с Жучином, но немало был о нем наслышан, а потому его улыбкам не верил.

Князя Будимира по младости лет за стол сажать не стали, но гостям показали. Ган Митус облобызал ребенка жирными губами, а Ицхак подарил ему зверя, вырезанного из камня. Дружина же малого князя была допущена к столу вперемешку с хазарами Митуса и Горазда.

Ган Митус, насытив утробу, высказал немало лестных слов в сторону как Будимиро- вых мечников, так и Гораздовых хазар, а также выразил глубочайшее сожаление по поводу безвременной кончины князя Твердислава, чем свел на нет все предыдущие похвалы. Ибо сидевшие за столом мечники и хазары не могли не чувствовать своей вины за случившееся. Сила, конечно, на детинец навалилась немалая, и застала она его защитников врасплох, но ведь и сопротивления никто не оказал. В словах Митуса, вроде бы хвалебных, многим почув- дилась насмешка. Во всяком случае, ган Горазд воспринял слова гостя именно так и затаил обиду. Словом, пир не задался. Мечники, привыкшие к простым шуткам Твердислава, дву- смысленные речи гана Митуса воспринимали с трудом, а потому помалкивали, налегая на вино и брагу. Сильно пьяных за столом не было: и Будимировы мечники, и Гораздовы хазары чувствовали себя за столом как в гостях, правда, неясно, у какого хозяина.

– Каган Битюс надеется, что берестяне не станут терпеть бесчинства, творимые дад- жанами на радимичских землях, и осудят Великого князя Всеволода, лишившего безвинно жизни своего родовича по наущению пришлых людей. Каган же со своей стороны обещает берестянам поддержку и защиту.

Брех с Глуздом, сидевшие неподалеку от гана Горазда, переглянулись. Похоже, каган Битюс решил поквитаться с божьими ближниками и ищет теперь застрельщиков опасного дела. Но в застрельщиках Твердиславовым, а ныне Будимировым мечникам ходить не хоте- лось. Пока это каган Битюс подойдет с помощью, а за это время князь Всеволод трижды успеет головы снять с мятежников.

– Так ведь нет прямой вины Всеволода в смерти Твердислава, – осторожно заметил Брех. – Это волхвы осудили его на смерть.

Слова Бреха мечники встретили одобрительным гулом. Хазары Горазда помалкивали, да и сам он не сказал в поддержку Митуса ни слова.

– Князь Всеволод хитрит, – поморщился толстый ган, – а сам за вашими спинами науськивает боготура Рогволда, который собрал под свою руку немалую силу и готовится к напуску на город.

– Если Рогволд пойдет на нас войной, то мы скажем свое слово, – отозвался Брех, – но задираться самим нам незачем.

И опять угодил Брех своим товарищам мечникам, огорчив при этом знатного гостя. Впрочем, ган Митус вслух своего огорчения высказывать не стал, а предложил пустить по кругу прощальную братину за здоровье кагана Битюса. За кагана выпили стоя и молча сошли от стола. Пора было и честь знать. Да и разговор принимал оборот, для многих нежелательный.

– Торопишься ты, ган, не в обиду тебе будет сказано, – вздохнул Горазд. – Не совладать нам со Всеволодом теми силами, которые у нас есть.

– Ты уже решил, что я тебя брошу на Всеволодовы городцы? – засмеялся Митус. – Не для того я завел этот разговор, чтобы ополчить трусливых людишек против Всеволода, а для того, чтобы мои слова дошли до ушей Великого князя и отбили у него охоту к союзу с даджанами и новгородцами. Князь Всеволод человек осторожный, чтобы не сказать трусоватый, и, прежде чем собраться в поход, сто раз подумает. Вот я и подбросил ему пищу для размышления.

Жучин захохотал, показав два ряда великолепных зубов, которыми можно было разгрызть не только мясо, но и кости. Горазд сердито покосился на развеселого купца, но не стал высказывать своего недовольства вслух.

– Почему бы кагану прямо не сказать берестянам, что он берет их под свою руку?

– А какой прок кагану от одного города? – Митус поморщился и отставил кубок в сторону.

– У кагана хватит сил не только на Берестень, – возразил Горазд.

– Кто ж спорит? – пожал плечами Жучин. – Но для того чтобы подмять под себя города, их придется жечь и зорить. Кагану достанутся одни головешки.

– Князя не пойдут добром под руку кагана и не откажутся от правды славянских богов, – махнул рукой Горазд.

– Нам не князя нужны, а обыватели, – сказал веско Митус. – Обыватель пойдет за тем, кто даст ему защиту и порядок. Ближников богов славянских следует избыть с этих земель не силой, а хитростью. Для этого нужно, чтобы простолюдины от них отвернулись и направили свои взоры на кагана. Ты, ган Горазд, Берестень под себя взял с умом, и каган тобой доволен, но если будешь здесь сидеть сиднем, то город у тебя из рук вырвут. Про боготура Рогволда я ведь сказал не шутя. Он готовится к захвату Берестеня, об этом у меня имеются верные сведения.

Про Твердиславова брата Горазд, конечно, слышал, но в расчет его не брал. Стены Берестеня крепки, защитников достаточно, и взять его с наскока не только Рогволду, но и князю Всеволоду будет непросто.

– Затевают что-то божьи ближники, – задумчиво проговорил Митус. – Не худо бы вызнать, что именно, ган Горазд. Ицхак тебе поможет. Прислушайся к его словам, худого он тебе не присоветует.

Горазд в этом как раз не был уверен, но не стал спорить с Митусом. Молодой ган подсадовал на то, что Митус с Жучином, прожив в этих краях всего лишь семидницу, знают о том, что делается в округе, больше, чем он. Конечно, у Митуса и Жучина в окрестных градах и весях туча соглядатаев, но кто мешал Горазду подобными людишками обзавестись.

Объевшийся на пиру ган Митус отправился отдыхать, а Жучин остался и теперь лениво тянул из кубка красное вино, кося на Горазда насмешливыми глазами. Горазду чужак не нравился, но выставлять напоказ свою нелюбовь он не торопился. Ицхак богат, близок к кагану и, коли озлобится на Горазда, много крови ему сможет попортить.

– Не могу понять, Ицхак, что вас, иудеев, держит в наших землях. – Горазд поднялся и прошелся по гридне, разминая затекшие члены. – Золота у тебя с избытком, отъехал бы в чужие земли и доживал бы свой век в покое.

– Я еще слишком молод, Горазд, чтобы мечтать о покое. Да и люди в иных краях нисколько не лучше, чем в славянских землях.

– Что же они там, совсем без правды живут?

– Правда, к сожалению, у каждого своя, – вздохнул Ицхак.

– А ты хочешь, чтобы все по слову твоего бога жили?

– Один ряд на всей земле – к выгоде купца, – кивнул головой Жучин.

– Выгода купца для иных-прочих может полным разорением обернуться.

– И это бывает, – согласился Ицхак. – Но ты не будь олухом. Отдельные люди, случается, разоряются, но в целом край только богатеет.

– Отчего же тогда разорились славянские города? – прищурился Горазд.

Ицхак засмеялся и отставил кубок в сторону.

– У тебя есть ценный дар, ган, который редко встречается в людях, – ты любое слово подвергаешь сомнению. Люди обычно падки на посулы, а того не понимают, что посулы в мощну не положишь. Разорили мы славянские города по приказу кагана, ибо в богатстве этих городов сила божьих ближников.

– А иной силы ты за ведунами не видишь?

– А в чем та сила? – удивился Ицхак.

– В правде славянских богов.

– Бог один, Горазд, и он на моей стороне.

– И в чем же правда твоего бога?

– Правда в том, что люди должны жить по заветам, моим богом установленным, и всем, кто против его ряда идет, не будет в жизни удачи.

– А за соблюдением божьих заветов следить будете вы, иудеи?

– Так ведь нет у Бога народа ближе, чем мы, – добродушно улыбнулся Жучин. – Кому, как не нам, судить о его правде. Ты ведь за ведунами и волхвами признаешь право суда? А чем, скажем, князя Яромир и Всеволод лучше ганов Митуса и Горазда?

– Они право суда унаследовали от отцов и дедов, – нахмурился Горазд. – Родовые старшины и простолюдины признают это право за ними.

– Признают, да не все! – напомнил Ицхак. – Старшина скифских и славянских родов в Хазарии уже в немалом числе поклонилась моему Богу.

– Из выгоды поклонилась! – в сердцах воскликнул Горазд.

– Так ведь выгода правит миром, – удивился его горячности Ицхак. – Если все это поймут, то людям много проще станет жить. Взять хоть бы тебя, ган, ты ведь в Берестене обосновался не по правде славянских богов, а по выгоде. И выгода эта не только твоя, но и городских обывателей. А если бы на градский стол взошел боготур Рогволд, то многим бы солоно пришлось от его буйного нрава. Вот тебе правда славянских богов, и вот тебе правда моего Бога. И по правде моего Бога ты кругом прав, Горазд, ибо в князья ты больше годишься, чем боготур Рогволд.

В словах Ицхака была большая доля истины, и даже не потому, что он на сторону Горазда стал, а просто никудышный князь получился бы из Рогволда. Это знали все: и городские обыватели, и княжья дружина, и даже Великий князь Всеволод, но тем не менее прав у боготура было больше, чем у гана. Причем прав, не самим Рогволдом заслуженных, а перешедших к нему от предков. Но ведь не всегда правы те, кто утверждает, что от хорошего семени не бывает худого племени. И боготур Рогволд тому подтверждение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.